

Ю.М. Лезгинцев
**Соратники
и соперники**

Историко-биографические очерки
эпохи борьбы за независимость
испанских колоний в Южной Америке

Ю.М. Лезгинцев

Соратники и соперники

Историко-биографические
очерки эпохи борьбы
за независимость
испанских колоний
в Южной Америке

МОСКВА

«Международные отношения»

УДК 94(8):325.83(092)
ББК 63.3(70)52-8
Л41

Лезгинцев Ю. М.

Л41 Соратники и соперники: историко-биографические очерки эпохи борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке / Ю. М. Лезгинцев. — М.: Международные отношения, 2017. — 248 с.: ил.

ISBN 978-5-7133-1583-2

Предлагаемая книга является логическим продолжением первых двух томов, объединенных названием «Генералы свободы», в которых рассказывается о жизни и деятельности выдающихся лидеров борьбы за освобождение Южной Америки от колониального гнета: Хосе Франсиско де Сан-Марті́на и Симона Боли́вара.

Поскольку период времени, в который проявили себя эти люди, как и любая революционная эпоха, был необычайно сложным и противоречивым, изложение их свершений, по-видимому, было бы неполным без описания деятельности окружавших их исторических персонажей. Даже самые выдающиеся личности не смогли бы в одиночку перевернуть пласты наследия трех столетий испанского господства и осуществить жизненно важные для креольской нации преобразования, прежде всего — завоевание политической и экономической независимости.

УДК 94(8):325.83(092)
ББК 63.3(70)52-8

ISBN 978-5-7133-1583-2

© Лезгинцев Ю. М., 2017
© Издательство «Международные отношения», подготовка к изданию и оформление, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от автора	5
---------------------------------	---

ЧАСТЬ I

Пролог: Рио-де-ла-Плата	8
-----------------------------------	---

МАНУЭЛЬ БЕЛЬГРАНО

Экономист, революционер, генерал, дипломат (3.06.1770–20.06.1820)	15
--	----

ХУА́Н МАРТИ́Н ДЕ ПУЭ́ЙРРЕДО́Н

Инсургент, губернатор, верховный правитель (18.12.1777–13.03.1850).	49
--	----

КА́РЛОС МАРИ́Я ДЕ АЛЬВЕА́Р

Генерал, политик, дипломат (25.10.1789–2.11.1852)	85
--	----

ЧАСТЬ II

Пролог: Уругвай и Парагвай.	108
-------------------------------------	-----

ХОСЕ ХЕРВА́СИО АРТИ́ГАС

Гаучо, каудильо, верховный правитель, изгнанник (19.06.1764–23.09.1850)	112
--	-----

ЧАСТЬ III

Пролог: Чили	140
------------------------	-----

БЕРНА́РДО О'ХИ́ГГИНС

Латифундист, генерал, государственный деятель (20.08.1778–24.09.1842)	145
--	-----

ХОСЕ МИГЭЛЬ КАРРÉРА

Гусар, каудильо, изгнанник

(15.10.1785–4.09.1821) 194

ЧАСТЬ IV

Пролог: Кито, Перу (Верхнее Перу) 218

АНТÓНИО ХОСЕ ДЕ СЎКРЕ

Воин, организатор, государственный деятель

(3.02.1795–4.06.1830) 223

Список литературы. 245

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга является логическим продолжением первых двух томов, объединенных названием «Генералы свободы», в которых рассказывается о жизни и деятельности выдающихся лидеров борьбы за освобождение Южной Америки от колониального гнета: Хосе Франсиско де Сан-Мартина и Симона Боливара.

Поскольку период времени, в который проявили себя эти люди, как и любая революционная эпоха, был необычайно сложным и противоречивым, изложение их свершений, по-видимому, было бы неполным без описания деятельности окружавших их исторических персонажей. Даже самые выдающиеся личности не смогли бы в одиночку перевернуть пласты наследия трех столетий испанского господства и осуществить жизненно важные для креольской нации преобразования, прежде всего — завоевание политической и экономической независимости.

Антиколониальная, а по сути буржуазная революция в испанских колониях в Америке являлась составной частью фундаментального исторического процесса смены экономических формаций, поэтому происходившие перемены были предопределены и неизбежны. Объективная необходимость обусловила появление целой когорты востребованных обществом пассионариев, воспринявших передовые идеалы того времени, не пожалевших своих сил, состояний, а иногда и жизни для торжества идей свободы, справедливости и гуманизма.

Естественно, они были людьми своего времени, со всеми присущими ему достоинствами и ограничениями. Совершали ошибки, но добивались поставленных целей. Их судьбы в значительной

степени переплелись между собой. Сейчас их биографии изучают в школах в качестве примера для нынешних поколений, их почитают как основателей современных государств. Они стали национальными героями. Без преувеличения можно сказать, что их дела, поступки и мысли до сих пор формируют психологический облик наций, служат основой латиноамериканской идентичности, без знания которой невозможно успешно налаживать сотрудничество со странами региона, какой бы сферы деятельности оно ни касалось.

В этом, как представляется автору, заключается «добавленная стоимость» и практическая польза данных историко-биографических очерков, включающих жизнеописания Мануэля Бельграно, Хуана Мартина де Пуэйрредона, Карлоса Марии де Альвеара, Хосе Хервасио Артигаса, Бернардо О'Хиггинса, Хосе Мигеля Карреры и Антонио Хосе де Сукре.

Более того, персональные истории каждого из них связаны и помогают подсветить, а иногда и объяснить мотивы поступков героев первых двух книг: Сан-Мартина и Боливара, дать в совокупности более широкую панораму явлений, насытить повествование историческими деталями, проследить взаимосвязь прошлого с настоящим.

* * *

Книга состоит из четырех частей, сгруппированных по географическому принципу: Рио-де-ла-Плата, Уругвай, Чили, Кито и Верхнее Перу. Такая компоновка дает возможность более последовательно говорить о происходивших событиях, предваряя их краткими историческими справками (в региональной проекции), что помогает подготовить и ввести читателей в канву повествования.

Юрий Лезгинцев

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ: РИО-ДЕ-ЛА-ПЛАТА¹

Исторически именем Рио-де-ла-Плата обозначались земли, расположенные в юго-восточной части материка Южной Америки, которые были открыты, завоеваны и освоены испанскими мореплавателями, конкистадорами и переселенцами. Они включали в себя обширную равнину (пáмпу) и обрамлявшие ее горные цепи (кордильеры) Анд, а также речные районы тропической сельвы.

По договору Тордесильяс, освященному папской буллой, земли, простиравшиеся на 370 лиг² к западу от Азорских островов, отдавались во владение Португалии, а еще далее к западу от этой зоны — Испании.

В 1516 г. главный лоцман испанской короны Хуан Диас де Солис вошел в обширный эстуарий — дельту Ла-Платы, образованную слиянием рек Паранá и Уругва́й, — который он назвал Пресным морем (Mar Dulce), и вскоре погиб от рук коренных обитателей этих мест. Через три года Фернандо Магеллáн, искавший проход к Южному морю (Тихому океану) и Островам Пряностей, также посетил эти воды, но вскоре покинул их, убедившись, что они — не тот маршрут, который он ожидал найти. Однако водный бассейн Ла-Платы представлял превосходный путь в глубь лежащих за горизонтом земель.

¹ Основываясь на рассказах местных индейцев, испанцы ожидали, что в верховьях реки находится страна «Белого короля» (Перу), где много серебра. Серебро по-испански звучит «плата» (*plata*), отсюда — данное ими название «Серебряная река» (*Río de la Plata*) и более позднее наименование страны — Аргентина («Серебряная»).

² Испанская лига равна примерно 5,5 км.

В 1526 г. англичанин Себастьян Кабот (Кабото) нарушил указания монарха вновь разведать выход к Тихому океану, открытый Магелланом, и провел три года, изучая обширную речную систему южной части континента.

Следующим был Педро де Мендоса, получивший титул первопроходца — «аделантáдо» и поставленный королем во главе экспедиции в составе более полутора тысяч человек, вышедших в море на 11 судах. Он имел поручение пересечь континент, занять 200 лиг тихоокеанского побережья и заложить три города. Корабли пристали к юго-восточной оконечности Ла-Платы, где 2 февраля 1526 г. и было основано первое поселение Пуэрто де Санта Мария де Буэнос Айрес (Порт Богоматери Добрых Ветров). Встретив сопротивление индейцев, Мендоса перевез оставшихся людей в другое место вверх по реке, а сам убыл в Испанию, но умер во время путешествия. Мендоса оставил вместо себя одного из своих капитанов — Хуана де Айóлу, приказав ему продолжать исследования. Поднявшись вверх по реке Парагвáй, Айóла 15 августа 1536 г. заложил поселение Нуэстра Сеньора де Асунсьон. Затем он с отрядом углубился в сельву и там погиб. Его сменил Доминго Мартинес де Ирáла, осуществлявший властные полномочия в регионе в течение 20 лет. Он по праву считается патриархом колониальной эпохи.

В 1541 г. оставшиеся жители Буэнос-Айреса были эвакуированы в Асунсьон, который на 80 лет стал центром завоевания указанного края.

Экономической базой освоения новых земель была «энкомьéнда», посредством которой присваивался труд мирных индейцев из племен «тúпи-гуаранí». Испанцам — «энкомендéрос» — поручалось духовно и материально опекать туземцев, давать им работу и прививать христианские ценности, за что они получали большую часть производимого продукта. Там же, где данный ресурс отсутствовал (из-за сопротивления местного населения), конкистадоры не создавали оседлых поселений — этим, в частности, можно объяснить неудачу первого основания Буэнос-Айреса.

Другие городские образования будущей Аргентины возникли вдоль сухопутных маршрутов из Перу и Чили. Первыми в 1543 г. пришли экспедиции из Перу во главе с Диего де Рохáсом и Фран-

сиско де Мендóсой, закончившиеся трагически. Однако уже в 1554 г. посланный из Чили Франсиско де Агíрре основал Сантьяго дель Эстéро. В 1561 г. возникла аудиенсия в Чáркас (Верхнее Перу, будущая Боливия), ставшая центром колонизации северных районов Рио-де-ла-Платы. В том же году заложена Мендóса, в 1562 г. — Сан Хуан, в 1564 г. — Сан Мигель де Тукумáн, в 1582 г. — Сáльта, в 1593 г. — Жужуй. Весь этот район, лежавший у восточных подножий Андских гор и называвшийся Куйо, до 1776 г. входил в генерал-капитанство Чили. Навстречу им двигались испанцы со стороны Атлантики: в 1573 г. основан Санта-Фе, в 1588 г. — Коррьéнтес, в 1591 г. — Ла Риóха, позднее получившие названия «прибрежных провинций».

Чтобы обеспечить надежный путь в Испанию (открытый океан позволял обходить Карибское море, где господствовали пираты), центрам колонизации, находившимся во внутренних районах, было объективно необходимо иметь опорный пункт на морском побережье, которым фактически являлось место слияния рек Парана и Уругвай. Попытки восстановить поселение на берегах Ла-Платы предпринимались несколько раз: Хуаном де Матиéнсо и Хуаном Орти́сом де Сáрате. Однако только Хуан де Гарáй смог реализовать их замысел, отправившись в 1580 г. из Асунсьона с 80 переселенцами и основав на месте старого новое поселение, которое назвали Порт Святой Троицы Добрых Ветров (сокращенно Буэнос-Айрес). Одним из первых губернаторов Буэнос-Айреса стал креол³ Эрнандáриас де Саавéдра, находившийся у власти в период с 1591 по 1609 г. Уже в 1620 г. Буэнос-Айрес получил статус провинции, отдельной от Парагвая.

Основание Буэнос-Айреса ознаменовало собой завершение первого столетия конкисты, проходившей как процесс образования сети городских поселений. На рубеже XV–XVI веков в регионе существовало 12 городов, ставших впоследствии центрами или столицами 14 провинций будущей Аргентины.

С этого времени и до 1776 г. территория региона Ла-Платы, кроме Парагвая, включала в себя четыре относительно обособленных

³ Креолами называли потомков испанцев, родившихся в Америке.

зоны: провинции Куйо, Тукуман, Буэнос-Айрес и Мисьонес. В последней находились индейские «редукции» или «пуэблос», управляемые монахами ордена иезуитов.

Важно отметить, что города, возникшие в пампе, по своему характеру отличались от других поселений конкистадоров — они имели целью хозяйственное освоение территорий силами самих колонистов (аналогично тому, как это происходило в английских колониях в Северной Америке). Их существование основывалось на свободной деятельности переселенцев на слабозаселенных, неосвоенных землях, а не на насильственном принуждении индейцев к труду путем «энкомьенды».

Следующие два столетия колониального периода были, по сути, историей развития городских центров, осуществлявших юрисдикцию над прилежавшими сельскими районами до границ с зонами влияния других городов. Редкое население пампы составляли индейцы кальчакис, диагитас, в западных районах — арауканы, а также вольные скотоводы, пастухи — «гаучо», работавшие в поместьях — «асьендах». Так, влияние Буэнос-Айреса простиралось на 100 лиг к северо-западу (до Кórдобы), на 57 лиг на север (до Санта-Фе) до постоянно менявшейся линии границы с индейскими племенами на юге и пересекало Ла-Плату на ее восточный берег (будущая республика Уругвай) до соприкосновения с португальцами, колонизировавшими Бразилию. Ясно, что при такой системе в отношениях между провинциями преобладали местнические интересы, различия и изолированность.

Во главе властной вертикали в городах-провинциях находились губернаторы, назначавшиеся монархом, который часто делегировал свои полномочия вице-королям Перу и аудиенсии в Чаркас. Губернаторы осуществляли административную, военную и судебную власть, как правило, в течение восьми лет. При назначении они давали согласие на *juicio de residencia*, по существу, аудиторскую и юридическую проверку своей деятельности после ухода с занимаемого поста. Нередко их власть оспаривали епископы, которые также назначались королем.

В городах обязательно имелись избиравшиеся органы самоуправления — «кабильдо» во главе с (двумя) главами — «алькальдами»

и (шестью или более) советниками — «рехидорами». Сначала весь состав кабильдо и алькальды менялись ежегодно, затем посты рехидоров были объявлены пожизненными и продавались на торгах королевским казначейством. Должности алькальдов остались выборными.

В конце XVII века «из-за бедности в городе» посты рехидоров в Буэнос-Айресе перестали выставляться на продажу и уходившие советники сами предлагали себе на замену кандидатов, которые затем утверждались губернаторами. Часто губернаторы и их заместители — «тенъентес» (в зависящих от центра провинции поселениях) назначали также и алькальдов «с правом второго голоса». В экстренных случаях кабильдо имело право созывать собрание горожан (как правило, зажиточных граждан — «весинос»), называвшееся «открытым» городским советом — «кабильдо абьерто». Однако решающее слово принадлежало комитету — «хунте», состоявшей из губернатора, казначея и счетовода, представлявших интересы короны.

Главной проблемой для городов была защита удаленных районов и асьенд от вторжения индейцев. Одно из них произошло в 1627 г. в Тукумане и продолжалось 10 лет. После его подавления 200 индейских семей племени «кильмес» были отправлены в Буэнос-Айрес для выполнения различных работ, где основали одноименный район-поселение. В 1735 г. в Буэнос-Айресе для защиты южной границы от индейских набегов было создано милицейское ополчение — «бланденгес». В провинциях Мисьонес и Коррьентес появились воинские отряды из индейцев гуарани, которые использовались в борьбе против португальской экспансии.

Второй основной проблемой для жителей города-порта («портеньос») был запрет на осуществление торговых связей с Испанией и другими частями вице-королевства. Монополия Севильи и Лимы на торговлю с колониями, являвшаяся воплощением политики меркантилизма и существовавшая два столетия, препятствовала хозяйственному развитию региона. Иногда Буэнос-Айресу разрешали продавать свои товары в метрополию, Бразилию и Анголу, но это были краткосрочные исключения и концессии. Такое положение дел порождало контрабанду, в которой наряду с местными жителями участвовали португальцы, голландцы, французы и англичане.

После войны за испанское наследство (1702–1713 гг.) и утверждения на престоле в Мадриде Бурбонской династии французские купцы добились от испанского короля контракта — «асъенто» на завоз негритянских рабов (два судна в год), получив право покупать на вырученные деньги коровьи шкуры, вяленое мясо и говяжий жир. За ними последовали англичане, основавшие две торговые фактории. В 1762 г. португальцы и англичане направили к берегам Рио-де-ла-Платы корсарскую экспедицию, но она не смогла закрепиться на берегах Ла-Платы.

Только в 1776 г. Мадрид разрешил испанским колониям в Америке торговать между собой, однако табак и игральные карты оставались королевской монополией. В этом же году генерал Педро де Севальос, отвоевавший Колониа де Сакраменто у португальцев, был назначен первым главой отдельного вице-королевства Рио-де-ла-Платы. Два года спустя, когда Севальоса на посту вице-короля сменил Хуан Хосе Вёртис, Буэнос-Айрес добился права торговать со всеми частями Испанской империи. Так закончилась эпоха административной и торговой зависимости этих мест от вице-королевства Перу.

В 1785 г. в Буэнос-Айресе была создана собственная аудиенсия, осуществлявшая судебную и отчасти административную власть, а в 1794 г. — торговое консуладо. Еще раньше (в 1782 г.) вице-королевство было разделено на восемь интенденсий (территориальных округов) во главе с интендантами, назначавшимися королем. Четыре из них располагались в регионе Верхнего Перу, Парагвай составлял пятую, непосредственно в будущей Аргентине находились: Сальта — на севере, Кордоба — на востоке и Буэнос-Айрес в дельте Ла-Платы, откуда суперинтендант управлял также и «прибрежными провинциями». Монтевидео оставался крепостью, подчиненной отдельному военному губернатору.

В эпоху вице-королевства в Буэнос-Айресе и Сальте возникли фабрики по выделке шкур, солению и консервированию мяса. В 1795 г. была разрешена торговля с колониями других государств, а в 1797 г. — торговый обмен с нейтральными странами. Практически весь XVIII век, а в особенности период вице-королевства, был периодом борьбы местного населения за коммерческие интересы,

связанные с возможностью свободно торговать производимыми товарами, т.е. за устранение препятствий, созданных испанской метрополией, и за экономические права креольской буржуазии на получение торговой прибыли.

Таким был исторический фон начала борьбы Рио-де-ла-Платы за свою независимость, которую возглавили люди, чьи судьбы стали предметом повествования в данной книге: Мануэль Бельграно, Хуан Мартин де Пуэйрредон, Карлос Мария де Альвеар.

МАНУЭЛЬ БЕЛЬГРАНО
Экономист, революционер,
генерал, дипломат
(3.06.1770–20.06.1820)

Человек есть сын своих деяний.

Испанская поговорка

Отец Мануэля Бельграно — дон Доменико Бельграно Пэри, итальянец, родившийся в 1731 г., происходил из зажиточной генуэзской семьи, пустившей корни в области Лигурия. В 1750 г. он, получив разрешение испанских властей, отплыл из Кадиса в вице-королевство Рио-де-ла-Плата с целью заняться коммерческой деятельностью. Обосновавшись в Буэнос-Айресе и наладив свое дело,

Бельграно заключил в ноябре 1757 г. брак с креолкой Марией Хосефой Гонсáлес Касéро. Семья проживала в большом доме в центре колониальной столицы на улице Санто Кристо (сейчас площадь 25 Мая). Четвертый сын Доменика, которому волею судьбы

было суждено стать героем борьбы за независимость Латинской Америки, появился на свет 3 июня 1770 г. При рождении он получил имя Мануэль Хоакín дель Корасón де Хесус.

В 1786 г. после усвоения зачатков латыни и философии в привилегированном колехио Сан Карлос Мануэль по желанию родителя направился в Испанию для «обучения коммерции и обращения с товарами в эти земли»⁴. Однако судьба уготовила юноше другую роль — он вернется в Буэнос-Айрес, впитав в себя революционные идеи того времени, для того, чтобы стать одним из основателей политической и духовной независимости своей родины.

Пока же в ноябре того же года Мануэль Бельграно Пéрес (так к тому времени на испанский манер была изменена материнская фамилия его отца) поступил в Университет Саламáнки, где провел несколько лет, изучая юриспруденцию. Университет, считавшийся одним из лучших образовательных учреждений Испании, насчитывал около 80 профессоров. Согласно уставу руководство университетом осуществлялось ректором и коллегией, образованной из числа преподавателей, хотя фактически оно постоянно оспаривалось ученым советом, в котором доминировали монахи и священники, читавшие различные курсы теологии, канонического права, философии и риторики. По понятной причине в аудиториях господствовали схоластика, а среди студентов — невежество и анархия. Хирургия, астрономия, математика, греческий язык считались редкими дисциплинами, которые зачастую некому было преподавать. «Живые» иностранные языки, история и география не преподавались вообще. Вместо национальных законов изучалось «мертвое» римское право.

В 1769–1771 гг. граф Арáнда предпринял попытку провести реформу образования. В университеты, в частности в Саламанке, были назначены директора из членов высшего административного органа империи — Совета Касти́льи. Однако у них не было ни опыта, ни желания, ни времени заниматься исполнением дополнительных обязанностей. Поверхностный характер бюро-

⁴ *Gondora L. R. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 19.*

кратических преобразований привел к реформам ради реформ, не улучшив качество обучения. Титулы бакалавров, лицензиатов и докторов носили чисто номинальный характер и не были подкреплены реальными знаниями.

Как и повсюду в тогдашней Испанской империи, господствовала имитация деятельности, свидетельствовавшая о приближавшемся крахе всей государственной машины. Современники вспоминали, что при защите докторских дипломов со всей серьезностью обсуждались вопросы, сколько ангелов могло бы уместиться на кончике иглы или сколько пользы либо вреда могло бы принести человеку обладание одним пальцем больше или меньше.

По признанию самого Бельграно, в годы его пребывания в университете там не было преподавателей с известными обществу заслугами и громкими именами. Даже Академия политической экономии — дисциплины, вызывавшей у него повышенный интерес, была образована только в 1789 г., когда он уже покидал стены этого учебного заведения. Поэтому полученные познания стали результатом самостоятельных усилий в последующий период, когда он, находясь при дворе, всерьез заинтересовался экономикой, вошедшей в моду благодаря министрам-реформаторам Кампоманесу и Ховельяносу.

Фундаментальными трудами, опубликованными к тому времени и противостоящими господствовавшей в правящих кругах Испании теории меркантилизма (точнее, учению о «третьей, или мягкой, фазе» меркантилизма и связанного с ним протекционизма), которую защищали такие высокопоставленные чиновники, как Херónimo де Устáрис и Бернардо де Ульóа, были сочинения А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» и Д. Рикардо «Принципы политической экономии и налогообложения», продвигавшие постулаты капитализма, превратившегося в одну из главных идеологических опор грядущих революционных изменений. Во Франции получили распространение идеи физиократов, наносившие удар по концепции протекционизма.

Зрелище придворной камарильи, окружавшей вступившего на престол Карлоса IV, поразило Бельграно. Королевский двор, по выражению самих испанцев, являл собой «болото, скрытое

за внешностью сада», где процветали пороки, интриги и корысть и правили бал фавориты. Один из них, Мануэль Годой, прославился тем, что в открытую и беззастенчиво торговал протекцией, используя свою близость к королеве. Все это вызывало внутренний протест у «американца» Мануэля Бельграно. К счастью, он не претендовал на должностные sinecуры, будучи материально обеспеченным человеком, и не конкурировал со столичной знатью, собираясь начать свое дело в далекой Вест-Индии. В литературных и философских кружках, которые посещал молодой креол, его внимание привлекли книги картографа Алькала Гальяно, итальянского экономиста Фердинандо Галиани, итальянского писателя и философа Антонио Хеновеси, французского математика, философа и экономиста Кондорсе.

Пользуясь щедростью отца, он не отказывал себе в путешествиях, посетив испанские провинции Кастилью, Леон и Галисию, стал изучать современные языки, освоив французский и английский (в дополнение к итальянскому, которым владел в совершенстве). В 19 лет его избрали председателем (президентом) основанной в 1789 г. в Университете Саламанки Академии римского права, врачебной практики и политической экономии.

Бельграно, возможно, был свидетелем созыва 30 сентября в Ретиро (район Мадрида) Кортесов, которые затем были распущены. Депутаты на коленях просили прощения у короля. Газеты и даже армейские офицеры получили указание всесильного министра Флоридабланки хранить молчание о событиях, происходивших в соседней Франции. Усилилась цензура. Однако Бельграно предусмотрительно получил разрешение Святого престола на чтение запрещенных книг, что было не лишней предосторожностью, чтобы избежать преследования инквизиции. К этому периоду относятся написанные им позже в автобиографии слова: «Мой дух захватили идеи свободы, собственности и безопасности, поскольку вокруг были тираны, которые мешали человеку, кем бы он ни был, пользоваться правами, которыми его наделили Бог и природа»⁵.

⁵ *Belgrano M. Belgrano: autobiografía. P. 24.*

В 1793 г. в далекой Рио-де-ла-Плате крупные торговцы из среды «портеньос» (жителей Буэнос-Айреса, среди которых был и Доминго Бельграно Перес, отец Мануэля) ходатайствовали перед королем о создании «с целью содействия региональной коммерции» торгового консулата в столице вице-королевства. Воспользовавшись случаем и задействовав связи при дворе, Мануэль Бельграно направил прошение в Государственный секретариат с просьбой о своем назначении на должность секретаря указанного учреждения, которое и было удовлетворено 30 января 1794 г. В мае он уже прибыл к месту гражданской службы.

* * *

К моменту возвращения Бельграно в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата сложились два доминирующих центра — коммерческий в Буэнос-Айресе и университетский (академический) в Чукисаке, в которых формировались предпосылки и вызревали условия для будущей борьбы за независимость.

Буэнос-Айрес насчитывал к тому времени около 45 тысяч жителей, среди которых было немало испанцев и других иностранцев, а также зажиточных семей (преимущественно из местной обуржуазившейся аристократии), занимавшихся промыслами и торговлей (Матёррас, Эскалада, Сааведра, Сарратеа, Иригойен и других, призванных в силу их общественного и социального положения сыграть важную роль в эмансипации колонии). Как и в любом порту, здесь также существовала значительная прослойка из авантюристов всех мастей, контрабандистов, так называемых «орильерос», и люмпенов, тяготившихся колониальными порядками и готовых к неповиновению властям. В окружавшей город плодородной пампе, где потомки испанских крестьян превратились в вольнолюбивых пастухов — «гаучо», основным занятием было скотоводство, ставшее источником благосостояния и богатства для латифундистов — «асендадос», занимавшихся производством шкур и засолкой мяса.

Одним словом, благоприятный климат в совокупности с необъятными массивами прилегавших земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, характер населявших их оби-

тателей, доступность морских коммуникаций и доминирующее положение портового города над внутренними провинциями неизбежно выдвигали Буэнос-Айрес на первые роли в отстаивании уже сложившихся региональных интересов перед лицом метрополии.

Была подготовлена почва для принятия идей экономической свободы, привезенных Бельграно из Европы, которые он попытался изложить уже в первом годовом отчете консуладо в июне 1795 г. Вокруг него сразу образовалась группа единомышленников (Кастельи, Морéно, Виéйтес, Сервiньо и др.), разделявших физиократические взгляды.

12 лет (1794–1806) посвятил Бельграно работе в консуладо. Как всегда, сторонников нового было гораздо меньше, чем противников, в роли которых выступали посредники-монополисты, составлявшие большинство членов этой торговой палаты. Непонимание и бюрократические проволочки осложняли жизнь и отнимали почти все время секретаря. Ему было 24 года, юношеская увлеченность вызывала раздражение и сопротивление членов корпорации. Устав от борьбы, Бельграно в 1796 г. под предлогом болезни подал в отставку. Консулы определили ему замену в лице нотариуса-регистратора, потребовав от короны права самим назначить следующего руководителя. Королевское правительство в Мадриде согласилось, но отказалось поддержать их кандидатуру, поставив у руля Кастельи.

Бельграно был восстановлен в качестве члена, успешно выиграв затем несколько коммерческих споров с властями на полуострове. Успех первого годового отчета подвиг его на новые инициативы: было получено согласие на введение в состав палаты представителей скотоводов — производителей шкур и соленого мяса, составлявших основу экспорта; под эгидой консуладо основаны архитектурная и навигационная школы, которые действовали вплоть до 1807 г.

Он перевел с французского языка «Принципы экономическо-политической науки» (1796 г.), занявшись популяризацией изложенных в книге идей в местном обществе. В 1797–1802 гг. готовил и зачитывал очередные отчеты, пропагандируя учрежде-

ние дубильных производств и передовые технологии в этой сфере, выступал с лекциями в учрежденных им школах, продолжал совершенствовать собственные экономические знания, начал заниматься литературными опытами, переведя с английского «Прощание Вашингтона с народом Соединенных Штатов». В письме к одному из своих друзей сам Бельграно так отозвался о данном периоде: «Будем продолжать нашу работу, оставляя на суд времени ее результаты. Возможно, скоро появятся новые обстоятельства, чтобы о них узнали. Пока же нам остается получать удовлетворение от того, что мы поступаем так, как должны»⁶. Последние слова стали жизненным кредо Бельграно, перекликаясь с девизом другого человека той эпохи, генерала Сан-Мартина, ставшего затем его близким другом.

В 1806 г. Рио-де-ла-Плата испытала на себе первые превратности новой войны с Великобританией. «Владычица морей» — индустриальная Англия упорно искала для своей мануфактурной продукции новые рынки, закрытые для нее в Европе по причине континентальной блокады, объявленной Наполеоном. В январе генерал Дэвид Бэрд оккупировал Капскую колонию на юге Африки. Спустя некоторое время коммодор эскадры сэр Хоум Пóфэм отправил в Рио-де-ла-Плату на свой страх и риск (не имея указаний правительства) военную экспедицию в 1600 штыков под командованием бригадира Гильермо Бересфóрда к берегам Ла-Платы. В июне после непродолжительного сопротивления Буэнос-Айрес был занят англичанами.

Бельграно, номинально являвшийся с 1797 г. капитаном ополчения, принимал участие в столкновениях у реки Риачуэло, после чего возвратился в Буэнос-Айрес, а затем сразу перебрался на другой берег в Восточную провинцию Уругвай, чтобы избежать принятия присяги, которую должны были приносить победителям местные власти. Ему не пришлось участвовать в освободительной экспедиции Сантьяго де Линьéрса, француза на службе испанской короны, возглавившего сопротивление оккупантам после бегства вице-короля Рафаэля Собремóнте. Однако после освобождения

⁶ *Gondora L. R. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar.* P. 58.

столицы «портеньос» он сразу вернулся в Буэнос-Айрес, где был назначен сержант-майором (старшее офицерское звание в испанской армии между штабс-капитаном и подполковником) полка Патрициев, хотя вскоре был вынужден оставить службу, так как начальству стали известны его вольнолюбивые политические взгляды.

Колониальная эпопея англичан на этом не закончилась. Правительство в Лондоне в октябре направило в Рио-де-ла-Плату дивизию численностью в 4 тысячи человек под командованием другого военачальника сэра Самюэля Экмюти. С мыса Доброй Надежды в Америку отплыли еще 4,2 тысячи английских солдат с целью обогнуть мыс Горн и высадиться в Чили, зайдя перед этим в дельту Ла-Платы. Получив известие о разгроме Бересфорда, англичане решили усилить указанный контингент еще полутора тысячами бойцов и объединить их под началом генерала Уайтлока для окончательного покорения Буэнос-Айреса. Атака английских войск была успешно отражена Линьерсом. 5 июля 1807 г. Бельграно принял участие в сражении в качестве адъютанта коменданта крепости.

Смена власти в Испании, когда Карлос IV был вынужден уступить престол своему сыну Фернандо VII, пленение королевской семьи в Байоне и последовавшая затем французская интервенция на Иберийский полуостров заставили жителей колонии задуматься над собственной судьбой. Эволюция взглядов местной элиты, частью которой был экс-секретарь консуладо, проходила постепенно. Так, в 1807 г., беседуя с пленным английским генералом Крауфórдом, Бельграно говорил о том, что жители провинции проявляли лояльность к королю и хотели прежнего правителя и никакого другого. Годом позже он напишет уже об идеях свободы, о том, что американцы начали осознавать и обсуждать свои права. Группа патриотов с его участием ввязалась в интригу, предусматривавшую провозглашение независимости Рио-де-ла-Платы и воцарение здесь сестры Фернандо VII, принцессы Карлоты Хоакины де Бурбон и Парма, которая находилась в Рио-де-Жанейро, будучи женой наследного принца Португалии дона Жуана IV. От имени группы Бельграно вступил с ней в переписку, продол-

жавшуюся несколько месяцев, изложив свои идеи в виде диалога испанца с американцем — апологии образов абсолютизма и независимости. Однако верность Линьерса плененному во Франции монарху поставила точку в этой опасной затее.

В 1809 г. Центральная Хунта в Испании назначила новым вице-королем Рио-де-ла-Платы дона Бальтазара Идальго де Сиснёроса. Одной из причин данного решения было желание прекратить соперничество между губернатором Монтевидео, обязанности которого исполнял Франсиско де Элио, и вице-королем Линьерсом, возникшее на почве торговой конкуренции. Как раз перед этим Бельграно представил Линьерсу меморандум, доказывавший необходимость открыть Буэнос-Айрес для свободной торговли, с тем чтобы ослабить влияние Монтевидео и направить сюда товарные и денежные потоки из Лимы, столицы вице-королевства Перу. За данным, казалось бы чисто коммерческим, проектом стояли далекоидущие планы — торговля должна была дать средства, необходимые для содержания и вооружения креольского ополчения, сохранившегося как военная единица со времен английской интервенции. Эти силы в случае необходимости могли бы использоваться против испанцев. Кроме того, требовалось объединить усилия с единомышленниками в Перу.

Предложение было поддержано кабильдо Буэнос-Айреса, консуладо, объединениями торговцев и асендадос. Интересы последних представлял молодой адвокат Мариано Морено, автор «Меморандума землевладельцев», защищавший принципы свободной торговли, пропаганду которых Бельграно начал еще 13 лет назад. Вице-король, не имевший войск и поэтому не обладавший реальной властью, не смог блокировать инициативу, и Буэнос-Айрес был открыт для торговли с Англией.

С целью активизации деятельности революционеры создали секретное «Общество семи», куда вошли Бельграно, Родригес Пенья, Пáсо, Виéйтес, Иригóйен, Кастéльки и другие представители «портеньос». В январе Бельграно с согласия Сиснероса начал издавать газету «Коррéо де Комéрсio», которая быстро переключилась с первоначальной общеобразовательной тематики на распространение либеральных политических и экономических идей.

В номерах печатались его статьи, слержанные по форме (в связи с необходимостью говорить о защите прав плененного короля), но революционные по содержанию, посвященные коммерции, промышленности, статистике, образованию.

* * *

После революционных событий 25 мая 1810 г. Бельграно, будучи избранным членом хунты, прекратил исполнение функций редактора, но продолжил публикацию в ней своих опусов вплоть до апреля следующего года, когда газета была закрыта. В них ощущалось влияние философии сенсуализма (работ Кандильяка), прежде всего тезиса о моральной ответственности индивидуума как основе индивидуальной политической и экономической свободы. Получили развитие идеи Хеновеси о комбинации метода абстракций с изучением особенностей каждой страны, что, как считал автор, было абсолютно необходимым для достижения процветания государства и счастья его граждан.

Он полагал истинным утверждение итальянца о том, что интерес может рассматриваться как единственная движущая сила человеческой деятельности, включая экономику. Соглашался с Ховельяносом, что законы должны лишь устранять препятствия, ограничивающие действие этой эмпирической категории, отстаивая свободу конкуренции и выступая против монополии в любом проявлении, будь то ценовая политика или манипуляции с предложением объектов потребления. Также разяснялись тезисы Адама Смита о роли золота и серебра как меры стоимости и инструмента обращения товаров. Вывод английского ученого об установлении справедливой цены через баланс спроса и предложения представлял для Бельграно незыблемую аксиому экономической науки. Концепции физиократов, усвоенные через труды Галиани, проявились в словах креольского экономиста о том, что только сельский труд, освобожденный от всех искусственных помех и ограничений, является истинным предназначением человека и источником прибавочного продукта (через коммерцию). Осуществление торговой политики, по его мнению, было, есть и будет прерогативой государства, поскольку от ее воплощения

зависело состояние дел в сельском хозяйстве и промышленности. В своих экономических исследованиях Бельграно доказывал необходимость освобождения производителя, будь то хлебопашец, скотовод, а также коммерсант, от конкуренции с недобросовестными привилегиями, полученными другими хозяйствующими субъектами с использованием политических методов.

Приведенные примеры как нельзя лучше отражают связь суждений Бельграно с постулатами европейских мыслителей, показывают, что основой политико-экономического мировоззрения инсургентов, оказавшего влияние на формирование идеологической базы событий 25 Мая, были теории раннего капитализма, а сама революция в Рио-де-ла-Плате носила не только антиколониальный, но и ярко выраженный буржуазный характер.

В начале мая в Буэнос-Айресе стали известны последние события в метрополии: победа французов при Окáнье, роспуск Центральной Хунты, создание Регентского совета в Кáдисе. Хотя местные власти прилагали все усилия для изъятия газет, привезенных на английском фрегате «Париж», они стали известны членам секретного общества. Момент был признан подходящим. Стало ясно, что Буэнос-Айрес имел не меньше прав, чем далекий Кадис, для того, чтобы самому определять свою дальнейшую судьбу. Настало время действовать, поскольку не исключалось, что не имевший реальных военных сил вице-король мог обратиться за помощью в Лиму и Сантьяго и, опираясь на полученные подкрепления, разоружить местные креольские формирования, на поддержку которых рассчитывали инсургенты.

В ночь на 19 мая в доме Родригеса Пёньи состоялась встреча, в которой приняли участие 12 человек (Бельграно, Кастельи, Пасо, Альбёрти, Чиклáна, Виейтес, Даррагёйра и др.). Было согласовано, что на следующий день Бельграно и командир полка Патрициев Сааведра встретятся с алькальдом с правом решающего голоса Хуаном Лесíкой, а Кастельи проведет беседу с ревизором кабильдо Хулианом Лёйвой, чтобы потребовать созыва расширенного «открытого» заседания с привлечением граждан, участие которых должны были обеспечить Бельграно, Френч и Берúти. Вице-король Сиснерос после долгих колебаний, после

того как местные военные (прежде всего Сааведра и полковник Мартин Родригес) фактически отказали ему в поддержке, согласился на созыв городского совета, хотя и попытался обставить его рядом условий. 21 мая под напором толпы, которой руководили революционеры, члены кабиљдо объявили о своем согласии. Однако развернувшиеся на следующий день дебаты закончились компромиссом — вместо отстранения вице-короля и перехода всей полноты распорядительных функций к кабиљдо была создана хунта во главе с Сиснеросом. После того как стали понятными уловки сторонников сохранения режима, патриоты в ночь на 24 мая вновь собрались в доме полковника Родригеса Пеньи. Под влиянием Бельграно и других радикалов было принято окончательное решение — добиваться с опорой на население столицы смещения колониальных властей. 5 мая народ снова вышел на площадь. Лейва попытался отсрочить принятие главного требования, заявив о необходимости созыва конгресса с участием других провинций, но, столкнувшись с прямыми угрозами толпы и примкнувших к ней креольских военных, был вынужден уступить, подчеркнув при этом, что у кабиљдо не было другого выхода. Родригес объявил об отстранении вице-короля. Очередная попытка некоторых членов кабиљдо собрать подписи против озвученного вердикта чуть не закончилась насилием. Была создана Правительственная хунта, куда вошли Сааведра в качестве президента, Бельграно, Кастельи, Аскуэнага, Альбэрти, Матéу и Ларрéа как члены, а Пасо и Морено — как секретари. Хотя целью ее деятельности провозглашалась защита прав находившегося во французском плену испанского короля, ни у кого не было иллюзий относительно истинных намерений нового руководства Рио-де-ла-Платы.

* * *

По распределению обязанностей военные дела и образование отошли к Бельграно. Им на базе консулата и навигационной школы была создана (хотя и с преимущественно военными целями) академия математики. Поскольку существовала угроза реванша испанцев, укрепившихся в Монтевидео, а также в северных про-

винциях, хунта приняла решение направить военную экспедицию во внутренние районы. Отряд в 1200 человек под командованием Франсиско Ортиса де Окáмпо был сформирован к июлю. За три последующих месяца войска «портеньос» без труда распространили власть хунты до границ с вице-королевством Перу, нанеся 7 ноября 1810 г. поражение силам роялистов при Суипáче. Четыре интенденсии Верхнего Перу высказались в поддержку революции в Буэнос-Айресе.

Теперь угрозы исходили из Монтевидео и прибрежных провинций реки Парана. Вспомнив военный опыт Бельграно, хунта 4 сентября назначила его главнокомандующим силами, предназначенными для защиты Восточной провинции Уругвай, а вскоре поставила во главе экспедиции в Парагвай, также являвшегося тогда частью Рио-де-ла-Платы. С отрядом в 750 человек Бельграно в октябре пересек провинции Энтре-Риос и Коррьéнтес, а в декабре форсировал реку Парагвай. 16 января 1811 г. патриоты потерпели поражение от превосходивших их по численности сил роялистов у речушки Парагуарí. Бельграно отступил на юг, но в местечке Такуарí испытал горечь очередного разгрома от генерала Кабáньяса, который принял капитуляцию на почетных условиях.

Бельграно использовал предоставленную возможность для пропаганды революционных идей, завоевав симпатии бывшего противника. Его солдаты братались с войсками роялистов, состоявших в большинстве из американцев. Эти действия способствовали тому, что через два месяца в Асунсьоне произошло антииспанское выступление. Вернувшись в марте в Буэнос-Айрес, Бельграно получил приказ принять командование войсками, направленными в Уругвай для оказания помощи местным инсургентам.

Однако 5 и 6 апреля в Буэнос-Айресе произошли политические перемены. Внутри Правительственной хунты к власти пришло консервативное крыло во главе с Сааведрой, из ее состава был удален Мариано Морено. По предложению депутата от Кордобы Деáна Фúнеса в правительство инкорпорировали представителей провинций, что неизбежно вызвало появление фракций — «портеньос» и провинциалов, недовольных гегемонией Буэнос-Айре-

са. Антагонизм между этими двумя группами сыграет трагическую роль во всей последующей истории Объединенных провинций.

Бельграно получил указание возвращаться в столицу и представить членами Военного совета отчет о неудачной кампании в Парагвае. Доказав свою невиновность и правильность действий в тяжелых условиях парагвайской экспедиции, Бельграно вместе с Висенте Эчеверрией был направлен с дипломатической миссией в Асунсьон, где к власти к тому времени также пришла революционная хунта. Целью миссии было восстановление (на этот раз мирными средствами) принадлежности Парагвая провинциям Рио-де-ла-Платы или, в крайнем случае заключение с ними военного союза. Однако пришедший к власти в Асунсьоне будущий диктатор Хосе Гаспáр Родри́гес де Фра́нсия с подозрением отнесся к предложениям «портеньос». 12 октября договор был подписан, но Парагвай сохранил особый статус, отличный от прочих провинций, пообещав не разрывать федеративные отношения.

В связи с неудачами на севере позиции Сааведры пошатнулись, он был вынужден оставить руководство хунтой и покинул Буэнос-Айрес. С целью усиления вертикали власти было принято решение разделить исполнительное и законодательное управление — за хунтой остались юридические полномочия, параллельно было создано правительство из триумвиров: Чикланы, Сарратеа и Пасо. 9 ноября Бельграно, получив чин полковника, был назначен командиром полка Патрициев, сменив на этом посту Сааведру.

После попытки переворота, организованного 22 ноября сторонниками Сааведры и некоторыми депутатами от провинций и подавленного с помощью войск, отозванных из-под Монтевидео, установилась диктатура триумvirата. В январе 1812 г. Бельграно по решению правительства был направлен во главе вверенной ему части в Росáрио с задачей создать укрепления, которые бы препятствовали рейдам испанской эскадры из Монтевидео вверх по реке Парана.

27 февраля над двумя батареями, установленными на берегу реки и получившими названия «Свобода» и «Независимость», он первый раз поднял бело-голубой флаг, составленный из цветов

формы его полка. Бельграно самовольно провозгласил его символом независимости и национальным знаменем (солдаты и офицеры также стали носить соответствующие кокарды и розетки с бантами), хотя до этого момента над крепостью в Буэнос-Айресе развевался королевский флаг, символизировавший права плененного Фернандо VII.

Лондон, бывший в тот момент союзником Испании, решительно осудил данную инициативу, и правительство в Буэнос-Айресе, нуждавшееся в торговле с Англией, вынесло Бельграно порицание, заодно назначив его командующим недавно потерпевшей поражение армии в Верхнем Перу, чтобы убрать его из района военных действий в дельте Ла-Платы.

Несмотря на то что Бельграно к тому моменту уже пришел к пониманию приоритета независимости над принципами свободы торговли, которые он еще недавно так рьяно защищал, в Буэнос-Айресе думали по-другому — коммерческая выгода и сиюминутные политические соображения превалировали над идеями полного освобождения.

* * *

В Верхнем Перу насилие и жестокость в стиле французских якобинцев, пренебрежение религиозными чувствами населения, пропаганда чуждых ему либеральных идей, разброд в воинских частях быстро привели армию во главе с Кастельи к поражению при Уакй (20 июня 1811 г.). Отряды под началом Дйаса Велеса, реорганизованные под Оруро, начали отступление к югу. Испанцы не преследовали патриотов, озабоченные очагами неповиновения у себя в тылу. В начале 1812 г. войска патриотов в количестве 1,8 тысячи штыков сосредоточились у города Сальта под руководством Пуэйрредона, а уже 26 марта Бельграно принял командование.

Им были осуществлены немедленные меры для восстановления морального духа солдат и завоевания симпатий местных жителей. В мае армия передислоцировалась в район г. Жужуй, выставив впереди авангард во главе с полковником Антонио Балькарсе. В день второй годовщины Майской революции Бельграно вновь

приказал развернуть перед строем бело-голубой символ независимости. В письме, направленном членам триумvirата, он отмечал пагубность диктаторского поведения Буэнос-Айреса в отношении провинций и необходимость установления отношений взаимопонимания с населением, без поддержки которого трудно было, по его мнению, рассчитывать на успех. Среди первоочередных мер для укрепления власти на территории бывших провинций Рио-де-ла-Платы генерал предлагал развитие внутренней торговли, создание мануфактур, строительство дорог, внедрение всеобщего начального образования.

Получив известие, что к городу приближались войска роялистов под командованием генерала Тристана, с которым судьба свела его еще в Испании, Бельграно начал ретирату к Тукуману. Там, развернув силы и используя оплошность противника, не позаботившегося об элементарных мерах предосторожности, генерал решился на сражение, которое произошло 24 августа. Более выгодное положение роялистов, занявших господствующие высоты, не могло остановить натиск наступающих. Быстрота маневра позволила патриотам потеснить испанцев в центре и на правом фланге. Однако левая колонна была рассеяна и начала отступать. Не послушав осторожных советов барона Холмберга, Бельграно решил лично возглавить кавалерийскую атаку на указанном направлении. Пока он в компании генерала Мольдеса и адъютанта Холмберга (Хосе Марии Паса) собирал отступавших всадников, генерал Тристан, опасаясь нового удара со стороны пехоты «портенос», приказал подать сигнал к отходу и сбору войск в южных окрестностях города, где соединился с отрядом, направленным им ранее для того, чтобы перерезать дорогу на Сантьяго дель Эстэро. Патриоты также отошли к городским окраинам, захватив 500 пленных и пять оставленных на поле боя пушек.

Тем не менее главнокомандующий не был уверен в победе, игнорируя реяции своих подчиненных. Его опасения подтвердились, когда он с небольшим эскортом чуть не стал легкой добычей неожиданно появившейся конной группы испанцев. Однако нерешительность врагов была очевидной. На следующий день Бельграно послал парламентариев к генералу Тристану с требованием

о сдаче. Получив отказ, он отдал распоряжение готовиться к атаке. На рассвете 26 августа стали поступать донесения о том, что противник сумел обойти боевые порядки аргентинцев и отступил к северу. Отряд Диаса Велеса был направлен преследовать неприятеля. Несмотря на некоторое замешательство и неразбериху, победа осталась за патриотами.

Значение указанного события для судеб креольской революции трудно переоценить. Оно дало возможность не только не потерять северные районы, но и отвести непосредственную опасность от самой столицы, поскольку сторонники испанцев, захватив Кордобу, открывали себе путь на Монтевидео. Соединение испанских сил в Уругвае на фоне разгрома первой республики в Венесуэле и неудач в Новой Гранаде и Чили угрожало самому существованию Буэнос-Айреса. Можно с полным правом говорить о том, что неожиданная победа под Тукуманом способствовала снятию крайнего военного напряжения на всех фронтах. Бельграно поистине спас революцию. Сан-Мартин и Альвеар получили возможность для формирования новых частей и речной эскадры. На север были направлены подкрепления, что позволило Бельграно довести численность войск до 3 тысяч человек.

Однако ахиллесовой пятой повстанцев продолжало оставаться отсутствие военной организованности и дисциплины. Среди старших офицеров участились случаи неповиновения вышестоящим командирам и ссор между собой. Командующему пришлось удовлетворить требование генералов и отказаться от назначения Молдеса генерал-инспектором, затем был отстранен от должности Холмберг, допускавший нелестные отзывы о начальстве. Применялись дисциплинарные меры к Балькарсе и Доррэго, с трудом удалось пресечь соперничество между родами войск. В это время Бельграно напишет: «Наша главная ошибка заключалась в том, что мы начали военные действия, не сформировав солдат и офицеров, и похоже, что обстоятельства вынуждают нас повторять ее, это ужасно, особенно для тех, кто имеет несчастье командовать»⁷. Задача воспитания рядовых бойцов и офицер-

⁷ *Gondora L. R.* Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 129.

ского корпуса в тот момент становилась неотложным императивом. Это хорошо понимал находившийся в то время в Буэнос-Айресе Сан-Мартин, занятый формированием полка конных гренадер.

Для того чтобы выиграть время, Бельграно начал переговоры с испанским главнокомандующим в Верхнем Перу генералом Гойенэче, впрочем, без особых надежд убедить своего оппонента заключить перемирие. Уже 12 января 1813 г. первые части патриотов выступили из Тукумана. В начале февраля войска форсировали реку Пасáхе, на левом берегу которой Бельграно организовал торжественный акт (клятву верности — «хураменто») национальному знамени, заручившись на этот раз согласием Конституционной ассамблеи, созванной в Буэнос-Айресе после октябрьского переворота и отстранения от власти триумвиров.

После этого армия продолжила марш на Сальту, к которой подошла 18 февраля, проделав изматывающий переход по бездорожью в самый сезон дождей. Генерал Тристан, узнав о неожиданном подходе противника, создал оборонительные рубежи на южной оконечности городских окраин в долине Портесуэло. Однако Бельграно предпринял окружной маневр и обошел город, угрожая с севера. Две армии заняли позиции у горы Сан Берна́ндо. Весь день 19 числа лил сильный дождь и войска простояли без движения друг против друга.

На рассвете 20 февраля с первыми лучами солнца Бельграно подал сигнал к атаке. Испытывая приступы острой болезни, он приказал запрячь повозку, чтобы с нее руководить боем, но потом все-таки смог пересесть на лошадь. Наступление егерей Дорrego и кавалерии Селáйи на левом фланге, захлебнувшись в первые моменты сражения, продолжилось при поддержке резервов. В центре испанцев теснили колонны под командованием Фóреста и Супéри. Роялисты начали отступление в город, укрепившись в церкви на центральной площади и прилежавших к ней улицах, но вскоре были вынуждены капитулировать.

Известие о поражении у Сальты вызвало панику среди роялистов, в их рядах началось массовое дезертирство. Генерал Гойене́че отдал приказ отступать к Оуруо, хотя армия патриотов не была

готова продолжать преследование. Бельграно согласился принять капитуляцию на щадящих условиях, потребовав лишь сдачи оружия и амуниции. В городских тавернах опять произошло братание, что вынудило генерала Тристана начать быстрый вывод войск. Перед этим у него состоялась беседа с глазу на глаз с креольским военачальником.

Хотя письменных свидетельств этого разговора не осталось, можно предположить, что Бельграно использовал данную возможность для убеждения соотечественника и бывшего товарища в бесперспективности дальнейшего кровопролития за несправедное дело. Сумел доказать ему, что жители заморских провинций, как и население метрополии, имели все права создавать хунты и принимать на себя власть, от которой фактически отрекся монарх в Испании. В дальнейшем Тристан перейдет на сторону патриотов и примет участие в освобождении Перу.

В Буэнос-Айресе условия сдачи неприятеля вызвали массу упреков. Здесь мало кто хотел задумываться над тем, что победы, как утверждал Бельграно, одерживались не только на полях сражений, но и в умах людей. Возражая оппонентам, он писал, что привык отчитываться только перед собственной совестью, а не перед мнением непосвященных, демонстрируя гражданское мужество и с презрением относясь к нападкам недоброжелателей и глупцов.

Победы патриотов под Серрито (31 декабря), Сан-Лорэнсо (3 февраля) и Сальтой еще больше укрепили региональный имидж Майской революции, сделав неизбежной капитуляцию Монтевидео. Конституционная ассамблея приняла декрет о награждении Бельграно почетным оружием и 40 тысячами песо. Его ответ был лаконичен — ни добродетель, ни таланты не имеют цены и не могут быть компенсированы деньгами, не потеряв при этом свою ценность.

Богатство, по его мнению, не только вело к деградации добродетели, но и подчиняло общественные интересы личным — замечание не типичное для буржуазного экономиста, свидетельствовавшее о политической мудрости Бельграно!

Не приняв награду для себя, он направил денежные средства на строительство четырех школ в Тарихе, Жужуе, Тукумане и Сан-

тяго дель Эстеро, поскольку считал крайне важными искоренение господствовавших в провинциях настроений изоляционизма и подозрительности к «портеньос» и постепенную замену местных локализмов национальной общностью.

После перегруппировки и пополнения сил, занявших около двух месяцев, Бельграно выступил из Сальты и, не задерживаясь в Жужуе, пошел на Потоси, который занял в первых числах мая. Хотя город традиционно был центром роялизма (здесь концентрировалась местная аристократия — латифундисты и владельцы рудников, тесно связанные с королевским режимом, а также имелось значительное индейское население, находившееся под влиянием католической церкви), Бельграно сумел завоевать симпатии жителей. Для этого ему пришлось ввести строжайшую дисциплину, что помогло сгладить негативные впечатления горожан от первой экспедиции «портеньос». Опираясь теперь на поддержку в правительстве Буэнос-Айреса, он повел бескомпромиссную борьбу с непослушанием и нарушениями армейского устава и распорядка. Отказавшихся подчиняться ждали суровые наказания. Так, без колебаний был отстранен от должности отличившийся в предыдущих кампаниях командир батальона егерей полковник Доррего, допустивший дуэль среди своих офицеров. Бельграно также установил хорошие отношения с касиком Кумбаём, что позволило каудильо Карденасу поднять ряд индейских восстаний в тылу неприятеля.

5 сентября армия в 3,5 тысячи штыков вышла из Потоси в направлении Лагунильо, имея 14 артиллерийских орудий. К концу месяца войска достигли пампы Вилькапуньо, где 1 октября произошла битва, окончившаяся поражением патриотов. Испанский генерал Песуэла, завладев в одной из стычек с индейскими отрядами письмами Бельграно к Карденасу, в которых излагался план сражения, сыграл на опережение. Испанцы во главе с полковником Оланьёттой оказали сопротивление, а затем опрокинули левый фланг наступающих, обратив в бегство первый полк Патрициев под командованием Пердриеля. Бельграно, собравший отступающих, три часа оборонял одну из высот, дожидаясь подхода кавалерийского отряда из Кочабамбы, но был вынужден от-

дать приказ об отходе, направив генерала Диаса Велеса в Потоси за подкреплениями. В начале ноября он, находясь в районе пампы Айоума, сумел реорганизовать войска, вновь доведя их численность до 3 тысяч человек при восьми орудиях.

Собрав военный совет армии, Бельграно, вопреки предложениям некоторых офицеров и генералов отступить, принял решение дать новое сражение, хотя у него и не было уверенности в моральном духе солдат, перенесших недавно горечь поражения и пополненных плохо обученными новобранцами. Удача опять была на стороне испанцев, патриоты не проявляли инициативы, укрывшись у предгорья, где их обошла вражеская кавалерия. Потеряв командиров двух батальонов (Кано и Супери) и оставив на поле боя около тысячи человек убитыми и ранеными, Бельграно отступил. 16 ноября он уже был в Потоси, продолжив ретираду с оставшимися 800 бойцами на Тукуман и Сальту и приступив в конце декабря к новой реорганизации армии, находясь со штабом в Жужуе.

В начале января 1814 г. он оставил город, запросив ускорить прибытие подкреплений, в частности кавалерийских частей, для прикрытия отступления главных сил, численность которых к тому времени удалось довести до 1,9 тысячи человек. В конце месяца в местечке Ятасто под Тукуманом состоялась его встреча с генералом Сан-Мартинем, которому Бельграно передал командование Северной армией. Некоторое время он продолжал находиться в войсках, командуя первым полком Патрициев, однако вскоре был вынужден отправиться в столицу, где недруги в правящих кругах вновь требовали разбирательств за допущенные просчеты.

Вторая экспедиция в Верхнее Перу окончилась ничем, как и предыдущая. Одержав некоторые успехи в начале кампании, патриоты были вынуждены вернуться на исходные позиции, что дало основания Сан-Мартину говорить о бесперспективности северного направления для победы над испанцами, укрепившимися в Лиме.

Находясь в Сантьяго дель Эстero, Бельграно в письме к правительству просил полностью отстранить его от военных дел. Однако в прошении было отказано под предлогом того, что генерал должен был объясниться на Военном совете за недавние неудачи республиканских войск. Он начал писать свою автобиографию,

возможно, с целью осмыслить произошедшее для доказательства своей невиновности, а также отправил несколько писем Сан-Мартину, изложив в них взгляды на ведение военных кампаний в приграничных районах между Перу и Аргентиной.

Лучший совет, который он дал новому главнокомандующему, был сформулирован следующим образом: «Войну в Верхнем Перу надо вести не только оружием, но завоевывая общественное мнение, придерживаясь человеческих, христианских и религиозных ценностей, поскольку враги объявили нас еретиками и под этим предлогом привлекли на свою сторону необразованные массы, утверждая, что мы нападаем на религию»⁸.

Сан-Мартин никогда не забывал этого подсказанного жизнью вывода, на который обратил внимание его друг, и старался следовать ему в дальнейших кампаниях в Чили и в Перу.

Даже став генералом, Бельграно остался прежде всего мыслителем, стараясь найти и понять закономерности развернувшейся на его глазах исторической драмы освобождения испанских колоний. Его привлекал, как видно из вышеприведенного высказывания, анализ разнообразных социальных аспектов и общественных процессов, включая военные (хотя сам он оставался штатским человеком), а не сведение личных счетов, будь то неуважение, проявленное к опальному начальнику со стороны некоторых бывших подчиненных (Доррего), или необходимость доказывать свою невиновность правительству в столице.

В личном плане Бельграно отличался скромностью и даже робостью: он не мог очаровывать дам пустыми разговорами, отказывался спорить с шарлатанами и неучами, высказывался только тогда, когда обладал достаточной полнотой знаний о предмете спора, открыто признавал свои ошибки, демонстрируя окружавшим моральное превосходство (возможно, несколько высокомерное, поскольку всегда с презрением относился к невежественным людям), искренность и широту знаний, которые многие не могли простить.

В конце мая Бельграно, следуя распоряжениям властей, выехал в Буэнос-Айрес. Остановившись в Лухане, почти что в качестве

⁸ *Gondora L. R. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 168.*

арестованного, он продолжал заниматься написанием автобиографии, ожидая вызова от чиновников военного ведомства. Сам процесс свелся к серии свидетельств, объективных (Пердриель) и явно враждебных (Диас Велес), закончившись в итоге полным оправданием генерала и снятием с него всех обвинений.

* * *

В тот период в Испании произошли важные события. Наполеон, потерпев поражение в России, был вынужден эвакуировать Иберийский полуостров, собирая силы для борьбы с 6-й коалицией. Согласно Валенсáйскому договору король Фернандо VII был восстановлен на троне. Кортесы разогнали, восторжествовала абсолютистская реакция. Со всей остротой встала проблема наведения порядка в колониях, которые традиционно являлись одним из главных источников казны (в 1811 г. испанское казначейство последний раз получило из Буэнос-Айреса 12,5 млн песо налогов и сборов). В Кадисе начались приготовления к военной экспедиции, которую возглавил герой сопротивления французам генерал Морильо. Однако взятие Монтевидео креольским военачальником Альвеаром (20 июня 1814 г.) спутало карты испанцев, лишив их стратегической базы для развертывания операций на континенте.

В Верхнем Перу испанский генерал Песуэла не смог развить успех, хотя и занял Жужуй, наступая на Сальту и Тукуман. В его тылу произошло восстание в Куско (3 августа), в том числе при поддержке частей, на которые в свое время оказали влияние контакты с войсками Бельграно. Опасаясь дезертирства и развала армии, Песуэла начал отход. Негативный эффект от поражений патриотов при Вилькапухио и Айоумы был преодолен.

Тем не менее укрепившиеся у власти в Буэнос-Айресе представители торговой буржуазии мыслили прагматическими категориями — сначала жить, философствовать потом. Многие, в том числе Бельграно и Бернардино Ривада́вия, стали сомневаться в возможности установления устойчивой демократии в провинциях Ла-Платы. В этой связи очень кстати пришлась нота от 15 июля английского посланника лорда Стрэнгфорда при бразильском дворе в Рио-де-Жанейро правительству в Буэнос-Айресе, в кото-

рой англичане, ставшие к тому времени союзниками Испании, но заботясь в первую очередь о собственных торговых интересах, советовали «портеньос» послать к королю делегатов с просьбой о забвении прошлого для достижения компромисса с испанской монархией. Верховный директор Хервасио де Посадас, сменивший к тому времени триумвиров, выразил полное согласие, дав указание Сарратеа (посланнику в Бразилии) направиться в Англию для реализации указанных планов. В сентябре на Государственном совете было принято решение отправить в Европу двух депутатов «с целью поздравления короля и поиска возможностей установления мира без ущерба свободе и правам провинций», о котором было сообщено находящемуся в Рио-де-Жанейро бывшему губернатору Монтевидео генералу Вигодету, продолжавшему именовать себя капитан-генералом провинций Рио-дела-Платы. Формирование миссии завершилось в конце ноября, в нее вошли Бельграно и несколько позже Ривадавия, отплывшие в конце ноября в Рио-де-Жанейро (где к ним присоединился Сарратеа) на борту английского фрегата «Зефир».

Посланцы везли с собой два пакета с инструкциями. В первом содержались указания информировать короля, если представится такая возможность, о ситуации в Рио-дела-Плате, об ущербе, понесенном этими землями за время военных действий, при этом дать понять, что примирение возможно только на базе обеспечения в той или иной форме самоуправления бывших колоний.

Второй не должен был открываться до их прибытия в Лондон. В бумагах говорилось о политической независимости Объединенных провинций, которую можно было бы получить при соблюдении двух условий: установлении ограниченной монархии во главе с принцем одной из европейских династий или передаче всей полноты административной власти в руки американцев при сохранении некоторых королевских регалий. Если Мадрид отвергнет эти требования, предполагалось обратиться напрямую к другим монаршим дворам. В случае согласия Англии с последними планами или ее готовности защитить суверенитет провинций военной силой визит на Иберийский полуостров отменялся. Также предписывалось затягивать, насколько это будет возможным, лю-

бые переговоры, чтобы выиграть время для организации отпора готовящейся испанской агрессии.

15 января 1815 г. «Зефир» прибыл в Рио-де-Жанейро.

Первая встреча прошла с испанским посланником Вильяльбой, в ходе которой креольским дипломатам было предложено сразу направиться «к ногам короля». Однако для этого нужно было получить согласие Верховного директора и отработать следующую часть — провести переговоры с португальским двором и английским посланником лордом Стрэнгфордом. Вторая аудиенция состоялась с маркизом де Агиаром, премьер-министром и секретарем по внешним сношениям португальского принца-регента, однако не вышла за рамки холодного протокола — принцесса Карлота имела все основания не доверять «портеньос», отвергнувшим ее «суверенные притязания» на бывшие испанские провинции.

Наиболее откровенная беседа имела место с английским дипломатом, который сообщил им о возможных нюансах предстоящей миссии, не преминув предупредить о негативном отношении к ней португальцев и пообещав предоставить в дальнейшем информацию о главном событии — экспедиции Морильо. Но этого момента еще надо было дожидаться.

Англия вела сложную игру, находясь между «стеной и шпагой», стеной английских коммерческих интересов и шпагой обязательств перед союзной Испанией. С ее точки зрения, было предпочтительно иметь слабых «друзей», которыми легко управлять. Нельзя было позволить португальцам укрепиться в Монтевидео, допустить восстановления испанского господства в Рио-де-ла-Плате и при этом нужно было не дать чрезмерно усилиться креольской республике в Буэнос-Айресе — все это не способствовало получению в перспективе торговых льгот, на которые рассчитывали в Лондоне.

Наконец дипломатический ответ был получен в том смысле, что англичане считали «маловероятным, хотя и не невозможным» прибытие испанского карательного корпуса в Рио-де-ла-Плату. Кроме того, Рио отказал Мадриду в возможности пополнять запасы воды и продовольствия в южном регионе Санта Каталина, без чего осада испанцами Монтевидео становилась проблематичной. Португаль-

цы имели свои виды на Восточную провинцию, хотя их претензии встречали отторжение у англичан, сосредоточивших здесь на всякий случай свою эскадру. Об этой расстановке сил Ривадавия, как глава миссии, проинформировал в конце февраля нового Верховного директора Объединенных провинций, которым стал Альвеар.

Новый правитель сменил дипломатические акценты — в Рио был направлен еще один делегат Мануэль Хосе Гарсия с инструкциями договариваться о протекторате Великобритании над Объединенными провинциями, причем ни Ривадавия, ни Бельграно не были поставлены об этом в известность. Гарсия встретился с лордом Стрэнгфордом, который, обоснованно опасаясь соперничества различных фракций в Буэнос-Айресе, не преминул сообщить о нем первым собеседникам. Три представителя «портеньос» смогли, к счастью, найти общий язык, руководствуясь чувством патриотизма и необходимостью отстаивать свободу Рио-де-ла-Платы. В ответ на полное упреков письмо Ривадавии новым властям пришел ответ о необходимости придерживаться прежних инструкций, ускорить выполнение миссии, но заручившись гарантиями Англии перед посещением Испании. 16 марта дипломаты отчалили от берегов Бразилии, а в середине мая прибыли в Лондон.

Ситуацию, сложившуюся в Англии на тот момент, вряд ли можно было считать адекватной для выполнения задач посольства. Наследник престола Георг III и консервативное правительство «тори» все больше склонялись в сторону союза с абсолютистской Европой. Оппозиция в лице партии «вигов» была малочисленной и занятой внутренними проблемами: боролась за отмену закона 1812 г. против рабочих — разрушителей станков, которые видели в них источник нищеты. Тем не менее коммерческие интересы пробивали себе дорогу — закон 1805 г. разрешил торговый обмен между английскими и испанскими колониями в Америке, а закон 1810 г. говорил уже о собственной торговле Англии со всеми иностранными государствами Америки и Вест-Индии, фактически игнорируя фиктивный суверенитет Испании.

В ожидании обещанной помощи от Стрэнгфорда в организации встречи с английскими властями для обсуждения интересующих их вопросов Ривадавия и Бельграно узнали от Сар-

ратеа о некоем цыганском графе Кабаррýсе (которого Сарратеа отрекомендовал как «благородного сеньора») и его желании помочь посланцам Рио-де-ла-Платы. Речь шла об установлении контакта с одним из сыновей отрекшегося от престола Карлоса IV — доне Франсиско де Пáула (брате Фернандо VII), который жил с отцом, матерью Марией Луизой и бывшим королевским министром Мануэлем Годоем в Италии, получая небольшую денежную помощь от Папы Римского, а также субсидию от короля Испании. Кабаррус, только что вернувшийся из Рима, убеждал «портеньос» в возможности договориться с королевской семьей на предмет коронации Франсиско де Паула в Объединенных провинциях. Хотя дипломаты находили противоречия и неувязки в аргументах собеседника, Кабаррус, поддержанный Сарратеа, убедил их, что его инициатива будет носить неформальный характер, и гарантировал успех. Бельграно набросал проект основного закона, согласно которому Карлос IV должен был даровать конституцию новому объединенному королевству Ла-Платы, Чили и Перу. Получив в свое распоряжение черновики договоров с Карлосом IV о том, что, если испанцы перестанут платить ему пенсией, тот продолжит получать равную сумму денег от Объединенных провинций, и другого соглашения с Мануэлем Годоем, которому в случае успеха обещалось денежное вознаграждение за посредничество, а также аванс, посредник отправился в Италию. Однако все произошло, как в плохом романе.

В середине июля Кабаррус прибыл в Верону. Проведя несколько встреч с королевой и Годоем, он убедился, что заставить престарелого короля, потерявшего интерес к политике, согласиться с, мягко говоря, чересчур смелыми планами учреждения в Америке новой династии не представлялось возможным. Карлос не хотел слушать никаких предложений, которые могли бы нарушить его покой, повторяя, что не пойдет наперекор воле своего сына — короля Фернандо VII. В письме к Сарратеа Кабаррус предложил еще более авантюристический ход — похитить Франсиско де Паула, однако Ривадавия и Бельграно категорически воспротивились, понимая возможный ущерб в случае неудачи. Возвратившись

в Лондон, Кабаррус не представил отчета о расходах. Попытки воздействовать на него через Сарратеа также ни к чему не привели. Наоборот, последний, смелодушничав, показал графу письмо Бельграно с требованием объяснить затраты, некоторые статьи которых казались явно завышенными. Граф счел себя оскорбленным и даже имел наглость вызвать Бельграно на дуэль, которая, к счастью, не состоялась. В последний момент Бельграно показали письмо Ривадавии, в котором тот убеждал, что скандал повредит их общему делу. В конечном счете, большая часть вины лежала именно на нем как на главе миссии, единственным результатом которой стал лишь полученный опыт, если не считать завязавшейся дружбы с английским философом Бэнтамом.

В январе 1816 г. Бельграно возвратился в Буэнос-Айрес. Ривадавия вернулся несколько позже, не добившись поставленных перед посольством задач.

Главным выводом представленного правительству отчета стало убеждение в необходимости в кратчайшие сроки, пусть даже и через монархическое правление, объявить о независимости Ла-Платы и добиться создания ответственного и дееспособного правительства. Без этого, писал Бельграно, Европа никогда не признает Объединенные провинции и не будет иметь с ними отношений. Конечно, монархическая идея вызвала взрыв негодования, особенно среди псевдопатриотов, что дало основание некоторым историкам говорить о том, что она объективно противоречила господствовавшим в массах республиканским настроениям. Но с учетом последующих событий, когда под личиной республиканизма в Ла-Плате фактически возникли «варварские монархии» многочисленных каудильос, растащивших страну на удельные княжества, вполне возможно, что конституционная монархия могла стать хотя бы временным выходом из кризисной ситуации.

В данном контексте можно утверждать, что монархизм Бельграно носил чисто конъюнктурный характер и был обусловлен требованиями момента, неблагоприятным положением дел в Америке и в Европе, ни в коем случае не меняя его демократических убеждений. С тактической точки зрения монархический вариант казался тогда многим единственным возможным выходом для

спасения завоеваний Майской революции, под которыми понимались главным образом самостоятельность креольской нации, а точнее защита интересов верхушки местной аристократии и компрадорской буржуазии города-порта.

* * *

В столице Бельграно столкнулся с другой реальностью. Перманентный кризис власти — Альвеар был отстранен и заменен на генерала Рондо (которого по очереди замещали Альварес Тóмас и Балькарсе) — имел одним из последствий очередное поражение Северной армии при Сипе-Сипе. После того как исчезла непосредственная угроза вторжения, в прибрежных провинциях стала набирать силу отрицающая всякую централизованную власть вольница полувоенных местных формирований — «монтонéрос», преданных исключительно своим вождям — каудильос. В конце марта так называемая наблюдательная армия под командованием генерала Виамóнте, сосредоточенная под Санта-Фе, была разбита отрядами монтонерос, подчинявшихся каудильо Мариано Вéра. Опасаясь их наступления, Верховный директор назначил Бельграно командующим всеми силами северного региона. Однако и он был бессилен, тем более что встретил сильную оппозицию в офицерской среде во главе с Диасом Велесом, которому вскоре был вынужден передать командование. Анархия настигала армию. Превысив свои полномочия, 9 апреля Диас Велес заключил перемирие при Санто Томé. Бельграно был задержан и отстранен от должности.

24 марта начались заседания Национального конгресса в Тукумане. Бельграно решил присоединиться к его работе. 3 мая Верховным директором был избран Пуэйрредон, который сразу убыл в Сальту, где возникли трения между Рондо и командиром местного ополчения гаучо Мартином Гузмесом. По возвращении в Тукуман Пуэйрредон встретился с Бельграно, 6 июля на закрытом заседании депутаты заслушали последнего по результатам его поездки в Европу. Отстаивая целесообразность установления ограниченной конституционной монархии в сложившихся на тот момент в Объединенных провинциях условиях (при невозможности привлечения европейских монарших особ), он предложил

идею учреждения инкской династии, сильно напоминавшую план Франсиско Миранды. В качестве главного аргумента в ее защиту Бельграно называл вероятную поддержку индейского населения, которая могла бы обеспечить победу над испанцами-«чапетóнес» в Верхнем и Нижнем Перу. Однако правительство, осуществлявшее диктатуру городской буржуазии Буэнос-Айреса, уже мало интересовало конституционные проекты. На первый план выходила задача любой ценой если не сдержать, то хотя бы замедлить распространение политической и социальной анархии, угрожавшей захлестнуть всю страну. Предложения Бельграно также были отвергнуты депутатами от провинций.

9 июля конгресс торжественно провозгласил независимость Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы. Спустя несколько дней Бельграно вновь был назначен (вместо Рондо) главнокомандующим Северной армией со штаб-квартирой в Тукумане. На этом посту он оставался в течение трех лет — практически всю оставшуюся часть своей общественной карьеры. Ему удалось укрепить дисциплину немногочисленных войск (все силы направлялись Директорией на усиление и пополнение Андской армии генерала Сан-Мартина), сдерживать с переменным успехом наступления роялистов, обеспечивая в то же время лояльность населения северных районов правительству в Буэнос-Айресе (на фоне неподчинения прибрежных провинций). Тем не менее военная карьера Бельграно стала клониться к закату — за этот период он не добился ни одного внушительного успеха, ограничиваясь позиционными боями с монтонерос.

В Тукумане, постепенно превращавшимся по причине нахождения там конгресса и армии из провинциального городка с 13 тысячами жителей в региональную столицу, Бельграно неожиданно испытал романтическое чувство к юной Долóрес Эльгéro, от которой у него в 1818 г. родилась дочь.

В августе 1816 г. в Кордобе произошел мятеж против центрального правительства, которому уже давно не подчинялась прибрежная провинция Санта-Фе. Бельграно считал необходимым соединить силы Северной и Андской армий, чтобы быстро подавить очаги сопротивления, грозившие дальнейшим распространением

анархии, оставив на границе с Верхним Перу местные милицеские формирования под командованием Гуэмеса, вполне достаточные, по его мнению, для сдерживания роялистов. Хотя Верховный директор Пуэйрредон не одобрил указанный план, Бельграно получил разрешение использовать войска для наведения порядка в Кордобе. 8 ноября власть губернатора была восстановлена войсками под командованием офицеров Бельграно — Бустоса и Балькарсе. В декабре был подавлен мятеж монтонерос в Сантьяго дель Эстеро во главе с каудильо Франсиско Бóрхесом, который был расстрелян.

Месяцем позже Андская армия Сан-Мартина перешла кордильеры, начав освобождение Чили. В мае 1817 г. в Буэнос-Айресе продолжил работу Тукуманский конгресс. Бельграно настаивал на своих предложениях о необходимости быстро положить конец беспорядкам в провинциях с использованием регулярной армии. Однако правительство рассчитывало справиться с ними, опираясь лишь на помощь отрядов местного ополчения, что оказалось нереальным — в марте 1818 г. Балькарсе потерпел поражение от каудильо Рамиреса.

Бельграно предлагал Сан-Мартину свой план борьбы с испанцами в Перу. В частности, в противовес намерению Сан-Мартина сразу осуществить экспедицию в центр испанского господства на континенте — в Лиму он считал целесообразным высадить экспедиционную армию в окрестностях Арекипы, чтобы в комбинации с частями Северной армии вытеснить испанцев из высокогорных районов сьерры, прижать их к побережью и добиться окончательной победы.

В этом был определенный смысл, хотя успех, конечно же, не гарантировался. Тем не менее после взятия Сан-Марином перуанской столицы испанцы, как это и предвидел Бельграно, смогли укрепиться в Верхнем Перу, где оказывали сопротивление еще несколько долгих лет. Именно этот фактор и недостаток собственных сил, на что изначально указывал Бельграно, вынудили Сан-Мартина покинуть Перу, оставив дело ее окончательного освобождения Боливару. Но история не имеет сослагательного наклонения!

Правительство наконец прислушалось к советам Бельграно — в декабре 1818 г. было принято решение активизировать борьбу

с каудильо из Санта-Фе Эстанислао Лопесом. В январе Бельграно исполнил приказ и начал передвижение частей Северной армии к Кордобе, получив под свое начало также остатки «наблюдательной» армии под командованием Балькарсе. К тому моменту у него обострилась болезнь сердца. Врачи рекомендовали Бельграно на время оставить командование войсками, но он отказался, мотивируя тем, что только его личное присутствие еще могло как-то поддерживать дисциплину и боеспособность армии, фактически брошенной столичными властями на произвол судьбы. «Зачем расстраиваться из-за того, что выше человеческой воли. Пока будут силы, буду исполнять свой долг... после моей смерти никто не сможет остановить процесс ее распада»⁹, — писал он в одном из писем. Поняв, что скорое примирение провинций и «портеньос» нереально, опасаясь социального взрыва и гражданской войны «до полного уничтожения» (поскольку вести цивилизованную военную кампанию с участием дисциплинированных солдат-ветеранов с опорой на местное население не представлялась возможным), Бельграно рекомендовал властям в Буэнос-Айресе заключить союз с каудильо Лопесом, чтобы с его помощью поставить барьер анархии, поднимавшей голову в провинциях Энтре-Риос и Коррьентес.

В тот период Сан-Мартин вернул часть Андской армии из Чили в Мендóсу. Однако, не желая участвовать во внутренних конфликтах и имея целью сохранить солдат для перуанской экспедиции, он предпринял посреднические шаги, направив письма Лопесу и уругвайскому каудильо Артигасу с призывом прекратить братоубийственную войну. Бельграно, наоборот, был сторонником жесткой линии, считая необходимым применение регулярных войск и выполнение распоряжений правительства о концентрации всех имевшихся сил.

Здесь взгляды двух военачальников и соратников по общему делу не совпадали. При этом оба выполняли свой долг. Сан-Мартин исходил из приоритетов континентального освобождения, Бельграно демонстрировал приверженность национальному чувству, хотя в конце концов пришел к выводу о том, что подавление

⁹ *Gondora L. R.* Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 243.

ние беспорядков, вызванных социальными причинами, вряд ли возможно военными методами — смелый вывод для военачальника того времени!

В апреле 1819 г. Лопес подписал перемирие с генералом Виамонте. Бельграно поспешил в Росарио с целью продолжения переговоров и заключения соглашения о мире с бывшим сержантом парагвайской экспедиции (Лопесом), надеясь, что тот со своими монтонерос сможет изолировать находившиеся в состоянии перманентного мятежа прибрежные провинции.

12 апреля был подписан договор Сан Лорэнсо. Северная армия начала отход к месту постоянной дислокации, перед этим принеся очередную присягу Рондо, который сменил Пуэйрредона на посту Верховного директора.

29 августа уже серьезно больной Бельграно получил разрешение оставить войска, командование над которыми перешло к его заместителю Фернандесу де ла Крису. Отъезд генерала лишил армию последнего стержня — три тысячи предоставленных себе, разочарованных безразличием властей солдат стали легкой добычей анархии, несколько месяцев спустя взбунтовавшись в местечке Арекито и перейдя на сторону федералов. Северная армия прекратила свое существование, сгинув в пучине гражданской войны. Ее примеру последовал батальон егерей, расквартированных в Сан Луисе и входивших в Андскую армию. Полковнику Альварáдо не удалось восстановить дисциплину, и Сан-Мартин отдал приказ срочно выводить остававшиеся лояльными войска в Чили, где они влились в ряды экспедиционной армии, готовившейся к отплытию в Перу. Таким образом, сама жизнь рассудила спор двух генералов, подтвердив, хотя и с оговорками, правоту стратегического видения Сан-Мартина.

Бельграно находился в конце жизненного пути. В октябре он возвратился в Тукуман, где сразу слег. 11 ноября в городе произошел мятеж во главе с капитаном местной милиции Гонсáлесом, который отдал приказ об аресте Бельграно. От кандалов его спасло только заступничество врача, хотя к прикованному к постели больному был приставлен часовой. Благо, на следующий день новый губернатор Бернабé Арáос освободил его из-под стражи. Три месяца

оставался Бельграно в Тукумане, прежде чем отважился на путешествие в Буэнос-Айрес. К тому времени декрет прежних тукуманских властей о небольшой пенсии был отменен, никто не вспомнил, что генерал ранее отказался от причитавшейся ему за освобождение города награды в 40 тысяч песо, часть из которых он потратил на обустройство местной школы. Небольшую сумму собрали друзья, что позволило Бельграно в феврале 1820 г. отправиться в столицу, где он родился и вырос, куда звали меланхолические воспоминания ушедшей юности. После остановки в Кордобе, вызванной опять же нехваткой средств, Бельграно 1 апреля прибыл в Буэнос-Айрес, где не был четыре года. Он остановился в доме одного из братьев в предместье Сан Исидро. Жизнь его медленно угасала. Последние слова, произнесенные в семь часов утра 20 июня 1820 г., были посвящены родной земле: «Я думал о вечности, в которую ухожу, думал о любимой мною земле, которую оставляю. Надеюсь, что добросовестные граждане избавят ее от несчастий»¹⁰.

Так закончилась жизненная стезя выдающегося гражданина Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы Мануэля Бельграно. Будучи сугубо штатским лицом, склонным к кабинетным научным исследованиям, он безропотно принял на себя тяжелую ношу практической революционной борьбы и военной деятельности, заботясь об общественном благе, пожертвовав личными интересами и спокойной обеспеченной жизнью. При этом он проявил незаурядное гражданское мужество, моральные принципы, безразличие к клевете и нападкам со стороны недоброжелателей, наличие которых лишний раз подтверждает героическое величие его бескорыстия, порядочности и преданности делу освобождения Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы (Аргентины) от колониальной зависимости.

Главный памятник Мануэлю Бельграно, установленный на площади 25 Мая в Буэнос-Айресе, представляет собой конную статую, где всадник сжимает древко флага — национального бело-голубого знамени, впервые поднятого им на берегах реки Парана в 1821 г.

¹⁰ *Gondora L. R. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 259.*

ХУА́Н МАРТИ́Н ДЕ ПУЭЙРРЕДО́Н

**Инсургент, губернатор,
верховный правитель
(18.12.1777–13.03.1850)**

Я не хочу жизни без родины и буду жить с ней или умру, чтобы дать ей жизнь.

Х. М. де Пуэйрредон

Отец Пуэйрредона — дон Хуан Мартин де Пуэйрредон де Брушерй, родившийся в 1738 г. в Нижних Пиренеях, был французским подданным, служившим в испанской королевской армии, который в 1763 г. получил разрешение обосноваться в заморских колониях Испании и переехал в Буэнос-Айрес, где в июне 1766 г. сочетался браком с доньей Ритой О’Доган, жительницей этой провинции ирландского происхождения.

В Буэнос-Айресе француз основал коммерческую компанию, которая занималась торговлей фруктами и другими товарами, и быстро сколотил неплохое состояние, став одним из первых чле-

нов консуладо, куда входила верхушка зажиточной креольской буржуазии. От первого брака он имел восьмерых детей, один из которых, родившийся 18 декабря 1777 г., также получил имя Хуан Мартин. Глава семьи постарался дать всем хорошее образование. В частности, Хуан Мартин де Пуэйрредон О'Доган был отправлен в Париж, где изучал гуманитарные науки.

Аргентинские исследователи считают, что фамилия Пуэйрредон происходит от французских слов «пуэй» (холм) и «редон» (круглый), что, соответственно, может дословно означать «округлый холм». Отец оставил детям внушительное наследство, включавшее не только торговый дом, но земли и поместья, где выращивался крупный рогатый скот — главный экспортный товар латифундий.

* * *

Имя Хуана Мартина де Пуэйрредона впервые прозвучало во время английской оккупации испанской провинции Рио-де-ла-Плата в июне 1806 г., когда генерал Бересфорд с полутора тысячами солдат неожиданно легко захватил Буэнос-Айрес. Желая привлечь на свою сторону креольские круги, англичане провозгласили свободу торговли, неприкосновенность частной собственности, уважение к католическому культу и судебной системе. Однако, несмотря на, казалось бы, правильную политику, местные жители видели в них в первую очередь оккупантов, покушавшихся на власть их суверена — испанского короля. Чувство гордости было ущемлено.

Недовольство креолов обратилось даже не столько против англичан, сколько на представителей колониальных властей и сбежавшего вице-короля Рафаэля Собремóнте, продемонстрировавших полную неспособность организовать сопротивление захватчикам. Несмотря на кажущееся спокойствие, с первых дней стали вынашиваться планы организации восстания. Капитан инженерного корпуса Фелипе де Сентенáч предлагал прорыть туннели под казармы и крепость, заложить заряды и взорвать их — план, который начал осуществляться, хотя так и не был реализован.

Братья Пуэйрредон быстро установили контакты с ядром заговорщиков и начали концентрацию своих сторонников в местечках Лухáн, Морóн и Пилáр. Хуан Мартин, обосновавшийся в усадьбе

«Лас Ча́крас де Пердрие́ль», отвечал за их снабжение, зачастую расходуя собственные средства на покупку и поставку необходимого продовольствия и фуража. Он познакомился с французом на испанской службе, флотским капитаном Сантьяго Линье́рсом, который в то время находился в Буэнос-Айресе и также строил планы освобождения столицы вице-королевства. В июне Линьерс перебрался в Колóния де Сакраме́нто на другом берегу Ла-Платы, откуда обратился к испанскому губернатору Монтевидео Паскуа́лю Руйсу Уидóбро с просьбой прислать в его подчинение 500 солдат для подготовки экспедиции.

В это время Бересфорд решил устроить вылазку из крепости, поскольку до него дошли слухи о подготовке восстания в окрестностях столицы. Выступив из города, он направился к месту расположения людей Пуэ́йрредона, численность которых уже достигла 600 человек. Однако командир отряда пограничной стражи — «бланде́нгес» уклонился от боя, и Пуэ́йрредон во главе 100 бойцов противостоял полутысячному отряду англичан, который с помощью орудий быстро рассеял ополчение. После этого Пуэ́йрредон отправился в Колóния, где договорился с Линьерсом о дальнейших действиях, взяв обязательство профинансировать кампанию из собственных средств. Получив инструкции, он вернулся в пригород Буэнос-Айреса.

Англичане — постоянные соперники не только его предков-французов, но и креолов, лояльных испанской короне, представлялись ему извечными врагами, примириться с которыми не позволяло чувство патриотизма и внутреннего достоинства. Единственным выходом являлись решительные действия, несмотря на риск и возможную неудачу. Без промедления были направлены послания окрестным помещикам — «асендадос», которым предлагалось прибыть в места сбора вместе с вооруженными крестьянами-поденщиками — «пеóнами». Пуэ́йрредон занимался вопросами их обеспечения и поддерживал связь между разными отрядами, ожидая прибытия Линьерса, которого губернатор Монтевидео поставил во главе войск (1,3 тысячи штыков), направленных на освобождение Буэнос-Айреса.

22 июля дивизия Линьерса вышла из Монтевидео, а уже 31 июля начала погрузку на суда, ожидавшие в Колóния. Непого-

да позволила избежать встречи с английской эскадрой, и 4 августа состоялась высадка десанта на противоположный берег в местечке Риáчо де лас Кóнчас, где к тому времени находился Пуэйрредон с повозками и вьючными животными. Линьерс двинулся к пригороду Сан Фернандо. Сильные дожди и увязшая в грязи артиллерия помешали англичанам остановить продвижение колонны. Вскоре к ней присоединился отряд «бланденгес» в 700 всадников под командованием Антонио Олаварр́я. Войска встали лагерем у Сан Исидро. Здесь за заслуги в деле организации похода Линьерс присвоил Пуэйрредону звание команданте (майора) кавалерии.

11 августа креолы и испанцы приблизились к городу в районе Корра́лес де Мисерéре. Линьерс послал своего адъютанта Илариона Кинта́ну к генералу Бересфорду с требованием сдаться, которое было отвергнуто. Аналогичная попытка Пуэйрредона договориться с представителем англичан также потерпела фиаско. На следующий день войска при поддержке горожан пошли на штурм крепости и английских казарм. Пуэйрредон командовал эскадроном гусар, который впоследствии получил его имя, и взял реванш за поражение при Пердриеле. Ближе к полудню крепость была окружена, Бересфорд выкинул белый флаг и капитулировал. Англичане поздно поняли свою оплошность, которая, как отмечал генерал, состояла в том, что они пришли на берега Ла-Платы как завоеватели, а не освободители от испанцев. Больше Лондон никогда не повторял эту ошибку.

Поскольку вице-король находился в бегах, а Линьерс не имел властных полномочий, 13 числа для организации управления было созвано открытое заседание каби́льдо, предложившее Собремонте передать военные полномочия Линьерсу. Вице-король был вынужден согласиться — таким образом, под давлением внешних обстоятельств состоялся первый шаг к отмене устоев колониального режима.

Пуэйрредон, которого де-факто считали вторым человеком после Линьерса, был не только утвержден в воинском звании, но и получил чин подполковника. Уже 24 августа каби́льдо постановило направить его в Мадрид с целью довести до короля информацию о произошедших в Ла-Плате событиях, а также вы-

дало сертификат с признанием «стараний и расходов, понесенных в деле отвоевания города»¹¹. Аналогичные свидетельства подписали военачальники Линьерс и Оллавария. Все они подтверждали бескорыстие и самоотверженность поступков Пуэйрредона.

Миссия Пуэйрредона, по мнению членов кабильдо, заключалась в том, чтобы урегулировать вопрос о лишении полномочий вице-короля (что было исключительной прерогативой короны) и ходатайствовать перед монархом и правительством о компенсации жителям Буэнос-Айреса их страданий и усилий путем предоставления определенных льгот, прежде всего торговых.

4 ноября Хуан Мартин отплыл из Буэнос-Айреса. С остановками в Рио-де-Жанейро, Сан Салвадоре и Лиссабоне он достиг Мадрида, где сразу запросил аудиенцию у «Принца мира» (так называли фаворита королевы Мануэля Годоя), который принял посланца Буэнос-Айреса довольно сухо, укрывшись за пустыми вежливыми фразами дворцового протокола. С помощью Веласко Эчаваррия, представителя «портеньос» при дворе, Пуэйрредон добился приема у королевской четы в Аранхуэсе. Встреча прошла в обмене любезностями, монарх обещал выполнить просьбы своих подданных, однако реальным результатом оказался королевский указ, подтверждавший воинское звание Пуэйрредона и предписывавший ему возвращаться в Буэнос-Айрес. Как потом понял Хуан Мартин, это был ответ Годоя, показавшего свою власть в решении всех дел испанской монархии.

Такой исход означал полный провал посольства и удар по престижу самого посланника. Пуэйрредон продолжал писать письма всесильному фавориту, убеждая, что выполнение справедливых ходатайств жителей города поднимет их дух и верноподданнические настроения. Первый ответ, последовавший через личного секретаря, лаконично гласил, что Пуэйрредон выполнил свою миссию и должен покинуть полуостров, второй направлял представителя креолов в Секретариат (министерство) милости и справедливости, где он узнал о предоставлении пенсии одной из вдов защитников Буэнос-Айреса. Более того, министр на встрече за-

¹¹ Archivo de Pueyrredón. Museo Mitre. Tomo II. P. 14.

явил Пуэйрредону, что правительство никогда не согласится с идеями «портеньос», поскольку они противоречили безопасности метрополии: колонии, дескать, позволено развивать сельское хозяйство и горное дело, но не вмешиваться в вопросы торговых отношений империи с третьими странами. Через доверенных лиц в секретариате Пуэйрредон узнал о намерениях Годоя разоружить креольское ополчение, направить в Буэнос-Айрес испанские войска для восстановления власти королевского наместника и пресечь «дерзкие выходки» его жителей. Еще больше огорчили Пуэйрредона полученные инструкции кабильдо, предписывавшие ему предпринять меры для убеждения мадридских сановников не назначать Линьерса новым вице-королем Рио-де-ла-Платы. Не зная причины данного решения, он был обязан выполнить указания, хотя с Линьерсом его связывала совместная борьба с англичанами и личные дружеские отношения.

В этот момент правительство в Мадриде получило известие об отражении Буэнос-Айресом второй английской агрессии. Хуан Мартин воспрянул духом, вновь направив королю в августе, а затем повторно в декабре 1807 г. памятные записки с перечнем просьб в пользу родного города. Как он позже сам напишет в отчете, в ответ им были получены лишь «унижения, пренебрежение, оскорбления и всяческие огорчения» в виде милостей, дарованных с деспотическим презрением. Например, городским властям разрешалось: руководить корридой в отсутствие вице-короля, не применять к жителям позорящих их наказаний и проводить сбор средств в других американских городах на оплату пенсий вдовам и детям погибших при защите Буэнос-Айреса. Такое отношение властей нельзя было назвать иначе как насмешками и издевательствами.

В качестве реакции на отношение «мáдре-пáтрии» (родины-матери) возникали сомнения и мысли о независимости. В письмах к кабильдо Пуэйрредон нелестно высказывался о коррумпированном королевском дворе, о министре Годое, который желал получить корону из рук Наполеона и стремился лишь к личному богатству. Он также сообщал о своем намерении перебраться в Кадис и искать контакта с англичанами, которые представляли

единственную силу, способную противостоять французской оккупации Испании, а заодно и защитить американские колонии от офранцузенного двора, готового пойти на любую сделку с врагом. Однако французские власти ввели запрет для испанских офицеров покидать столицу. Тогда он послал в Лондон вместо себя доверенных лиц: капитана Хосе Мблдеса и дона Мануэля Пинто с просьбой о помощи и поставках оружия «для действий в пользу моей любимой Родины», что, по его мнению, должно было помочь забыть прошлые обиды и открывало путь к заключению взаимовыгодных торговых договоров. Естественно, в данном случае речь могла идти лишь о соглашениях между Англией и свободной от подчинения Испании Рио-де-ла-Платой. Это была прелюдия к дальнейшим планам освобождения. Вначале переговоры имели перспективу, но затем Мадрид неожиданно стал союзником Лондона, который повел себя более осторожно по отношению к испанским территориям за океаном.

Пуэйрредон принял решение бежать из Мадрида. Через Эстремадуру он прибыл в Севилью, где направил прошение Высшей хунте, объявившей себя хранительницей прав плененного короля Фернандо VII, о зачислении его в действующую армию, готовившуюся к борьбе с французами. Однако хунта, несмотря на декларации о равенстве креолов, не стремилась предоставить колониям самостоятельность, считая их неотъемлемой частью испанского государства. Отношения с хунтой, так же как и с королевским правительством, не сложились (губернатор Кадиса арестовал и вскрыл доставленную из Буэнос-Айреса почту). Более того, Хуан Мартин остался практически без средств к существованию, поскольку аргентинские векселя в условиях отсутствия устойчивых коммерческих связей с заморскими провинциями не принимались к оплате. Жалованье от кабильдо он отказался получать еще при отъезде. Надо было возвращаться, его пребывание в Испании становилось бесполезным. В середине ноября 1808 г. он покинул Испанию.

Однако в Буэнос-Айресе господствовала происпанская партия. Правдивые и наполненные патриотическими идеями донесения Пуэйрредона вызывали неприязнь и раздражение у городского

главы — «алькальда» Альсаги, заподозрившего посланника в революционных настроениях. Кабильдо приняло акт, в котором говорилось о нежелательности возвращения Пуэйрредона, поскольку оно несло в себе угрозу сепаратизма, другими словами, отделения от метрополии. Назначенному Центральной хунтой губернатору Монтевидео Франсиско де Элио было направлено указание вице-короля Бальтазара Сиснероса задержать Пуэйрредона и выслать обратно в Кадис в распоряжение испанских властей (Центральной хунты), которым члены кабильдо уже переправили копии полученных от него сообщений.

По прибытии в порт Монтевидео 4 января 1809 г. Пуэйрредон был арестован по обвинению в заговоре и провел в тюрьме без предъявления обвинений 45 дней. К счастью, он предусмотрительно изъял из багажа все документы, которые могли его скомпрометировать, потребовав от хунты в Монтевидео и кабильдо в Буэнос-Айресе разрешить ему вернуться в столицу. 11 февраля разрешение было получено, с тем чтобы отчитаться перед городским советом о законности своих действий. Однако Элио, рассчитывая выслужиться перед новыми испанскими властями, быстро (в течение двух дней) отправил его на углом суденышке под конвоем в Испанию. На траверзе порта Сантос оно попало в шторм и затонуло. Конвоиры просили португальцев поместить Пуэйрредона в тюрьму, но не получили разрешения. Через несколько дней, воспользовавшись ослаблением надзора, он сбежал и направился в Рио-де-Жанейро. С этого момента борьба за свободу стала борьбой за восстановление собственной чести. 15 июня 1809 г. Хуан Мартин вернулся в Буэнос-Айрес.

В это время Элио был назначен генеральным инспектором войск вице-королевства и начал кампанию по расформированию креольских отрядов. Группе патриотов удалось убедить Сиснероса отменить эти указания. Не имея реальной власти, вице-король был вынужден согласиться, при этом командование военными силами провинции перешло к генералу Висенте Ньето, стороннику Альсаги, который отдал приказ о заключении Пуэйрредона под стражу в казармы полка Патрициев, которым командовал Сааведра, старый друг Хуана Мартина. Через несколько дней

Пуэйрредон с помощью симпатизировавших ему офицеров-креолов и сестры Хуаны покинул казармы и некоторый период времени скрывался в предместьях на вилле Óрма, пока Сааведра и Бельграно не договорились с капитаном корабля, отплывавшего в Бразилию. Вновь оказавшись в Рио, он по поручению патриотов-«портеньос» начал переговоры с принцессой Карлотой (женой португальского наследного принца Жуана IV и сестрой испанского короля Фернандо VII) в пользу независимости Рио-де-ла-Платы и ее утверждения в качестве правительницы данной провинции. Это была попытка осуществления монархического варианта для обретения свободы и отделения от Испании.

Посланник Мадрида в Рио-де-Жанейро маркиз де Κάса Ирúхо развил бурную деятельность, требуя ареста и выдачи Пуэйрредона по обвинению в мятеже и государственной измене, однако министр Сбуза Коутíньо предложил последнему возглавить 10-тысячный португальский корпус для борьбы с испанцами в дельте Ла-Платы. К чести Пуэйрредона надо сказать, что он сразу и категорически отказался, не желая для своей родины замены одного колониального гнета на другой. Отказ охладил и без того непростые отношения с португальским двором, за ним установили наблюдение. Положение становилось опасным. В конце мая, как когда-то в Мадриде, он отправился налегке на загородную прогулку, окончанием которой стал корабль, направлявшийся в Буэнос-Айрес. Тайно высадившись 9 июня 1810 г. в 25 лигах от города, он узнал, что 25 мая в столице произошла революция.

* * *

Патриотическая хунта сразу привлекла Пуэйрредона к сотрудничеству. Обстановка была напряженной, испанцы и их сторонники оправались от шока. Сиснерос, Лейва, Альсага плели нити заговора в Буэнос-Айресе, которому из Монтевидео угрожала испанская эскадра адмирала Ромарáте. Оппозиция консолидировалась в Кóрдобе, неутешительные известия поступали из Парагвая. Вице-король Сиснерос поручил Линьерсу и губернатору-интенданту Кордобы Гутьерресу де ла Кóнча организовать сопротивление. Линьерс, верный испанской короне, начал собирать силы

для марша на Буэнос-Айрес. Многие, в том числе друзья из столицы, включая Сарратеа, пытались отговорить его от рискованного предприятия. Однако Линьерс, положившись на прошлые заслуги и популярность в среде «портеньос», был непреклонен.

Столичная хунта во главе с радикально настроенным Мариано Морено срочно сформировала экспедиционный корпус в 1,2 тысячи штыков под командованием Óртиса де Ока́мпо и Антонио Балькарсе, военным прокурором был назначен Фелисиано Антонио Чикла́на, делегатом (комиссаром) хунты стал Ипо́лито Ви́ейтес.

Гутьеррес де ла Конча был отстранен от должности, а на его место 3 августа хунта назначила Пуэйрредона. Уже 7 августа заговорщики были арестованы Балькарсе, а 13 числа Пуэйрредон прибыл в Кордобу, где решалась судьба Майской революции, поскольку город был ключевым пунктом на пути во внутренние и северные провинции Рио-де-ла-Платы. Несмотря на расстрел главных заговорщиков, поспешно осуществленный до его приезда Чикланой и Кастельи, Пуэйрредон предпринял меры для установления гражданского мира и спокойствия — его характерной чертой были умеренность в страстях и отсутствие политического фанатизма. Ему даже удалось добиться оправдания некоторых участников мятежа и пенсий для детей казненных. В то же время из города были высланы многие священнослужители и монахи, поддержавшие испанцев. 22 августа каби́льдо Кордобы заявило о поддержке новых властей в столице, а несколькими днями раньше депутатом от Кордобы в Правительственную хунту был избран священник Грегорио Фúнес.

После подавления восстания в Кордобе армия патриотов во главе с Балькарсе и Кастельи продолжила путь на север к Тукуману и Сальте, одержав первую победу над испанцами под Суипачей. Все Верхнее Перу признало власть хунты в Буэнос-Айресе. Главный узел проблем переместился из Кордобы в провинцию Чаркас.

3 декабря 1810 г. Пуэйрредон был назначен губернатором (интендантом) Верхнего Перу, входившего в вице-королевство Рио-де-ла-Плата, а также президентом аудиенсии и одновременно академии в Чаркас.

Как всегда, Пуэйрредон соблюдал субординацию по отношению к приказам из центра. Встраиваясь в иерархический механизм, он умел решительно, без ненужных конфликтов подчиняться, но сохранял при этом чувство собственного достоинства и отстаивал личное мнение. Когда Хуан Мартин становился во главе управленческой вертикали, он делал свое дело со спокойной твердостью, соизмеряя вверенную ему власть с масштабом стоявших задач, понимая, что «свободными людьми управляют, а повелевают рабами».

В январе 1811 г. Пуэйрредон прибыл в Чаркас, приступив 27 числа к исполнению обязанностей. Четыре интендэнсии (провинции) Верхнего Перу имели мало общего с Буэнос-Айресом. Культурные традиции и духовные ценности местного населения кардинально отличались от сложившихся в богатом и либеральном портовом городе. Здесь была сосредоточена элита вице-королевства: представители генералитета и священнослужители, латифундисты-асендадос, разбогатевшие горнопромышленники, студенты из зажиточных семей. Чукисака располагала университетом с крупнейшей библиотекой, тут же находился монетный двор, что придавало дополнительную важность владению городом. С другой стороны, индейцы продолжали использоваться на принудительных работах в шахтах и поместьях, выполняя, как и прежде, коллективную повинность — «миту», влача почти рабское существование. Влияние религии было незыблемым, среди индейских масс господствовали предрассудки и религиозный фанатизм. В целом Потоси имела население в 10 тысяч испанцев, на которых работали около 60 тысяч индейцев. В 1809 г. именно в Верхнем Перу произошли первые выступления за независимость. И хотя они были потоплены в крови, слова взошедшего на эшафот патриота Педро Доминго Мурильо о «зажженном факеле, который теперь никогда не погаснет», положили начало движению за освобождение.

Прибытие армии Кастельи после победы при Суипаче воспринималось почти как чудо. Индейцы отнеслись к тезисам о равенстве граждан и мерам революционных властей с непробиваемым непониманием, в то время как имущие классы и смешанные

с прибыльных должностей испанские сановники — с недовольством и враждебностью. Аргентинцы представлялись еретиками, врагами религии, покушавшимися на короля и порядок. Это впечатление усугублялось поведением солдат и офицеров «портеньос», не уважавших настроения и верования населения, устраивавших шумные празднества и кутежи, демонстрировавших направо и налево свой атеизм и пренебрежение к существовавшим традициям. Армейский лагерь в местечке Ла́ха больше походил на торговую ярмарку со всякими увеселениями и присущими им пороками. Кастельи пытался принять меры для восстановления дисциплины, тем не менее они не находили отклика в офицерской среде, к тому же разделившейся по политическим предпочтениям (если сам Кастельи, Балькарсе и Дías Вéлес были сторонниками Морено, то Виамóнте и многие другие поддерживали Сааведру в наметившемся конфликте властей в столице). Сообщения об апрельском перевороте в Буэнос-Айресе привели к еще большей анархии. Кастельи приглашал потерпевших поражение моренистов присоединиться к войскам и после победы над испанцами обещал восстановить их власть в Правительственной хунте, узурпированную консервативным крылом. Пуэйрредон, напротив, хотя и продолжал поддерживать дружеские отношения с Сааведрой, соблюдал нейтралитет, отмежевываясь от столичного локализма и предлагая созвать Национальный конгресс в одном из провинциальных центров. По его мнению, это сгладило бы вызывавшее раздражение у жителей провинций преимущество «портеньос». Прагматичность, умение анализировать, предвидеть последствия и снимать противоречия всегда отличали Хуана Мартина.

В марте по собственной инициативе полковник Пуэйрредон ставит перед хунтой вопрос о его назначении на должность генерального военного инспектора, что дало бы ему возможность исполнять роль связующего звена между правительством и военным командованием и, как он надеялся, помогло бы восстановить взаимопонимание властей. И хотя такое решение было принято в столице, аудиенсия Чаркас не дала своего согласия. Все осталось по-прежнему. В данных условиях поражение от армии роялистов,

возглавляемой генералом Гойенэче, очень быстро стало неизбежным, что и произошло при Уаки́ (20 июня 1811 г.).

Силы патриотов отступали в беспорядке в направлении Жужуа и Сальты, сталкиваясь с преследованиями со стороны местных жителей, поддержавших в своем большинстве испанцев. Так, губернатор Ла Паса Доминго Тристан (перешедший в дальнейшем на сторону восставших) призвал Гойенече освободить город от деспотизма инсургентов. В Ору́ро толпа, подстрекаемая сторонниками короля, окружила Касти́льи и Балька́рсе, намереваясь их задержать. Только с помощью сопровождавших солдат им удалось отбиться и быстро покинуть город. Единственным спокойным местом оставалась Ла Плата¹², где находился Пуэйрредон во главе небольшого отряда в 600 человек. Вывод губернатора, сделанный в письме к правительству в Буэнос-Айресе, был прост и лаконичен — нужна обученная, подготовленная и дисциплинированная армия, иначе неминуемы другие несчастья и поражения. Пока же он начал марш на Потоси, где к тому времени сосредоточились отступавшие силы патриотов, а на монетном дворе и в городском банке находились крупные запасы золота и серебра. Население встретило их враждебно, опасаясь грабежей и мародерства. Солдат атаковали, с обеих сторон были жертвы. С большим трудом Пуэйрредону удалось восстановить порядок, однако ни у кого не было сомнений, что мятеж повторится, как только возникнут подходящие условия или приблизится неприятель, уже находившийся в близлежащем городе Кочабамбе. Надо было отступать. Буквально выбив у местной хунты выючных животных, необходимых для вывоза драгоценных металлов и монет, патриоты в конце августа оставили город. Преследуемые на протяжении 200 лиг сторонниками роялистов, они 3 октября сумели пробиться в Сальту. Не обошлось без неприятностей: в пути дезертировал

¹² Название города Ла Плата не имеет ничего общего с дельтой Ла-Платы (местом слияния рек Парана и Угугвай), хотя и происходит от одного и того же испанского слова *plata*, означающего «серебро». Оно обозначает город, который также назывался Чукисака или Чаркас (по названию одноименной провинции), а ныне — Сукре.

один из казначеев, прихватив с собой не только деньги, но и документы, подтверждавшие количество вывезенных ценностей, что дало повод недругам Хуана Мартина обвинить его в соучастии (из миллиона песо в наличии осталось только 830 тысяч). Однако глава правительства Сааведра отверг все инсинуации, выразив восхищение доблестью и решительностью действий Пуэйрредона. Местная хунта предоставила транспорт и охрану под командованием лейтенанта Рудесиндо Альварáдо (ставшего затем генералом армии Сан-Мартина), доставившего ценный груз в Буэнос-Айрес. Средства, спасенные Пуэйрредоном, позволили властям в столице продолжить борьбу и буквально спасли Майскую революцию. Он действовал согласно максиме, сформулированной Сан-Марином: «Когда родина в опасности, позволено все, кроме ее потери»¹³. Его личный авторитет и репутация были безупречными.

Поражение при Уаки повлияло на политический расклад сил в Буэнос-Айресе. Президент хунты, полковник Сааведра, был направлен в северные регионы с целью реорганизации армии и принятия других мер, необходимых для исправления положения. Узнав о падении Кочабамбы, он запросил подкреплений из столицы, где в середине сентября произошли народные волнения, под влиянием которых хунта приняла решение об укреплении исполнительной власти — создании триумvirата, после чего распустилась. Сааведра автоматически потерял статус ее президента. Первыми триумvирами стали «портеньос» Чиклана, Сарратеа и Пасо. Баланс интересов столицы и провинций нарушился. Делегатов от регионов фактически отстранили от власти, а некоторых даже заключили в тюрьму. Во властных структурах установилась гегемония Буэнос-Айреса — из 12 вновь назначенных губернаторов провинций 9 были «портеньос»¹⁴. Автором, создателем и вдохновителем новой структуры власти был секретарь хунты — Бернардино Ривадавия. Одним из первых декретов Пуэйрредон был назначен главнокомандующим армией в Верхнем Перу. Хуан Мартин пытался отказаться, доказывая в письме к триумvирам,

¹³ Epistolario selecto. A. Palcos: Grandes Escritores Argentinos.

¹⁴ Varela L. V. Historia Constitucional de la República Argentina.

что является сугубо штатским человеком, и просил найти ему замену, однако просьбу не приняли во внимание.

Хунта в Сальте воспротивилась властным изменениям в столице, и правительство предоставило Пуэйрредону полномочия изменить систему правления в городе, от чего он решительно отказался (хотя и понимал необходимость укрепления централизованной власти на всей территории Рио-де-ла-Платы), отметив опасность предоставления армии политических и карательных функций. Одновременно командующий предпринял жесткие меры для наведения порядка во вверенных ему частях. Когда в войсках открылась попытка заговора, некоторые мятежные офицеры были казнены, другие, не подчинившиеся приказам, — отстранены от исполнения обязанностей (включая старого знакомого по Испании Хосе Мольдеса). По его указанию с целью экономии ресурсов вводилась строгая отчетность.

Кроме выполнения прямых должностных обязанностей Пуэйрредон своим авторитетом поддержал политические инициативы триумвиров о направлении посланца к Наполеону, который, как тогда считалось, мог бы стать защитником Америки от Испании, а также к Папе Римскому с просьбой назначить своего митрополита в Буэнос-Айрес. По поручению правительства он провел переговоры с генералом Гойенече о заключении перемирия в Верхнем Перу, поскольку сложившаяся после разгрома под Уаки ситуация вынуждала патриотов искать передышку в противостоянии с роялистами (в октябре аналогичное перемирие с испанцами было заключено под Монтевидео). Выигранное время позволило Пуэйрредону, который отступил к Ятасто, а затем сменившему его Мануэлю Бельграно, назначенному на этот пост в конце февраля 1812 г., восполнить потери и подготовиться к будущим сражениям. 27 марта Пуэйрредон передал командование Бельграно.

4 апреля в Буэнос-Айресе собралась созванная триумвирами ассамблея, которая на следующий день избрала Пуэйрредона членом правительства вместо сложившего свои полномочия Пасо. В конце апреля Хуан Мартин отправился в Буэнос-Айрес, прибыв туда в начале следующего месяца. Секретарем (вместо Ривадавии) ассамблея назначила Диаса Велеса, а после направления Сарра-

теа командующим армией Восточного берега (Уругвая) Ривадавия также вошел в его состав, настаивая при этом на укреплении и еще большем расширении властных полномочий. Указанные меры подразумевали прежде всего роспуск провинциальных хунт, что положило начало непримиримым противоречиям со столицей, сыгравшим роковую роль в дальнейшей истории Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы, как стало называться новое государственное образование на территории бывшего више-королевства. Пуэйрредон поддержал указанный курс, справедливо полагая, что стране, находившейся в окружении врагов, необходима сильная централизованная власть. Триумвират успел провести многие необходимые преобразования, в том числе объявил о свободе торговли, отменил табачную монополию, заявил о поощрении иммиграции, издав декрет о том, что все иностранцы, находившиеся на национальной территории, имели равные права с другими гражданами.

К этому моменту относится прибытие в Буэнос-Айрес английского фрегата «Дж. Каннинг», на котором в столицу вернулась группа креольских патриотов. Среди них находился Сан-Мартин — человек, с замыслами и деяниями которого тесно переплелась в дальнейшем судьба нашего героя.

* * *

Положение Объединенных провинций продолжало оставаться сложным. Роялистам была обещана поддержка из Бразилии, португальцы заблокировали переход через реку Уругвай, не давая войскам патриотов под командованием Сарратеа и Рондо возобновить осаду Монтевидео, куда прибыли испанские подкрепления. В ожидании возможной комбинированной атаки власти Буэнос-Айреса не могли направить подкрепление Бельграно в северные провинции, где угрожал наступлением испанский генерал Гойенече. В мае 1812 г. при активном посредничестве португальского посланника Радемакера наконец было подписано перемирие с португальцами, которые обязались эвакуировать свои войска из Восточной провинции. Однако португальский генерал Сбуза отказался выполнять его условия, ожидая подтверждения из Рио.

Общественное мнение в Буэнос-Айресе было дезориентировано нерешительностью правительства. Усилилось сопротивление испанцев, сильно пострадавших в последнее время от конфискаций, контрибуций и других притеснений креольского правительства. Возглавлял заговор бывший градоначальник Альсага. По доносу Франсиско де Лака́ра, одного из родственников заговорщика, властям стало известно о готовившемся мятеже.

Существует версия, что не последнюю роль в разоблачении сыграл Радемакер, который, получив по случайной ошибке адресованное португальскому консулу (для передаче Соузе) послание заговорщиков о прикрытии ими якобы предстоявшей высадки португальцев у Буэнос-Айреса и исходя из личных амбиций и противоречий с лузитанским генералом, поспешил передать его триумвиату.

Лакара арестовали 3 июля, в этот же день судьи Монтеагудо, Виейтес и Иригойен вынесли обвинительный приговор, который на следующий день привели в исполнение. Однако перед расстрелом он выдал властям имена других участников. Начался террор, схожий с якобинским, на улицах висели трупы казненных. Среди триумвиров возникли разногласия, Пуэйрредон был противником насилия, Чиклана выступал за применение крайних мер. Ривадавия (как и Морено, утвердивший ранее смертную казнь Линьерса) не мог отступать, многочисленные вердикты о высшей мере наказания выносились и исполнялись один за другим. 4 июля арестовали Альсагу.

Некоторые историки (аргентинец Флоренсио Варéла и уругваец Андрес Ламáс) рассказывают, что у Пуэйрредона якобы произошел серьезный конфликт с Ривадавией, в ходе которого он заявил о своей отставке в случае, если не будут прекращены казни, однако последний, пригрозив объявить его предателем революции, убедил утверждать приговоры вместе с соправителями. В эту версию верится с трудом, поскольку к тому времени Пуэйрредон представлялся уже сформировавшейся личностью, неоднократно проявлял личное и гражданское мужество, пользовался авторитетом в креольских кругах, где имел поддержку, и вряд ли бы уступил принуждению. Скорее всего, он не мог иг-

норировать реальные факты и как один из триумвиров обладал всей полнотой информации относительно нависшей над республикой внешней опасности. В этих условиях проявлять милосердие к внутренним врагам было недопустимо, хотя в душе ему, видимо, претила вакханалия жестокости и мести со стороны радикального крыла «портеньос», которая могла перейти в личную неприязнь к Ривадавии.

Как бы там ни было, 11 июля Альсага был расстрелян по приговору, подписанному Чикланой, Пуэйрредоном и Ривадавией. Уже 24 числа в прокламации к жителям столицы правительство призвало остановить кровопролитие. По сложившемуся в историографии убеждению, этот призыв связывают с влиянием Пуэйрредона. Однако престиж триумвиров был подорван.

По их приказу Бельграно начал отступление к Кордобе, но не выполнил его до конца и вопреки полученным инструкциям одержал неожиданную победу при Тукумане, фактически без «войск, без оружия и даже без пороха»¹⁵.

На 6 октября правительство назначило созыв ассамблеи, однако предприняло все доступные меры (которые сейчас назвали бы административным ресурсом), чтобы избавиться от оппозиционно настроенных депутатов, в первую очередь из провинций. Все это усилило недовольство властью, которую обвинили в тирании, панических настроениях, капитулянтстве, узурпации полномочий, а также во всяческих ошибках и махинациях. Патриотическое общество под названием «Лауторианская ложа», созданная Сан-Мартинем и Альвеаром, обратилось к кабильдо с требованием проявить свои властные полномочия и сменить правительство. Конные гренадеры, выведенные Сан-Мартинем на площадь Виктории, а также другие части столичного гарнизона, поддержавшие собравшийся там народ, убедили членов городского собрания. Новыми триумвирами были назначены Хуан Хосе Пасо, Николас Родригес Пенья и Антонио Альварес Хонте. Ни Пуэйрредон, исполнявший в этом месяце президентские функции, ни другие члены первого триумvirата не оказали никакого сопротивления.

¹⁵ *Mitre B. Historia de Belgrano. Tomo II. P. 58.*

Ривадавия был арестован, а затем отправлен в ссылку. Пуэйрредон сам явился в кабильдо, заявив, что готов держать ответ за действия правительства, в которых участвовал. Сначала ему было предписано находиться в округе Мата́нсас вблизи столицы, но через несколько дней пришло указание отправиться в ссылку в Сан Луис в провинцию Куйо под надзор губернатора (без права покидать место проживания без разрешения новых властей), куда Хуан Мартин прибыл в сопровождении брата Хосе Сиприано и его сына (племянника) Мануэля Алехáндро в начале января 1813 г. Вскоре родственники купили асьенду «Ла Агуа́дита» и перевезли туда свои семьи. Вместе с ними проживал бывший триумвир, занимаясь делами семейного поместья.

В начале 1814 г. заместителем губернатора был назначен Ви́сенте Дюпу́й, майор Восточной армии и старый друг Пуэйрредона. 10 августа этого же года Верховный директор Херва́сио де Поса́дас (к тому времени обстоятельства потребовали замены второго триумvirата директорией во главе с единоличным правителем — Верховным директором, представлявшим уже не только кабильдо Буэнос-Айреса, а все территории Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы) утвердил Сан-Мартина губернатором Куйо, который по дороге в Мендосу посетил опального политика и имел с ним долгую беседу с глазу на глаз, оказавшую важнейшее влияние на дальнейшую историю всей Южной Америки.

Надо отметить, что Сан-Мартин, хотя и участвовал в смещении первого триумvirата, не испытывал к его членам личной вражды, даже ответив в тот момент на жалобу Пуэйрредона о грубых действиях одного из офицеров по отношению к членам семьи последнего. Так было и в этот раз. В середине ноября Пуэйрредон нанес Сан-Мартину ответный визит в Мендосу, где при его встрече были выстроены войска с оказанием подобающих почестей. В процессе общения возникла дружба между двумя выдающимися людьми: «Покорителем Анд» (Сан-Мари́ном) и «Победителем беспорядка» (Пуэйрредо́ном), как назовут их потомки.

В феврале 1815 г. ссылка Пуэйрредона закончилась, и он возвратился в Буэнос-Айрес, где связал себя узами Гименея с 14-летней Марией Кали́кстой Тельче́а и Кавье́дас, дочерью одного из участни-

ков происпанского заговора, приговор которому он подписал вместе с другими триумвирами. Такова непредсказуемость человеческих судеб! Родственники девушки дали согласие на брак. Кто мог обвинить Пуэйрредона? Он боролся за убеждения и выполнил свой долг правителя. Такие события были в порядке вещей, когда революционные катаклизмы потрясали устои традиционных обществ. Достаточно вспомнить, как Сарратеа подписал смертный приговор своему другу Линьерсу, а отец Ривадавии пал жертвой преследования испанцев со стороны креолов. Гражданские войны не признают родства.

В 1815 г. было объявлено о созыве в Тукумане Национального конгресса Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы. Одним из депутатов от Мендосы был избран Годой Крус, доверенное лицо Сан-Мартина, от Сан Луиса — дон Хуан Мартин де Пуэйрредон. Несмотря на то что соперники оспорили его избрание, Сан-Мартин без колебаний утвердил итоги волеизъявления выборщиков. В связи с недостатком у провинции финансовых ресурсов Пуэйрредон отправился к месту работы конгресса за собственный счет, отказавшись от всех причитавшихся ему выплат и жалованья. Как всегда, он был бескорыстен в служении своей стране. В январе 1816 г. депутат уже прибыл в Тукуман.

Внешнее и внутреннее положение республики оставалось тяжелым. Испанцы угрожали с Верхнего Перу (после победы при Сипе-Сипе) и с территории Чили (после победы под Ранкагуа). После возвращения на испанский трон короля Фернандо VII в Кадисе готовилась для отплытия в Америку 10-тысячная карательная экспедиция. Внутри Объединенных провинций распространялась анархия, расцветшая на базе провинциальных хунт, за отмену которых еще в 1811 г. дальновидно выступал Пуэйрредон. Прибрежные провинции Санта-Фе и Коррьентес практически не признавали власти в Буэнос-Айресе, поддерживая уругвайского вождя Артигаса. В глубинке обострились выступления под лозунгом «смерть портеньос». Аргентинский историк Лопес охарактеризовал данный период самым категоричным образом: «Конгресс в Тукумане получил почти труп страны»¹⁶.

¹⁶ López V. F. Historia Argentina. Tomo V. P. 373.

20 марта собрались необходимые для открытия конгресса $\frac{2}{3}$ депутатов, среди которых сразу образовались различные группировки. Основными задачами были объявлены три цели: выборы Верховного директора, провозглашение независимости и разработка, а также принятие конституции. Однако фракционность мешала слаженной работе. Объединения по интересам мешали свободному выражению мнений, нарушали принцип свободы слова, фактически сводя на нет суть парламентаризма — умение договариваться. Среди депутатов сложились три главных блока: сторонники централизма («портеньос»), провинциалы, выступавшие с позиций федерализма, и группа представителей Верхнего Перу («перулёрос»). На пост Верховного директора предлагались разные кандидатуры. В Верхнем Перу проявлял активность полковник Хосе Мольдес, в Сальте фаворитом был Мартин Гуэмес, в Кордобе — ее губернатор Хосе Дías. Звучали имена Бельграно, Рондо, Сан-Мартина, Гаскóна и Пуэйрредона. В результате сложных переговоров под нажимом депутатов из провинции Куйо и их сторонников, за которыми стоял Сан-Мартин, предпочтение в итоге было отдано Хуан Мартину де Пуэйрредону, которого практически единогласно избрали 5 мая (23 голосами из 25 присутствовавших, при том что сам Пуэйрредон голосовал за другого кандидата). Уже на следующий день депутаты уполномочили Верховного директора отправиться в Верхнее Перу, где возник конфликт между Гуэмесом и Рондо¹⁷, а также требовались безотлагательные меры с целью восстановления Северной армии, для чего ему разрешалось провести принудительный заем среди испанцев, проживавших в Тукумане.

Превращение бывшего ссыльного из Сан Луиса в верховного правителя республики (исполнявший обязанности Верховного директора Балькарсе подтвердил свое согласие уйти в отставку) на какое-то время восстановило единство страны, обеспечив недолгий период относительной стабильности. Это дало время Сан-Мартину, мобилизовав с помощью Пуэйрредона все имевшиеся ресурсы, подготовить Андскую армию для похода в Чили и последующей экспедиции в Перу.

¹⁷ López V. F. *Ibíd.* P. 374—375.

В начале правления Пуэйрредон оперативно урегулировал недопонимание, возникшее с генералом Рондо, который при поддержке некоторых офицеров высказывал претензии по поводу своего несостоявшегося директорства (после смещения Альвеара Рондо формально был назначен Верховным директором, которого по причине отсутствия в столице замещали Альварес Тóмас, а затем Балькарсе) и даже направил верные ему части в Сальту, угрожая Тукуману и давая понять, что не согласен с решениями конгресса. Однако губернатор Гуэмес, отогнав с пути следования армейских отрядов весь скот и лишив их таким образом, провианта, заставил войска ретироваться. В результате Рондо подчинился, конгресс в июле назначил ему на замену генерала Бельграно, который в августе принял командование Северной армией. Поддержавшие Рондо офицеры-заговорщики, в их числе полковники Френч и Пагóла, были отстранены от командования войсками. Первая проблема была решена, однако трудности только начинались.

Еще до начала работы Тукуманского конгресса в Буэнос-Айресе сложилась партия сторонников автономии, которые призывали горожан отказаться от столичного статуса и заявляли, что хотят быть просто одной из провинций со своим правительством, опасаясь, что преобладание провинциалов среди депутатов может закончиться навязыванием городу чуждого ему правителя. Они обвинили Пуэйрредона в нелояльности интересам «портеньос», которые, как считалось, могли под предводительством кабильдо и некоторых военных выступить против решений конституционного собрания в Тукумане. Под их давлением алькальд Буэнос-Айреса подписал петицию, призвав Балькарсе отозвать свое согласие с назначением Пуэйрредона Верховным директором. Балькарсе заколебался, и на консультациях с кабильдо и Наблюдательной хунтой было принято решение провести опрос среди горожан, но не в формате «открытого кабильдо» (с целью избежать привлечения низов), а через выборную ассамблею¹⁸. Однако 7 июля стало известно о планах португаль-

¹⁸ *Mitre B. Historia de Belgrano. Tomo II. P. 294.*

цев направить экспедицию на аргентинскую сторону Ла-Платы. Здравый разум возобладал перед лицом общей опасности, вместо Балькарсе была создана комиссия, в которую вошли члены каби́льдо Франсиско Антонио Эска́лада (тесть Сан-Мартина) и Мигель де Ириго́йен. Им поручалось осуществлять властные полномочия до прибытия Пуэ́йрредона. Назревавший гражданский конфликт рассосался сам собой. Тем не менее для снятия напряженности требовались решительные действия. Отвергнув из принципиальных соображений (сила не есть власть) призывы некоторых членов конгресса подавить анархию с помощью войск Северной армии, Пуэ́йрредон, опираясь на поддержку Сан-Мартина, добился провозглашения независимости Объединенных провинций (9 июля 1816 г.). Теперь патриоты могли заявить, что не являлись мятежниками, выступившими против законного короля, и опереться на волеизъявление представителей нации, что усиливало их позиции в отношениях с другими державами, включая вопросы закупки вооружения и заключения международных альянсов.

Большинство депутатов конгресса, в первую очередь «перулерос», были сторонниками продолжения борьбы с испанцами на традиционном направлении (через Верхнее Перу). Аналогичного мнения придерживался и Пуэ́йрредон, намереваясь срочно провести инспекцию частей Северной армии. Сан-Мартин, наоборот, уже давно утвердился во мнении о целесообразности другой схемы военной кампании: перейти Анды, освободить Чили и, используя ее ресурсы и территорию в качестве плацдарма, осуществить морскую экспедицию в Лиму — центр испанского господства. Становились необходимыми согласование и корректировка дальнейших планов. 15 июля 1816 г. Сан-Мартин и Пуэ́йрредон встретились в Кордобе. После двухдневных дискуссий Сан-Мартин сумел убедить собеседника. Пуэ́йрредон изменил свое мнение и полностью поддержал проект командующего Андской армией.

Эта встреча имела поистине историческое значение для судеб Америки! Без самоотверженной помощи и всесторонней под-

держки со стороны главы государства Объединенных провинций Сан-Мартин вряд ли смог осуществить свой гениальный замысел.

* * *

Пуэйрредон назначил министрами: финансов — Мануэля Облигадо, военных дел — Хуана Флоренсио Терраду и правительства — Висенте Лопеса, которым предстояло решать трудные задачи. Прежде всего было необходимо привести в порядок финансовую систему. Блокирование Буэнос-Айреса испанской эскадрой, удовлетворение неотложных военных нужд привели финансы в состояние полной неразберихи, когда очередные правительства выдавали векселя и брали займы под гарантии казны. Долговые обязательства сразу пускались властями в оборот со скидками в 40%, используя как для уплаты налогов, так и таможенных сборов, что лишало страну новых денежных поступлений и доходов. При Пуэйрредоне первый раз была заведена книга государственного казначейства, где регистрировалась кредитная задолженность государства. Также предусматривалось создание Национальной кассы фондов Южной Америки (1817) — предшественника центрального банка страны, хотя его основной задачей оставалось урегулирование прошлых долгов. Были приняты декрет о Монетном дворе (1819), Таможенный регламент. Упорядочение финансовой ситуации позволило Верховному директору довести до конца формирование Андской армии, отправить экспедицию под началом Хуана Рамона Балькарсе в южные районы страны для борьбы с индейцами, а также выделить дополнительные материальные ресурсы Северной армии и отрядам Гуэмеса, снизив тем самым налоговый гнет на провинции.

Пуэйрредон боролся с монополией владельцев соляных промыслов и крупных асьенд, вызвавших искусственный дефицит мясных продуктов. Он заставил их снизить спекулятивные цены, пойдя на жесткую конфронтацию и добившись закрытия некоторых из предприятий. В то же время принимались меры для стимулирования внешней торговли, в первую очередь экспорта зерна, поскольку английский премьер Дж. Каннинг, выступивший против инициативы Священного союза о восстановлении власти

короля Фернандо VII в Америке, добился снятия Испанией торговой блокады Буэнос-Айреса.

В области образования Верховный директор через своих министров инициировал открытие провинциальных школ, для детей «портеньос» был реформирован и вновь начал обучение престижный в прошлом колехио «Сан Карлос», который стал называться колехио «Южного союза». В Мендосе приступило к работе аналогичное образовательное учреждение «Святой троицы». Отменялись телесные наказания. Одну из стипендий в пользу неимущих учеников Пуэйрредон оплачивал из своего жалованья. Была основана Математическая академия для офицеров национальных вооруженных сил. В мае 1819 г. конгресс одобрил проект создания в столице Национального университета (открытия которого власти Буэнос-Айреса добивались более 40 лет).

В связи с угрозой направления из Кадиса испанской карательной экспедиции принимается закон о вспомогательных вооруженных формированиях, практически заложивший основу всеобщей воинской повинности граждан. Для противодействия врагу на море вводится система корсарских патентов.

И наконец, начинается борьба за переезд Национального конгресса из Тукумана в Буэнос-Айрес, с тем чтобы консолидировать исполнительную и законодательную ветви власти, а также ослабить влияние столичного кабиљдо на провинции, сгладить уже укоренившиеся противоречия между ними и столицей. В 1817 г. принимается Временный конституционный регламент.

В этот период между португальцами и испанцами вновь обострилось соперничество за влияние в дельте реки Ла-Платы. Появились слухи о планах вторжения 10-тысячного португальского корпуса в Уругвай. При этом местный каудильо Артигас отказался сотрудничать с Тукуманским конгрессом, вместо которого созвал конституционное собрание Восточной провинции в местечке Пайсанду́.

Пуэйрредон признал за Артигасом звание капитан-генерала, направив ему в качестве жеста доброй воли сто кинталей¹⁹ пороха

¹⁹ Кинталь равен приблизительно 46 кг.

и 300 седел, которые тот принял, но отказался поддерживать контакты с Буэнос-Айресом до урегулирования ситуации в прибрежных провинциях, формально находившихся под юрисдикцией республики. Со своей стороны, португальцы обвинили центральное правительство в бездействии и содействии набегам Артигаса на их пограничные районы, решив положить этому конец с помощью военной силы.

Перед Верховным директором встала дилемма: возвращать из Чили Андскую армию Сан-Мартина для борьбы с португальцами, что ставило крест на экспедиции в Перу (и скорейшем освобождении континента от власти испанцев), или вести дипломатическую борьбу с Рио-де-Жанейро, но без оказания Артигасу реальной помощи до тех пор, пока уругвайский каудильо не согласится подчиняться властям в Буэнос-Айресе и не откажется от сепаратистской деятельности, а также подстрекательства к неповиновению в прибрежных провинциях, где его поддерживали местные каудильос (Рамирес в Энтре-Риос; Вера, которого сменил Лопес, в Санта-Фе; Диас, а затем Бульнес в Кордобе).

Пуэйрредону удалось успешно осуществить второй вариант (защитить интересы нации от ее собственного народа), несмотря на противодействие со стороны конгресса и общественного мнения, требовавших решительных действий с целью отстаивания национального суверенитета. Сыграли свою роль такие качества, как выдержка, осмотрительность, умение объективно оценивать ситуацию, ждать момента и добиваться поставленных целей. Верховный директор отверг инициативу некоторых членов конгресса направить посольство в Рио для ведения переговоров о передаче Объединенных провинций под протекцию португальского двора. В то же время он направил ноту вторгшемуся в Уругвай португальскому генералу Лекóру, обвинив его в нарушении перемирия 1812 г. и потребовав вывести войска. Это был ультиматум, но без обязанности объявлять войну в случае его неприятия. С одной стороны, у республики не хватало сил ввязываться в вооруженное противостояние, с другой — для правительства представлялось смертельно опасным демонстрировать слабость. Задача была не из легких — надо было укреплять внутренний порядок, избе-

гать войны с Португалией, поддерживая при этом уругвайцев, отказывавшихся подчиняться и провоцировавших враждебные действия со стороны Бразилии.

Масла в огонь подлил Артигас, который закрыл уругвайские порты для аргентинских судов, конфисковав транзитные грузы, а также обвинил Пуэйрредона в собственных поражениях от португальцев, назвав его предателем, хотя ставленник Артигаса в Монтевидео Баррэйро направил в Буэнос-Айрес делегацию с целью заключения пакта о взаимопомощи. Пуэйрредон отказался вести переговоры до полного признания суверенитета центрального правительства над Восточной провинцией, поскольку не имел права использовать ресурсы государства для содействия Артигасу, который настаивал на ее отделении и объявил себя врагом Объединенных провинций, не приняв проект согласованного документа. В результате Лекор отверг ультиматум, ссылаясь на провозглашенную Артигасом независимость Уругвая. Португальцы заняли Монтевидео, используя в качестве предлога действия уругвайского каудильо, опустошившего накануне порочную бразильскую территорию Рио Гранде.

В данных условиях наибольшую внешнюю опасность, как об этом предупреждал аргентинский посланник в Рио-де-Жанейро Хосе Мануэль Гарсия, представляла возможность заключения соглашения между португальцами и испанцами с целью совместных действий против республики. Аргентинский представитель сумел через испанского посла инспирировать запрос Мадрида к португальскому двору с целью объяснить мотивы уругвайской экспедиции и даже добился направления соответствующего протеста, что положило конец планам объединения сил двух монархий и отвело непосредственную угрозу от Буэнос-Айреса.

Это дало возможность Пуэйрредону обеспечить освободительный поход Сан-Мартина в Чили. После победы аргентино-чилийских войск при Чакабүко у Верховного директора появились рычаги для давления на португальцев в Восточной провинции.

Внутри страны ситуация также была не из легких. Начиная с 1815 г. события постоянно развивались в направлении дезинте-

грации и хаоса. Для большинства населения завоеванная свобода означала право на беспорядки, неподчинение любой власти и неуважение к законам.

Признаки раскола наметились уже в Северной армии, когда ее офицеры отказались принять назначение Альвеара в качестве ее главнокомандующего, а затем поддержали Рондо против конгресса. После избрания Пуэйрредона Верховным директором полковник Мольдес приступил к организации оппозиции конгрессу в ряде провинций. В апреле 1816 г. в Ла Ри́охе под руководством его сторонников произошел вооруженный мятеж, который был поддержан губернатором Кордобы Хосе Хавьером Диасом. Первый раз в истории страны национальные войска по указанию властей подавили внутренние беспорядки, но их зачинщики укрылись в Кордобе. Пуэйрредон издал указ о смещении Диаса, однако губернатор отказался подчиниться правительству, направив, в свою очередь, подкрепления в Санта-Фе для поддержки местных сепаратистов.

Бельграно получил приказ выдвинуть армию из северных районов к Санта-Фе, откуда уже отступили правительственные части под командованием Диаса Велеса. В это время майор С́айос во главе небольшого отряда восстановил порядок в Кордобе, губернатором которой стал Амвросио Ф́уненс. Но ненадолго. В январе 1817 г. в Кордобе восстало милицейское ополчение под руководством Б́ульнеса, что вызвало цепную реакцию в Сантьяго дель Э́стеро, где недовольных возглавил полковник Франсиско Б́орхес. Однако Бульнеса арестовали сами горожане, а Борхеса разбили войска, направленные Бельграно.

Тем не менее Санта-Фе заявила о своей автономии, которую ранее признал директор Балькарсе и поддержал уругваец Артигас. Несмотря на приказ Пуэйрредона оставить провинцию, Диас Велес в июле 1816 г. предпринял наступление на город, позволив солдатам мародерствовать и совершать другие эксцессы по отношению к населению, что, естественно, вызвало возмущение и сопротивление. Пуэйрредон пытался наладить контакт с властями Санта-Фе, но было уже поздно. Губернатор Вера с подачи Артигаса выступил против центрального правительства. Эту же линию

продолжил сменивший его каудильо Эстанислао Лопес. Не удалось привлечь на сторону директората и правящие круги в провинциях Энтре-Риос и Коррьентес.

Уставший от внутренней анархии Пуэйрредон направил войска под командованием Хуана Рамона Балькарсе против Лопеса, однако подчинить мятежного каудильо, получавшего помощь из соседних провинций и Уругвая, не удалось. Балькарсе отошел к Росарио, а затем к Сан-Николасу, запросив подкреплений. Пуэйрредон приказал Бельграно начать наступление с севера. Одновременно Балькарсе заменили на генерала Виамонте, с которым Лопес поспешил заключить перемирие 5 апреля 1819 г. Его условиями были: вывод федеральных войск из Санте-Фе и Энтре-Риоса и направление в столицу депутатов для ведения переговоров о мире между Объединенными провинциями и их частью — прибрежными регионами.

Война в Санта-Фе была проиграна, но это дало шанс Андской армии закрепиться в Чили и подготовиться к походу в Перу.

Бездействие, хотя и вынужденное, по отношению к португальскому вторжению в Восточную провинцию, неудачи на внутреннем фронте, обострившиеся финансовые проблемы (когда бумажные деньги стоили едва ли треть номинала и не принимались властями даже в качестве уплаты налогов) вынудили Пуэйрредона с целью обеспечить нужды Андской армии ввести новые поборы и прибегнуть к принудительным займам. Эти меры вызвали недовольство и сопротивление в революционных кругах Буэнос-Айреса. Среди оппозиционеров фигурировали «старые знакомые» — генералы Доминго Френч и Эстанислао Солер, полковник Мануэль Дорrego, а также бывшие правители Чиклана и Морено. В чрезвычайно трудных условиях Пуэйрредон пошел на экстренные меры, взяв на себя всю полноту ответственности. Солер получил предложение о направлении начальником штаба в Андскую армию, Дорrego был выслан, антиправительственный заговор обезглавлен, его руководители — Чиклана, Морено, Френч, Пагола и другие — отправились в изгнание в США. Уже из Балтимора они опубликовали антиправительственный манифест, в ответ на который Верховный директор, обратившись

к гражданам, четко изложил свою позицию: «...Еще одна революция приведет общество в состояние варварства, я решительно настроен не допустить этого или не быть свидетелем того ужаса, который она породит...»

Четко и объективно оценив положение дел, а также проявив твердость и выдержку как во внешней, так и во внутренней политике, Пуэйрредон практически спас республику Объединенных провинций. Одновременно был обеспечен поход Сан-Мартина в Чили и Перу, принесший независимость этим странам.

Создать практически из ничего на удаленных западных рубежах военную группировку в 5 тысяч штыков, обучить и вооружить личный состав, подготовить его к переходу одних из самых высоких в мире горных массивов и к победоносным сражениям с закаленными в боях с наполеоновской армией испанскими войсками было сложнейшей задачей. Она была решена организационным и военным гением Сан-Мартина при постоянной и решающей моральной и материальной поддержке Верховного директора Пуэйрредона, сумевшего мобилизовать скудные ресурсы страны в тяжелейших условиях враждебного внешнего окружения и не прекращавшейся внутренней анархии. Это происходило ценой огромных жертв со стороны нации, которые Верховный директор сознательно допускал и даже навязывал несогласным убеждением или силой. Все запросы и просьбы Сан-Мартина удовлетворялись в первоочередном порядке. В Мендосу, административный центр провинции Куйо, бесперебойным потоком направлялись пополнения, оружие, деньги и продовольствие. В свою очередь, Сан-Мартин, руководствуясь интересами дела, выступил посредником в снятии противоречий между правительством в Буэнос-Айресе и каудильос прибрежных провинций (Лопесом), хотя этот шаг и вызвал нарекания со стороны Пуэйрредона, расценившего его как вмешательство в свои полномочия. Сан-Мартин также с негодованием отверг предложение губернатора Кордобы выступить против властей в столице.

Единство взглядов и сплоченность действий двух выдающихся людей, их взаимные помощь и понимание сделали возможным

осуществление исторической миссии — окончательного завоевания независимости Объединенными провинциями Рио-де-ла-Платы и сопредельными с ними Чили и Перу.

Пуэйрредону принадлежала решающая роль в формулировании политических задач освободительной войны. Именно им были разработаны инструкции главнокомандующему аргентино-чилийских войск: укрепление независимости Америки и Объединенных провинций является единственной движущей силой военной кампании, писал он Сан-Мартину, которому поручалось не навязывать, а способствовать созданию в Чили дружественного правительства, заключению военно-политического альянса против испанцев и подготовке экспедиции в Перу с целью скорейшего завершения военных действий.

Верховный директор понимал, что в случае неудачи политическая ответственность ляжет на него как на руководителя государства. Риск был велик. Чтобы послать войска сражаться за пределами национальных границ, которым угрожали португальцы в Восточной провинции, испанцы в Верхнем Перу, карательная экспедиция из Кадиса и мятежные каудильос во главе с Артигасом на берегах Ла-Платы, были нужны как минимум прозорливость, убежденность, мужество и сильная воля. Эти качества Пуэйрредон проявил сполна. После победы при Чакабуко (12 февраля 1817 г.) Сан-Мартин вновь обратился к своему другу и соратнику, видя в нем гаранта осуществления задуманных планов. Проблема лежала в другой плоскости — силы и материальные возможности республики были на исходе.

На первый план подготовки перуанского похода выходила необходимость создания способного завоевать господство на Тихоокеанском театре будущих военных действий флота и его сосредоточения в Чили, для которой, как писал Б. Митре, «море являлось почти что продолжением ее собственной территории»²⁰.

Этот вопрос Сан-Мартин обсуждал с Верховным директором, военным министром Матиасом Иригойеном и министром фи-

²⁰ Reta J. C. Raffo de la. Historia de Juan Martín de Pueyrredón. P. 363.

нансов Гаскóном с помощью Мануэля де Агíрре, получившего на этот счет полномочия чилийского правительства²¹.

Достигнутые договоренности включали ассигнования в 200 тысяч песо и возможность займов в США от имени чилийских властей (до 300 тысяч песо) для приобретения двух фрегатов и соответствующего вооружения, поскольку американцы соглашались продать суда якобы для коммерческого мореплавания. Все это означало дополнительное бремя для Объединенных провинций, что вызывало сопротивление измученного поборами населения, фактически профинансировавшего создание и поход Андской армии в Чили. Однако Пуэйрредона не зря называли «победителем невозможного».

В августе 1818 г. в Буэнос-Айрес прибыл первый корабль, приобретенный в США, а затем еще один, пришедший из Кюросао. В это же время в порту появился фрегат «Тринидад» из испанского морского конвоя, моряки которого перешли на сторону республики. Раскрытые ими пункты сбора и система сигналов позволили Блáнко Эскалáда во главе аргентино-чилийской эскадры захватить транспорт «Мария Исабель» и сопровождавшие его четыре вспомогательных судна.

Еще раньше, в феврале 1817 г., чилиец Хосе Мигель Каррера привел в Буэнос-Айрес также купленные им в кредит в Америке корвет «Чíффтон» и бригантину «Савáж», которые он намеревался использовать для экспедиции в Чили с целью отстранения от власти своего соперника О'Хиггинса, поддерживаемого Сан-Мартинoм. Пуэйрредон, естественно, не мог допустить такого развития событий, предложив Каррере продать корабли. Однако тот отказался и предпринял попытку самовольно выйти из порта, за что был арестован, но сумел бежать в Монтевидео. С тех пор целью его жизни стала борьба против О'Хиггинса, Сан-Мартина и Пуэйрредона²². Попытка организовать заговор против аргентинских властей провалилась, заговорщики во главе с французским авантюристом Шарлем Робéром, действовавшим по поручению

²¹ *López V. F. Historia Argentina. Tomo VII. P. 273.*

²² *Mitre B. Historia de San Martín. Tomo II. P. 314 y 315.*

чилийца, были казнены 3 апреля 1819 г. согласно приказу Пуэйрредона. Корабли в итоге стали собственностью аргентинского правительства, выплатившего за Карреру задолженность американцам. В конце концов финансовые и политические проблемы остались позади, стали вырисовываться контуры будущей экспедиционной флотилии.

Однако Андская армия испытывала в Чили хроническую нехватку снабжения и денежных средств. Обещанные Пуэйрредоном Сан-Мартину на перуанскую экспедицию 500 тысяч песо собрать не удалось, и Верховный директор разрешил главнокомандующему в качестве крайней меры самому подписывать векселя под обязательства оплаты аргентинским правительством. Чили, воевавшая на юге у Талькауано с остававшимися там испанскими гарнизонами, также была разорена и находилась на грани финансового кризиса. Таким образом, основные расходы по подготовке экспедиции в Перу легли на Объединенные провинции, что, в конечном счете, явилось одной из причин падения правительства Пуэйрредона.

В отличие от крайнего напряжения национальных финансов во внешнеполитическом плане к его заслугам можно отнести несколько вещей. Прежде всего это укрепление созданного еще в 1810 г. аргентино-чилийского альянса. После Чакабуко и избрания О'Хиггинса Верховным директором Чили состоялось взаимное признание двух государств, произошел обмен послами: в Сантьяго был направлен полковник Томас Гидо, в Буэнос-Айрес — Мигель Саньярту. Именно этот союз сделал возможной перуанскую экспедицию Сан-Мартина. Надеясь установить взаимопонимание с Европой и побудить ее признать независимость двух бывших испанских колоний, чилийцы поддержали усилия аргентинского правительства по поиску монархических вариантов. Верховный директор Бернардо О'Хиггинс направил в Старый Свет посланника Иррисаре с указанием координировать свои действия «перед монархами Европы» с аргентинским представителем Хосе Валентином Гомесом, заменившим на этом посту Ривадавию, который получил новое назначение в Лондон.

О ловкой дипломатической комбинации аргентинского посланника в Рио, сумевшего помешать объединению усилий испанского и португальского дворов для ведения совместных действий в Ла-Плате, и частичной нейтрализации мирными средствами планов уругвайского каудильо Артигаса говорилось выше. Агенты Пуэйрредона в Кадисе способствовали восстанию Риёго, что перечеркнуло надежды испанской короны послать в Америку 20-тысячный карательный корпус.

Пуэйрредон неоднократно обращался к президенту США Дж. Мэдисону, а затем к сменившему его Монро с просьбами о займе. Начиная с марта 1817 г. переговоры на эту тему вел назначенный аргентинским посланником Агирре, сформулировавший в своих памятных записках (согласно полученным указаниям Верховного директора) идею панамериканской общности и фактически предвосхитивший последующую доктрину Монро. И хотя кредит так и не был оформлен (США в то время вели переговоры с Испанией об уступке Флориды), в 1818 г. Буэнос-Айрес посетила специальная президентская комиссия, изучившая обстановку в Объединенных провинциях и подготовившая рекомендации американскому правительству о целесообразности укрепления отношений с новым независимым государством.

* * *

Время, наполненное громадными испытаниями и трудностями (в 1819 г. исполнилось уже три года нахождения Пуэйрредона в должности Верховного директора), заставило «победителя невозможного» задуматься о сложении полномочий.

25 февраля 1819 г., открывая новую сессию конгресса, Пуэйрредон призвал депутатов удвоить усилия с целью скорейшего принятия конституции, так необходимой стране для укрепления внутреннего порядка и стабильности.

20 апреля основной закон был принят, а 24 числа Верховный директор обратился к народным избранникам с просьбой освободить его от исполнения обязанностей главы государства. Он мотивировал отставку проблемами со здоровьем. Только 9 июня конгресс согласился удовлетворить прошение. Сразу после это-

го резко активизировались враги ушедшего из власти правителя во главе с Сарратеа. Клевета и оскорбления заставили его просить конгресс создать специальную комиссию для ревизии правильности совершенных им действий, что законодатели сочли нецелесообразным. Пуэйрредон принял решение уехать из страны, надеясь, что данное намерение принесет спокойствие во внутриполитическую жизнь. Этот шаг получил одобрение в конгрессе, и 1 февраля 1820 г. Пуэйрредон покинул Буэнос-Айрес (его примеру через четыре года последовал Сан-Мартин). Спустя восемь дней после отъезда бывшего Верховного директора национальный законодательный орган был распущен под давлением каудильос Рамиреса и Лопеса, выступивших против унитарной конституции и требовавших федерализации страны.

Пуэйрредон укрылся в Монтевидео, который находился под властью португальцев, где провел чуть больше года, пока новый глава правительства провинции Буэнос-Айрес Мартин Родригес не призвал его вернуться. Преодолев препятствия со стороны португальских властей, Пуэйрредон прибыл в Буэнос-Айрес 19 апреля 1821 г., удалившись в свое имение и занявшись частной жизнью.

За годы революции его состояние значительно уменьшилось и составляло всего 80 тысяч песо, что приносило незначительный доход. Положение усложнялось тем, что правительство Ривадавии в 1826 г. обвинило его в неуплате налогов. И хотя суд снял все претензии, Пуэйрредон спустя некоторое время уехал в Европу, где уже на протяжении долгого времени проживал Сан-Мартин, также принявший решение жить вдали от родины, чтобы не быть втянутым во внутренние политические распри. Есть свидетельства, что они поддерживали отношения и даже совершили совместную поездку в Италию, несмотря на то что некоторые историки пытались доказать связь ухода Пуэйрредона с поста Верховного директора с отказом Сан-Мартина вернуть Андскую армию в Аргентину для борьбы с мятежными каудильос.

В 1849 г. Пуэйрредон вернулся в Буэнос-Айрес в период диктатуры Мануэля Рóсаса. Он умер 13 марта 1850 г. на своей вилле в Сан Исидро (на пять месяцев и четыре дня раньше Сан-Мартина).

Так пересеклись судьбы двух выдающихся личностей эпохи освобождения Латинской Америки от испанского колониального господства. Сумев договориться на встрече в Кордобе и принять правильное решение, они выполнили свою миссию, заключающуюся в обеспечении независимости Объединенных провинций и основании свободного креольского государства на берегах Ла-Платы. Их разум и воля Провидения определили развитие событий, история состоялась так, как она состоялась! Заслугой Пуэйрредона в указанном тандеме стала организация нации, принеся, пусть и не на долгий срок, необходимый для ее сохранения порядок, давший возможность консолидировать силы и ресурсы, используя которые, Сан-Мартин смог разгромить испанцев в Чили и совершить экспедицию в Перу.

КА́РЛОС МАРИ́Я ДЕ АЛЬВЕА́Р

Генерал, политик, дипломат

(25.10.1789–2.11.1852)

Мечтой Альвеара были военная слава и диктатура²³.

Б. Митре

Жить стоит только ради чести и родины.

*Из обращения
Альвеара к солдатам*

Ка́рлос Анто́нио Хосе Га́бино де Альвеа́р родился 25 октября 1789 г. в одной из бывших иезуитских миссий — «редукций» Сан-А́нхель де Гуа́рдия, находившейся на берегах реки Уругвай по соседству с португальскими владениями в Новом Свете. Его отец — дон Ди́его де Альвеар и По́нсе де Лео́н,

выходец из испанской провинции Андалу́сия, служивший бригадиром (контр-адмиралом) испанского королевского флота, к тому времени уже почти семь лет возглавлял одну из комиссий, зани-

²³ *Mitre B. Historia de San Martin. Ed. Peuser. P. 116.*

мавшихся демаркацией американских границ Испании и Португалии согласно договору 1777 г.

В 1782 г. дон Диего заключил брак с проживавшей в Буэнос-Айресе Марией Хосефой Бальбáстро и Дáвила, дочерью богатого коммерсанта. У них родились восемь детей, четвертым из которых (и единственным выжившим) оказался Карлос.

В 1801 г. семья обосновалась в Монтевидео, там дон Диего завершил подготовку пятитомного доклада о разграничительных линиях между двумя империями в Южной Америке. В 13 лет Карлос был зачислен кадетом в пехотный, а затем переведен в драгунский полк Буэнос-Айреса, где нес службу до июля 1804 г., когда отец был переведен в Испанию.

9 августа они поднялись на борт одного из судов — фрегата «Мерседес», входившего в состав прибывшего из Перу конвоя, перевозившего золото для королевской казны.

Во время плавания дон Диего (имевший второй по старшинству чин в экспедиции) в связи с болезнью командующего был вынужден перебраться на флагманский корабль «Медея». При этом мать попросила его взять с собой непоседливого Карлоса, чтобы немного отдохнуть и заняться находившимися на ее попечении другими детьми.

Испания тогда соблюдала нейтралитет в войне между Францией и Англией. Несмотря на это, когда 5 октября караван уже приближался к испанскому побережью, он был без предупреждения атакован английскими судами у мыса Санта Мария недалеко от Кадиса. Завязалось морское сражение, в ходе которого судно «Мерседес» взорвалось и затонуло, унеся с собой жизни матери, братьев и сестер. Этот вероломный пиратский акт стал одной из причин объявления Испанией новой войны Великобритании. Добычей англичан помимо 5 млн песо золотом и серебром стали и средства семьи Альвеаров в размере 12 тысяч английских фунтов.

Дон Диего и Карлос были доставлены в Портсмут в качестве пленных, хотя и пользовались, согласно своему статусу, привилегированным положением и даже симпатиями высшего общества. Тронутый семейной трагедией испанцев, английский король Георг III вернул им фамильные накопления, что позволило Карлосу продолжить там военное образование, а затем разрешил вернуться

на родину. В начале 1805 г. им удалось добраться до родового поместья Монтільи близ Кордобы. К тому времени проживавшие там родители дона Диего умерли, и некоторое время спустя, когда ему было 56 лет, он заключил второй брак с англичанкой Луизой Уорд, от которой имел потом девятерых детей.

Психологическими последствиями указанных событий стали охлаждение отношений Карлоса с доном Диего (в качестве второго имени он позже возьмет имя погибшей матери) и оставшаяся на всю жизнь парадоксальная идеализация Англии, несмотря на пережитую по ее вине тяжелую потерю.

В 1807 г. отец через посредство регента Мануэля Годоя представил Карлоса королю. С учетом чистоты дворянской родословной через несколько дней восемнадцатилетнему креольскому юноше было присвоено звание младшего поручика (альфёреса) Корпуса королевских карабинеров — элитного подразделения, занимавшегося охраной королевской семьи. Его командир герцог Альбукерский был давним другом дона Диего. Возмужание и становление характера проходило в армейской среде по кодексу поведения, закрепленному в военном уставе того времени («ордена́нсах» короля Карлоса III) и гласившему, что «доблесть, быстрота подчинения и точность исполнения приказов являются истинным духом службы».

В андалузском городке Херёс де ла Фронте́ра он познакомился с шестнадцатилетней Ка́рмен Са́енс де Кинта́нильей, дочерью казначея из Бургоса, которая в июле 1809 г. стала его женой.

Альвеар участвовал в ряде сражений с французами, в частности под Талаверой, Йебенес, Сьюдад Реаль и Виторией, пока в 1811 г. в возрасте 20 лет не оказался в Кадисе (дон Диего исполнял обязанности губернатора о. Леон), где вступил в ложу «Разумных дворян» — кадисского филиала общества «Большая встреча американцев», основанного Франсиско Мирандой с целью добиться освобождения испанской Америки. Симпатии Карлоса были на стороне либералов, провозгласивших формальное равенство между жителями колоний и метрополии. На собраниях секретного общества среди дискуссий с другими «американцами» — Сан-Мартинотом, Сапиблой, Мольдесом, Каррерой — крепили патриотические настроения Карлоса.

В 1811 г. он, оставив военную службу и отказавшись от первенства в праве наследования — «майорáсго», в сопровождении жены и Сапиолы перебрался в Лондон, где встречался с Мирандой. Туда же несколько позже прибыли Сан-Мартин и барон Холмберг. 19 января 1812 г. группа патриотов покинула Англию на борту фрегата «Дж. Каннинг», взявшего курс на Ла-Плату. Финансировал путешествие Альвеар, незадолго до этого получивший свою долю в наследстве родителя. Начинался новый этап его жизни и карьеры.

В отличие от спокойного, сдержанного Сан-Мартина, склонного к самопожертвованию и поставившего на первый план общие для креолов идеи национального освобождения, Альвеар, аристократ по рождению, обладал амбициозным, нетерпеливым характером, будучи одержимым к тому же стремлением к власти и личной славе. Если первый полагался на выверенный и продуманный расчет, то второй руководствовался, особенно на первом этапе жизненного пути, амбициями, порывистостью и вдохновением. Сан-Мартину было 34 года, Альвеару едва исполнилось 23 года. Оба были пассионарными натурами, обладали военным талантом, храбростью и бескорыстием.

На момент их прибытия в Буэнос-Айрес там правил первый триумвират, Бельграно был назначен командующим Северной армией, а Сарратеа готовился к кампании на Восточном берегу (в Уругвае). Власти поручили подполковнику Сан-Мартину и Альвеару, получившему звание сержант-майора (майора), создание боеспособной воинской части по новому образцу — полка конных гренадер. Альвеар, материальное положение которого благодаря поддержке родственников по линии матери было достаточно благоприятное, отказался от офицерского жалованья в пользу государства. После поражения Бельграно при Вилькапухио и Айоуме (1 октября и 14 ноября соответственно) его назначили командующим вспомогательной экспедицией, однако решение об ее отправке в Верхнее Перу было отменено после победы патриотов под Тукуманом.

Альвеар становится главой столичной партии, ориентирующейся на либеральные идеалы Мариано Морено, и совместно с Сан-Мartiном основывает (по примеру кадисского) секретное общество — ложу «Лáутаро», ставшую в оппозицию первому три-

умвирату, который 8 октября горожане при поддержке военных отстранили от власти. Прежняя ассамблея была распущена, и созвана новая учредительная из представителей не только города-порта, но и других провинций. Сан-Мартин, всецело занятый военными делами, отдал политические вопросы в руки своего честолюбивого товарища.

Альвеар получил освобождение (лицензию) от службы и был избран депутатом ассамблеи от его родной провинции Коррьентес. При поддержке представителей Лауторианской ложи (23 депутата и все три члена второго триумvirата) он становится первым председателем нового законодательного органа. Под его руководством учредительное собрание формально разорвало связи с испанским монархом (хотя и не смогло провозгласить независимость, не говоря уже о принятии конституции), отменило рабство (для детей рабов) и принудительные формы труда индейцев (миту и янаконат), запретило деятельность инквизиции, упразднило титулы знати, утвердило государственный гимн и герб Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы.

Выполнив большую часть программных установок лауторианцев, 4 июня 1813 г. Альвеар подал прошение об отставке, мотивируя его тем, что при сложившихся обстоятельствах (поражения в Верхнем Перу, усиление испанского контингента в Монтевидео) принесет больше пользы как солдат, а не политик. Вернувшись в гренадерский полк и получив по представлению Сан-Мартина звание подполковника, он был назначен командиром 2-го кавалерийского полка, а в декабре 1813 г. в чине полковника принял командование столичным гарнизоном. Деятельность Альвеара сосредоточилась на подготовке войск к овладению крепостью Монтевидео на Восточном берегу, откуда испанцы постоянно угрожали Буэнос-Айресу. При этом часть провинции Уругвай была захвачена португальцами из Бразилии.

В январе следующего года ассамблея приняла давно назревшее решение о консолидации правительства: вместо триумвиров единоличным главой исполнительной власти был избран дядя Альвеара — Хервасио Антонио Посадас, ставший Верховным директором.

* * *

Начиная с 1811 г. армия «портеньос» под командованием Сарратеа и отряды уругвайского каудильо Хосе Артигаса вели с переменным успехом позиционные бои, осаждая Монтевидео. Среди офицеров выделялись такие фигуры, как Рондо, Солер, Френч, де ла Крус, Иригойен. Однако среди патриотов отсутствовало единство. Вследствие внутренних интриг Сарратеа (еще до переворота 8 октября в Буэнос-Айресе) подал в отставку, его заменил полковник Рондо, у которого возник острый конфликт с Артигасом, объявившим себя главнокомандующим силами Восточной провинции. В результате последний покинул позиции осаждавших, уведя с собой уругвайские части. Между ними и аргентинцами начались вооруженные столкновения. Рондо запросил подкреплений, не исключая в противном случае снятия осады, так как Артигас грозил захватить Колониа де Сакраменто и перерезать коммуникации с Буэнос-Айресом. В этих условиях 7 мая 1814 г. правительство постановило назначить Альвеара командующим вооруженными силами на Восточном берегу. Рондо, получившего чин бригадира, перевели в Северную армию на замену Сан-Мартина, отказавшегося к тому моменту от командования под предлогом болезни.

Альвеар понимал, что взятие хорошо защищенной крепости невозможно, если не лишить осажденных поддержки с моря, где господствовал испанский флот. Еще находясь в Буэнос-Айресе, с помощью Посадаса и министра финансов Ларрреа он начал работу по реализации своей идеи — созданию военной эскадры, в состав которой в итоге вошли фрегат «Геркулес», корвет «Зефир», бригантина, две шхуны, одномачтовая яхта и фелюга. По предложению Альвеара ее возглавил ирландский моряк Гильермо Браун. Из-за недостатка матросов на борт были посажены солдаты линейных батальонов. Характерно, что Сан-Мартин выступил против указанных начинаний, полагая, что инициатива Альвеара лишала Северную, а затем и Андскую армии людских и материальных ресурсов. Однако, выиграв морской бой у о. Мартин Гарсия и у Монтевидео (10 марта и 17 апреля 1814 г.), патриоты обеспечили себе преимущество в водах Ла-

Платы, установив полную блокаду крепости, падение которой стало лишь делом времени, после чего, как полагали в столице, можно будет сосредоточиться на подготовке наступления на позиции роялистов в Верхнем Перу.

Указанное событие обусловило последующий триумф Альвеара, который, преодолев сопротивление поддерживавших Артигаса каудильос (Отаргеса и Риверы) и восстановив дисциплину среди частей «портеньос», уже находился под стенами Монтевидео. Подошли подкрепления: два пехотных батальона, один эскадрон конных гренадер и четыре полевых орудия. После сложных и длительных переговоров с участием английского посланника в Рио лорда Стрэнгфорда испанский губернатор генерал Вигодёт, столкнувшийся с попытками мятежа внутри крепости (в частности, со стороны капитана Хуана Суфриатэги, приятеля Альвеара по Испании) и недостатком продовольствия, капитулировал, сдав крепость Эль Серро.

23 июня армия «портеньос» вошла в город. Трофеями стали восемь испанских знамен, большое количество оружия и снаряжения, так необходимого войскам патриотов.

Через неделю Альвеар прибыл в Буэнос-Айрес, где его встречали артиллерийским салютом. Взятие Монтевидео явилось одной из значимых военно-политических побед Майской революции. Фактически был ликвидирован последний испанский оплот на берегу Атлантики, с которым могли соединиться силы роялистов из Перу и Чили, угрожая независимости Рио-де-ла-Платы. На чрезвычайном заседании ассамблеи принимается постановление о присвоении ему звания бригадира и титула «победителя под Монтевидео и миротворца Восточной провинции, заслуженного героя родины».

Общую картину портила только ситуация с Артигасом, который фактически завладел прибрежными провинциями Энтре-Риос и Мисьонес, сосредоточив там значительные силы в 5 тысяч штыков, нависая над Буэнос-Айресом и грозя перерезать подвоз продовольствия в столицу. В начале июля делегаты Артигаса прибыли к Альвеару, предложив заключить договор о примирении. Альвеар согласился, но с условием, что Артигас эвакуирует про-

винцию Энтре-Риос и направит депутатов Восточной провинции в конституционную ассамблею. Несмотря на достигнутое соглашение, военные действия между сторонами вскоре возобновились. Альвеара снова отправился на Восточный берег. По его приказу части под командованием Мануэля Доррего разбили отряды уругвайских повстанцев, во главе которых находился Оторгес. После поражения тот укрылся в Бразилии.

13 октября Альвеар получил указание вернуться в столицу, на посту командующего в Уругвае его заменил полковник Родригес Пенья.

Верховный директор назначил племянника главой Вспомогательной (Северной) армии в Верхнем Перу с целью оказывать содействие восставшим там патриотам под руководством Арена́леса, Кáрденаса, некоторых местных каудильос и индейских вождей — «ка́си́ков».

Уже находясь в Кордобе, Альвеар узнал, что офицеры Северной армии (Мартин Родригес, Фóрест, Альварáдо и др.) отказали ему в доверии, поддержав действовавшего главнокомандующего Рондо. Первый раз в истории Аргентины армия решилась, пусть и по персональным мотивам, выступить против гражданских властей. Возникшая в связи с неподчинением анархия вскоре привела к поражению войск «портеньос» при Сипе-Сипе, что поставило крест на планах Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы закрепиться в Верхнем Перу.

Непосредственным следствием указанных событий стала отставка Посадаса, принятая ассамблеей 9 января 1815 г. На следующий день на остававшийся двухгодичный срок она избрала 25-летнего Альвеара, продержавшегося на вершине властной пирамиды всего три месяца. Сбылись мечты о славе, которая, однако, оказалась довольно скоротечной.

Новый Верховный директор сохранил министров своего предшественника, в государственном совете продолжил председательствовать Родригес Пенья. Перемены в политике не планировались. Первым, что сделал Альвеар, было присвоение генеральских званий Солеру, Иригойену, Сан-Мартину, де Окампо, а также окончание ссылки бывшего триумвира Пуэйрредона. Он органи-

зовал три армейских корпуса: I-й, расквартированный в столице, Кордобе, провинциях Куйо, Санта-Фе, Коррьентес и Энтре-Риос под своим командованием, II-й в Верхнем Перу во главе с Рондо (к которому, помня его недавнее неподчинение, прикомандировали двух депутатов ассамблеи) и III-й под началом Солера на Восточном берегу (при этом пришлось согласиться на передачу Монтевидео под контроль Артигаса). Проведенная реорганизация способствовала улучшению управляемости войсками, что было важно в связи с возникшей угрозой направления в Рио-де-ла-Плату карательной экспедиции из Испании под командованием опытного генерала Морильо.

В плане дипломатической активности властей особого внимания заслуживает эпизод с направлением Верховным директором нескольких нот: английскому посланнику лорду Стрэнгфорду, (а через него и министру иностранных дел Великобритании), а также испанскому поверенному в делах в Бразилии Андресу Вильяльба, для чего в Рио-де-Жанейро был направлен дипломат Хосе Мануэль Гарсия. Хотя переговоры не увенчались успехом, а послания так и не были вручены, они оставили заметный след и вызвали противоречивую реакцию современников по причине туманных формулировок (в частности, в них говорилось о «невозможности для страны управляться самостоятельно», «необходимости внешней руки для поддержания порядка»). Некоторые историки (Ф. Варела, Б. Митре) считают их предательством национальных интересов, поскольку речь формально шла об установлении «английского протектората» над Рио-де-ла-Платой. Другие (Хуан Баутиста Альбérди) полагают, что имело место оказание психологического давления на испанские власти с целью выиграть время и сорвать направление подкреплений из метрополии в Америку. Мол, кабинет «тори», связанный в тот момент союзническими обязательствами с Испанией против Наполеона, заведомо не мог согласиться на протекторат или аннексию испанских колоний, особенно на фоне проходившего Венского конгресса, имевшего целью восстановление прав европейских монархов. Более того, в Лондоне довольно скептически смотрели на креольские «псевдореспублики», погружавшиеся в пучину анархии.

Скорее всего, была предпринята попытка заручиться в той или иной степени поддержкой правительства «портенос» со стороны либеральной Европы (а не превратиться в английскую колонию, отказавшись от фактической независимости). Существовала надежда через посредничество Англии, буржуазные круги которой были заинтересованы в открытии южноамериканских портов для свободной торговли, начать переговоры с королевским правительством в Испании. Эта линия соответствовала политике прежнего Верховного директора (направление Сарратеа и посольства в составе Бельграно и Ривадавии) и последующего директората Пуэйрредона. Аналогичные действия (но с акцентом на монархические проекты), обусловленные объективно сложной обстановкой вокруг южноамериканских республик в связи с намерениями королевской власти силой расправиться с национально-освободительным движением на континенте, предпринимались затем О'Хиггинсом (в Чили), Сан-Мartiном (в Перу) и Боливаром (в Колумбии).

В условиях угрозы наступления роялистов из Верхнего Перу и Чили при поддержке «пятой колонны» в столице, а также в связи с ухудшением положения в прибрежных провинциях Энтре-Риос и Мисьонес, находившихся под властью Артигаса, Альвеар вынужден был пойти на непопулярные меры. В течение недели в Кордобу и провинцию Буэнос-Айрес были высланы все испанские священники, военные и гражданские лица, не принявшие республиканское гражданство; суровые репрессии обрушились на подстрекателей и паникеров; рабы испанских хозяев подлежали принудительному призыву в армию; конфисковывалось церковное имущество; кабильдо было предписано ввести мораторий на выплату долгов, вводились новые налоги на потребление (1 песо с фанéги²⁴ зерна и шесть — с головы крупного рогатого скота); объявлялись принудительные займы. В Буэнос-Айресе фактически установилась военная диктатура, которая носила персональный характер, не пользовалась уважением граждан и не имела поддержки в войсках.

²⁴ Мера сыпучих веществ, равная 55,5 литра.

Уже в мае кабиљдо направило послание Артигасу, умоляя его свергнуть диктатора. Излишне говорить, что просьба пришлась по душе уругвайскому каудильо, который во главе отрядов конного ополчения выдвинулся по направлению к столице.

Правительство предприняло меры по нейтрализации Артигаса, расширившего к тому времени свое влияние на провинцию Санта-Фе и угрожавшего Кордобе. На усмирение уругвайца направляются части во главе с Альваресом Томасом. Однако 11 апреля они восстали в местечке Фонтесуэлас, отказавшись выполнять приказ. Началось братание солдат и уругвайских гаучо. Мятеж был фактически поддержан кабиљдо Буэнос-Айреса и исполнявшим обязанности губернатора Солером, которые распустили ассамблею и назначили новым Верховным директором Рондо. Временным исполняющим обязанности главы правительства стал Альварес Томас (так как Рондо находился в Северной армии), однако все его действия контролировала созданная Наблюдательная хунта. На членов ассамблеи и Патриотического общества, связанного с ложей Лаутаро, поддерживавших экс-директора, обрушились гонения. Командование армией принял полковник Виамонте.

У Альвеара не оставалось другого выхода, кроме как уйти в отставку со своего поста. 17 апреля он покинул страну, отправившись в ссылку и практически не имея средств к существованию, поскольку все его имущество в Буэнос-Айресе было арестовано, несмотря на гарантии сохранения собственности со стороны кабиљдо. До мая 1818 г. он находился в Бразилии, затем перебрался в Уругвай, где пытался организовать оппозицию Пуэйрредону. Его возвращение в политическую жизнь произошло только в 1820 г., затем последовали дипломатические миссии в Англию и США, а в 1825 г. — в Верхнее Перу.

* * *

Находясь в Монтевидео, Альвеар установил тесные отношения с чилийцем Хосе Мигелем Каррерой, с которым познакомился еще в Кадисе, будучи членом секретного общества «Благо-разумные дворяне». Как писал Б. Митре, оба они «были героями одного калибра, одержимые одними честолюбивыми помыслами

и предназначенными играть одинаковые роли в американской революции»²⁵.

Как и Альвеар, Каррера сражался с французами в Испании. В Сантьяго он вернулся в июле 1811 г., где сразу включился в революционное движение. Амбициозный, решительный, он уже в сентябре добился роспуска конгресса и создал «под себя» правительственную хунту, став главнокомандующим армией патриотов. Его деятельность отмечена чередой конфликтов с соратниками, включая сложные отношения с другим лидером восставших — Бернардо О'Хиггинсом. После поражения у Ранкагуа и отступления остатков повстанческих отрядов на территорию Объединенных провинций Каррера, не найдя общего языка с Сан-Мартинем, губернатором провинции Куйо, готовившим в Мендосе армию для освобождения Чили, оказался в Буэнос-Айресе. Там он пользовался покровительством со стороны Альвеара, стараясь при его поддержке организовать под своим руководством морскую экспедицию к чилийским берегам, где рассчитывал поднять восстание как против испанцев, так и против своего политического противника О'Хиггинса. С этой целью ему удалось зафрахтовать в США бригантину, на которой он намеревался отправиться в Чили. Естественно, Верховный директор Пуэйрредон, делавший ставку на Андскую армию Сан-Мартина, готовившуюся к броску через горные цепи Анд, не мог допустить такого развития событий. Когда судно находилось в порту Буэнос-Айреса, Каррера был помещен под арест, но ему удалось бежать в Монтевидео.

С помощью Альвеара чилийцу удалось организовать типографию «Импрэнта Федераль», наладив там выпуск памфлетов, обращений и манифестов, направленных против чилийских и аргентинских властей. Одновременно Каррера сумел завоевать доверие главы провинции Энтре-Риос каудильо Рамиреса, направив его усилия на борьбу с Буэнос-Айресом, которая 1 февраля 1820 г. завершилась победой монтонерос под Сепéдой, уходом Пуэйрредона и Пилáрским договором, закрепившим федеральное устройство Объединенных провинций.

²⁵ *Mitre B. Historia de San Martin. Ed. Peuser. P. 225.*

Произошедшие перемены позволили Альвеару возвратиться в Буэнос-Айрес, где он в марте месяце пытался привлечь на свою сторону некоторые воинские части с целью вернуться во власть. Однако мятеж провалился, и Альвеар был вынужден вновь покинуть столицу. Карреру также обвинили в помощи мятежникам и во вмешательстве во внутренние дела Аргентины.

Уже в мае новая коалиция федералов во главе с предводителем провинции Санта-Фе каудильо Лопесом (при участии Карреры и Альвеара) нанесла поражение унитариям. Каррера пытался продвинуть назначение Альвеара командующим войсками в столице (вместо Солера) и главой правительства Буэнос-Айреса, рассчитывая в дальнейшем на его помощь для организации похода в Чили с целью свержения своего давнего соперника О'Хиггинса. Тем не менее временным губернатором провинции Буэнос-Айрес был избран Дорrego, которому удалось сразу разбить Лопеса у Сан-Николаса. Каудильо приказал арестовать Альвеара, подозревая его в пособничестве «портеньос», но тот сумел вновь укрыться в Монтевидео.

В Буэнос-Айрес он вернулся только в 1822 г., когда во время губернаторства Мартина Родригеса был принят закон о забвении. На берегах Ла-Платы наступил период относительного спокойствия. По Пиларскому договору между прибрежными провинциями и Буэнос-Айресом право представлять интересы этих регионов за рубежом было делегировано последнему.

В 1824 г. Альвеар согласился по предложению секретаря по иностранным делам провинции Буэнос-Айрес, своего друга Бернардино Ривадавии, возглавить дипломатическую миссию в США с предварительным посещением Англии, поскольку еще годом раньше английский министр иностранных дел Дж. Каннинг с учетом торговых и финансовых интересов британских подданных в регионе Рио-де-ла-Платы назначил генерального консула в Буэнос-Айресе (Вудбайна Пэриша), что стало первым шагом в установлении отношений (дипломатический агент США Дж. Мюррей Фёрбес был отправлен в Ла-Плату еще в 1820 г.).

Помощником Альвеара и секретарем миссии стал подполковник артиллерии Томас Ирриарте. В марте дипломаты отплыли

в Англию, а в июне уже были в Ливерпуле. Заручившись поддержкой торгово-промышленных кругов города, Альвеар отбыл в Лондон. Время пребывания в Туманном Альбионе, отпущенное на достижение поставленных целей, в связи с осложнением отношений с Бразилией (война с которой становилась неизбежной после захвата Монтевидео) и необходимостью заручиться поддержкой в этом других американских государств было ограничено 50 днями. Встреча с Каннингом состоялась 22 июля. Отвечая на вопрос англичанина о том, осуществлял ли Буэнос-Айрес реальную власть над другими провинциями, Альвеар, используя свой дипломатический талант и не погрешив против истины, сумел убедить министра в целесообразности пойти на признание провинций. Соответствующее решение кабинета было принято на следующий день, а в сентябре Форин офис направил Пэришу в Буэнос-Айрес проект договора о дружбе и торговле, который был подписан 2 февраля 1825 г.

Что касается отношений с США, то еще Тукуманский конгресс в 1816 г. командировал своего представителя (Мануэля Агйрре) в Вашингтон для продвижения вопроса о признании независимости Объединенных провинций, которая была признана конгрессом США 28 марта 1822 г. Однако полномочный посланник Буэнос-Айреса так и не был назначен (в отличие от колумбийца Мануэля Тóрреса, прибывшего в Вашингтон в июне 1822 г.).

10 сентября 1824 г. Альвеар с Ирриарте сошли на берег в гавани Нью-Йорка, добравшись до американской столицы лишь 2 октября. Уже на следующий день посланник вручил верительные грамоты президенту Монро, а через некоторое время в приватной беседе Монро детально информировал аргентинца о политической философии американцев касательно отношений с креольскими государствами, которая формализовалась в доктрине, изложенной президентом в послании к конгрессу 2 декабря 1823 г.

В частности, говорилось о желании США помочь им в укреплении собственной независимости и республиканского строя перед лицом монархической Европы («Америка для американцев»). Альвеар не преминул использовать данный посыл, чтобы призвать к единству американских государств в борьбе с бразиль-

ской империей на Южноамериканском субконтиненте, однако идея не получила одобрения госсекретаря Дж. Куйнсли Адамса. Через 15 дней аргентинская миссия покинула Вашингтон (Ирриарте отказался стать поверенным в делах по личным мотивам, и пост посланника оставался вакантным на протяжении 14 лет, пока на него вновь, но уже другим правительством, не был назначен сам Альвеар). 9 января 1825 г. дипломаты отплыли из Нового Орлеана в Буэнос-Айрес.

Результаты переговоров были высоко оценены властями Объединенных провинций. По возвращении Альвеар избирался депутатом Национального учредительного конгресса, но вскоре был направлен губернатором провинции Буэнос-Айрес Лас Эрасом (совместно с другим представителем Диасом Велесом) чрезвычайным посланником к Симону Боливару, находившемуся в тот момент в Верхнем Перу, законодательный орган которого 6 августа 1825 г. провозгласил независимость страны, получившей название Боливия. К успеху миссии следует отнести тот факт, что в результате переговоров Освободитель отдал приказ вернуть находившуюся под контролем колумбийских войск провинцию Тариха (ранее входившую в юрисдикцию Сальты) Аргентине.

На встречах, состоявшихся 25–27 октября, Боливар был вынужден признать силу аргументов «портеньос» о том, что «освободительная армия пришла не завоевывать и не изменять границы»²⁶. Тем не менее появившийся 17 ноября указ обуславливал передачу территории отказом Аргентины претендовать на округ Атакама, который оставался частью Верхнего Перу (несмотря на то что в 1816 г. его население высказалось за вхождение в состав аргентинской провинции Сальта).

Уже после отъезда Альвеара жители Тарихи в 1826 г. сместили назначенного аргентинцами градоначальника и заявили о желании присоединиться к Боливии. Несмотря на протесты Диаса Велеса и губернатора Сальты генерала Альвареса Ареналеса, прези-

²⁶ Artículo El General Alvear y su actuación, Homenaje al General Alvear, Imp.Gráfica Carollo, Bs. As. 1990. P. 49.

дент Боливии маршал Антонио Хосе де Сукре поддержал петицию кабиљдо, мотивируя свою позицию тем, что указ Боливара подлежал одобрению со стороны законодательной власти республики. В свою очередь, проходивший Конституционный боливийский конгресс отказался рассматривать данный вопрос, заявив, что прежде необходимо заключить с Аргентиной общее соглашение о границах, чего нельзя сделать, пока Буэнос-Айрес не признает независимость Боливии.

В результате указанной казуистики договоренности Альвеара с Боливаром так и не были исполнены (Освободитель находился уже в Перу по пути в Колумбию), а в сентябре 1826 г. боливийский парламент принял закон о вхождении Тарихи в состав страны. Провинция будет оставаться яблоком раздора между соседями вплоть до 1925 г., когда ее статус окончательно согласовали в «Договоре Диес де Медина — Карильо».

Второй задачей посольства, согласно полученным инструкциям, было привлечение внимания Боливара к оккупации Бразилией части боливийской территории (Мóхос и Чикитос) с целью попытаться получить в его лице поддержку Колумбии, Перу и Чили в случае неизбежной, как считали в Буэнос-Айресе, войны с империей. Однако Освободитель отвечал уклончиво, говоря о том, что если бы его войска, как он предлагал ранее, уже находились в Парагвае, то Аргентина могла бы решить все вопросы на Восточном берегу, не прибегая к военным действиям, а заручившись вердиктом южноамериканских государств в рамках Панамериканского конгресса. Тем не менее Боливар согласился направить своего представителя (полковника О'Коннора) для совместных с аргентинцами переговоров в Бразилию и даже намеревался сосредоточить части объединенной перуано-колумбийской армии на границе, что в итоге так и не было реализовано.

Однако это не принижает дипломатический успех Альвеара, который прервал свою миссию, получив уступки со стороны Боливара, и покинул Верхнее Перу, будучи отозванным президентом Республики Объединенных провинций Ривадавией, назначившим его в феврале 1826 г. военным министром и командующим объединенной аргентино-уругвайской армией.

* * *

После взятия Монтевидео в 1814 г. и последовавшей эвакуации аргентинских войск с Восточного берега бразильцы начали постепенное проникновение на территорию Уругвая. В феврале 1817 г. бразильский генерал Лекóр занял Монтевидео, где разместился гарнизон в 4 тысячи штыков. Господство Рио-де-Жанейро в регионе было закреплено победой над уругвайцами при Такуарембó в январе 1820 г. С 1821 по 1828 г. Восточная провинция под названием Сисплатинская провинция входила в состав Бразилии.

В апреле 1825 г. тридцать три уругвайских патриота во главе с бывшим соратником Артигаса Лавальехой пересекли Ла-Плату с территории Объединенных провинций и высадились вблизи Колóния, призвав соотечественников к восстанию против оккупантов. В городке Флорида была создана Восточная ассамблея, которая 25 августа 1825 г. провозгласила независимость Восточной провинции от Бразилии и присоединение к провинциям Рио-де-ла-Платы. Следствием указанного акта стало объявление войны Бразилией (ставшей с 1822 г. независимой от Португалии империей) Республике Объединенных провинций, которая продолжалась три года (1825—1828). Ее кульминацией явилась битва у ручья Итусаингó, фактически положившая конец активным боевым действиям из-за недостатка ресурсов у обеих сторон и имевшая следствием посредничество Великобритании, осуществленное английским министром (посланником) в Рио лордом Пóнсонби.

В начале кампании аргентинская армия во главе с Мартíном Родрígесом перешла на Восточный берег, объединившись с уругвайцами, которые вскоре очередной раз отказались подчиняться аргентинскому генералу. Президент Ривадавия принял решение заменить Родригеса на Альвеара, который принял командование 1 сентября 1826 г., предприняв энергичные меры против местных каудильос, восставших под предводительством Фруктуóсо Ривéры.

Общие силы бразильцев составляли 9 тысяч человек: основная часть в составе семи батальонов пехоты, кавалерии и артиллерии разбила лагерь под Санта Аной (ею командовал маркиз де Барбасéна), другая половина армии во главе с маршалом

Брауном стояла в Рио Гранде (там же находилась ставка императора). Численность аргентинцев была чуть больше 5 тысяч бойцов. Альвеар, правильно оценив обстановку, принял решение развернуть военные действия на территории противника и в декабре 1826 г. пересек реку Рио Негро, заставив Барбасену двигаться на юго-восток для соединения с силами Брауна, чему, однако, помешали сильные ливни.

Хотя Бразилия располагала превосходящими морскими силами, аргентинский адмирал Гильермо Браун разбил бразильскую эскадру при Хункале (бразильцы потеряли 12 судов), лишив ее господства на море и возможности переброски подкреплений. Альвеар сумел помешать маневру бразильцев, заняв стратегически важный пункт Бахé, и в дальнейшем, имитируя отступление, заманил неприятеля в долину, где, зная местность (во время ссылки в 1817 г. он проживал в этих местах в усадьбе одного из друзей), занял господствующие высоты. Аргентинский генерал Лавáж (Лавалье) в нескольких стычках сковал кавалерию противника, которая не смогла принять участия в решающем бою у Итусаинго (бразильское название — Пáсо де Росáрио), произошедшем 20 февраля 1826 г.

Некоторые историки (в их числе один из участников сражения генерал Хосе Мария Пас) считают, что победа была одержана благодаря импровизации отдельных аргентинских военачальников вопреки тактической диспозиции, спланированной и утвержденной Альвеаром. Сам Пас в своих воспоминаниях назвал сражение «битвой не подчинявшихся». Тем не менее роль аргентинского командующего в организации успешных атак на позиции противника (в частности, кавалерийский рейд ветерана наполеоновских войск, полковника Брáндсена, погибшего на поле боя, своевременно подержанный конными частями Лаважá, сломивших сопротивление бразильской пехоты) вряд ли подлежит сомнению. По свидетельствам очевидцев, в решающий момент Альвеар сражался с неприятелем врукопашную с саблей в руке²⁷, лично отдавая приказы ко-

²⁷ Artículo El General Alvear y su actuación, Homenaje al General Alvear, Imp.Gráfica Carollo, Bs. As. 1990. P. 25.

мандирам эскадронов и батальонов. По оценке Б. Митре, это было сражение кавалерии против пехоты. Не выдержав натиска аргентинцев, Барбасена отдал приказ об отступлении.

Преследование, связанное с углублением на территорию противника, оказалось невозможным из-за плачевного состояния лошадей, общей усталости, болезней, а также отсутствия транспорта, фуража и провианта. Армия стала лагерем у населенного пункта Корралес. Хотя в апреле–мае 1827 г. части аргентинцев под командованием Лавальехи, Лаважа, Суфриатеги одержали верх в ряде небольших стычек, уже в конце июня, видя полное отсутствие поддержки со стороны властей Буэнос-Айреса, где к тому времени произошли очередные властные перестановки (после отказа провинций признать централистскую конституцию президент республики Ривадавия в июле 1827 г. ушел в отставку, учредительный конгресс был распущен, а губернатором провинции Буэнос-Айрес стал сторонник федерализма Доррего), Альвеар сложил с себя полномочия командующего.

Однако кампания была выиграна. Стратегия Альвеара в условиях численного превосходства противника (имевшего значительные резервы) и обширного, удаленного от баз снабжения театра военных действий, предусматривавшая необходимость быстрого решающего удара по раздробленным силам неприятеля, принесла результаты. После Итусаинго Бразилия была уже не в состоянии продолжать военные действия и согласилась (при посредничестве английского посланника в Рио лорда Понсонби) на заключение соглашения о мире (24 мая 1827 г.), по условиям которого Уругвай получал независимость, а англичане — восстановление судоходства и торговли в дельте Ла-Платы. Подписание договора с аргентинской стороны объясняют предательством посланника Хосе Мануэля Гарсии, якобы нарушившего (под влиянием Понсонби) данные ему аргентинскими властями инструкции.

Каудильо Ривера в марте 1828 г. вытеснил португальцев из восточной части Уругвая. За Аргентиной остался остров Мартин Гарсия в дельте Ла-Платы, что давало ей контроль за единственным судоходным путем, ведущим в прибрежные провинции. 27 августа 1828 г. в Рио-де-Жанейро был подписан мирный договор, по ко-

тому Бразилия и Аргентина признали Уругвай независимой республикой. Ее первым президентом в 1830 г. стал бывший соратник Артигаса Фруктуосо Ривера.

В декабре 1828 г. вернувшиеся из Уругвая аргентинские военные совершили переворот. Губернатором Буэнос-Айреса был провозглашен Лаваж, Доррего расстреляли. Однако представителю латифундистов-скотоводов Мануэлю Рóсасу в союзе с каудильо Лопесом удалось свергнуть правительство унитариев. 6 декабря 1829 г. провинциальное законодательное собрание назначило Росаса губернатором Буэнос-Айреса. Началась ликвидация реформ Ривадавии, ушедшего с поста президента в июле 1827 г. Потеряв покровительство бывшего главы государства и числясь среди его сторонников, Альвеар на длительное время оказался не у дел.

После охлаждения отношений с США из-за инцидента с американским военным кораблем на Мальвинах (декабрь 1831 г.) и последовавшей затем акции англичан, силой низложивших аргентинского губернатора Луиса Вернэ́та и оккупировавших острова, Росас предпринял шаги к нормализации связей с Вашингтоном, предложив Альвеару занять пост полномочного министра. Возможно, чтобы держать его подальше от столицы, поскольку генерал не принял установившуюся в стране тиранию. Согласившись и уехав в почетную ссылку, он больше никогда так и не видел жену, а также дочерей и сына Торкуáто, оставшихся в Буэнос-Айресе.

В силу ряда причин внутреннего и внешнего характера миссия в составе посланника Альвеара и секретаря — его старшего сына Эмилио Марсéло — смогла отправиться в США лишь в марте 1838 г., прибыв к месту назначения в октябре. Верительные грамоты были вручены президенту Мáртину ван Бюрену. В беседах с госсекретарями Форсáйтом и Вéбстером Альвеар пробовал опереться на хорошо известную ему доктрину Монро с целью заручиться поддержкой американцев по вопросу Мальвинских островов, тем не менее его усилия не увенчались успехом. США не хотели обострять отношения с Великобританией ради аргентинских претензий. Альвеар убедился, что доктрина претерпела изменения (что выразилось в игнорировании интересов амери-

канских государств) и, по сути, превратилась в инструмент американского экспансионизма. Аргентинский дипломат в донесениях к своему министру иностранных дел Фелипе де Аране заблаговременно предсказал аннексию Техаса со стороны США. «...неистовая амбициозность овладела этой страной, — писал Альвеар, — она выходит за рамки воображения, ее граждане убеждены, что им предназначено судьбой стать владельцами всей Америки вплоть до мыса Горн...»²⁸ Пророческие и точные слова! Полное предвидение будущих действий США.

После битвы при Касерос и свержения Росаса (февраль 1852 г.) министр иностранных дел пришедшего к власти генерала Уркисы известил Альвеара о прекращении полномочий посланника, поскольку провинции не подтвердили Буэнос-Айресу право представлять их за рубежом. Однако соглашение Сан Николаса вернуло все на свои места — Альвеара и его младшего сына Леона вновь утвердили министром и секретарем миссии.

Пересмотрев к концу жизни свои взгляды на власть и отказавшись от прежних воззрений, он напишет Уркисе следующие строки: «Глупо полагать, что одна партия или один человек могут удерживать власть неограниченное время»²⁹.

Альвеар скончался 2 ноября 1852 г. в возрасте 62 лет. Прах долгое время находился на американской земле, пока его бывший соратник Гильермо Браун не получил разрешение властей в Буэнос-Айресе направить специальное судно для репатриации останков одного из самых выдающихся деятелей аргентинской нации.

* * *

Карлос Мария де Альвеар вошел в историю Аргентины:

- как талантливый генерал, одержавший важные для республики победы при Монтевидео и Итусаинго, которые, хотя и положили конец иностранной оккупации, в итоге так и не смогли предотвратить отделение Восточной провинции;

²⁸ Homenaje al General Alvear en el segundo Centenario de su nacimiento, por el Dr. Jorge A. Aja Espil, Imp. Gráfica Carollo, Bs. As. 1990. P. 313.

²⁹ Ibid.

- как политик, осуществивший кардинальные внутренние реформы во главе ассамблеи 1813 г., но не сумевший консолидировать единоличную власть;
- как дипломат, добившийся значительных успехов по признанию и отстаиванию территориальной целостности страны, хотя и разочаровавшийся к концу жизни в политике.

Обращает на себя внимание различие характеров, а также сходство судеб Сан-Мартина и Альвеара, особенно в начале карьеры, и разнонаправленность векторов их дальнейших действий.

Несмотря на ослабление и потерю прежних дружеских связей, объективно они не стали врагами. Так, во время нахождения в ссылке в Бразилии оставшийся без средств существования Альвеар обращался за помощью к Сан-Мартину, который приложил максимум усилий к тому, чтобы убедить Пуэйрредона вернуть бывшему главе правительства арестованную в Буэнос-Айресе собственность. Конечно, они соперничали между собой за политическое влияние и государственные приоритеты, способы их реализации и материальные ресурсы, но выполняли, каждый в силу собственных представлений, единую миссию, направленную на становление и защиту независимости родины.

Сан-Мартин осознал необходимость, сформулировал и осуществил (пусть и не до конца) план освобождения народов «Большой Родины» — Южной Америки. Альвеар, не понявший и не поддержавший устремлений своего старшего товарища, к тому же часто выступавший на стороне его недругов (Карреры, Ривадавии), оказал неоценимые услуги возникшему на берегах Ла-Платы государству Объединенных провинций (с 1826 г. — Республика Аргентина), несмотря на различные политические превратности и сменявшиеся с калейдоскопической быстротой режимы.

Деятельность Сан-Мартина приобрела континентальное значение, Альвеар полностью отдал себя служению аргентинской нации, которая чтит обоих героев, бескорыстно посвятивших жизни отчизне, выполнению патриотического долга в его различных ипостасях.

ЧАСТЬ II

ПРОЛОГ: УРУГВАЙ И ПАРАГВАЙ¹

Уругвай исторически представлял собой окраину Рио-де-ла-Платы, находившуюся на другом берегу эстуария (Ría) Ла-Платы, являвшуюся удобным водным путем для проникновения в глубь неизведанного континента. Территория представляла собой практически незаселенную первопроходцами и индейцами «чарруа» область с редкими животноводческими асьендами, находившуюся вблизи португальских владений. Отсутствие четких границ порождало обоюдную экспансию со стороны Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса, приводившую к постоянным конфликтам.

В 1678 г. португальцы заложили на восточном берегу Ла-Платы, напротив Буэнос-Айреса, поселение, которое называли Колония де Сакраменто. С тех пор Колония стала не только постоянным яблоком раздора между Испанией и Португалией (находившейся в сфере влияния Великобритании), но и крупным центром контрабанды в регионе, подрывавшим испанскую торговую монополию. Для противодействия контрабандистам испанцы в 1726 г. основали крепость Монтевидео.

Сакраменто много раз переходил из рук в руки, в зависимости от соотношения сил между двумя империями в Европе, пока наконец, губернатор Буэнос-Айреса Педро де Севальос, впоследствии ставший первым вице-королем Рио-де-ла-Платы, не отбил его у португальцев. По мирному договору Сан-Ильдефонсо, заключенному между Мадридом и Лиссабоном в 1777 г., Колония, а также шесть

¹ «Уругвай» на языке индейцев гуарани означает «река многоцветных птиц», «Парагвай» — «река многоцветных цветов».

основанных еще иезуитами на реке Уругвай миссий («редукций») отошли к испанской короне. Взамен Бразилия получила провинции Санта Каталина и Рио Гранде ду Сул. Соглашение предусматривало также начало демаркации границ. Крепость Монтевидео, управляемая испанским губернатором, вошла в состав Восточной провинции (Уругвая) вице-королевства Рио-де-ла-Плата в 1776 г.

* * *

Асунсьон, основанный в 1536 г. в месте слияния рек Пилькомайо и Парагвай, в начале своего существования представлял собой поселение с 58 жителями. После исчезновения Хуана де Айолы, сгинувшего в сельве в поисках страны «Белого короля», власть на долгое время перешла к Доминго Мартíнесу де Ира́ле (бывшему, как и его предшественник, одним из капитанов Педро де Мендосы). Не подчинившись назначенному короной новому губернатору, Ирала в 1541 г. с целью лишить претендентов на его место (направлявшихся из Испании) опорного пункта в дельте Ла-Платы эвакуировал остававшееся в Буэнос-Айресе население (около 40 жителей), перевезя их в Асунсьон.

Казалось, что теперь Ирала мог беспрепятственно посвятить себя поиску «Эль Дорадо». Однако в марте 1542 г. конкистадор Альваро Нуньес Кабеса де Ва́ка, назначенный королем новым губернатором, предпринял беспрецедентный для того времени пеший переход через тропическую сельву и объявился в городе. Ирала и Кабеса де Вака по отдельности совершили экспедиции в верховья реки Парагвай, но были вынуждены возвратиться в Асунсьон, где Ирала отстранил своего соперника от власти и выслал его в Испанию.

Отправившись в новый поход по реке Пилькомайо, Ирала вышел к восточным предгорьям Анд, где встретил жителей, говорящих на испанском языке. Это были индейцы из Перу, уже покоренного конкистадорами Франсиско Писáрро и Диего де Альма́гро. Мечты пришлось оставить, и в 1549 г. он вернулся в Асунсьон.

После смерти назначенного вице-королем Перу губернатора Ирала в 1554 г. наконец смог получить желанный титул, подтвержденный испанским монархом. На следующий год в Парагвае была учреждена епархия и распределены 400 «энкомьенд», в кото-

рых трудились индейцы — гуаранí. В 1551 г. конкистадор Ньюфло де Чáвес основал в Чáко (Верхнее Перу) поселение Санта Крус де ла Сьéрра. Вслед за серией междоусобиц губернатором Асунсьона в 1569 г. стал Хуан Ортíс де Сáрате, который в 1573 г. направил своего подчиненного Хуана де Гарáя в дельту Ла-Платы с целью восстановления Буэнос-Айреса. Тем не менее исполнить задуманное удалось лишь в 1580 г.

В отличие от торгового Буэнос-Айреса находившаяся в относительной изоляции провинция Парагвай, основу экономики которой составляла «энкомьенда», развивалась гораздо медленнее. Там продолжались соперничество за власть, конфликты между иезуитами и францисканцами из-за управления редукциями, а также непрерывные вторжения банд многочисленных авантюристов из соседней Бразилии, стремившихся захватить плодородные земли по берегам полноводных рек. Некоторая стабильность установилась только в середине XVII века.

В 1725 г. в Асунсьоне произошло восстание «комунерос», требовавших смены «плохого» правителя, назначенного королем. Посланный аудиенсией в Чаркас восстановить порядок чиновник Хосе де Антекéра неожиданно перешел на сторону восставших. Войска, направленные из Буэнос-Айреса, разбили повстанцев, Антекера был взят в плен, доставлен в Лиму и там казнен. Однако движение не угасло — его возглавил сторонник Антекеры Фернандо де Мампóкс. Только в 1735 г. губернатору Рио-де-ла-Платы удалось окончательно подавить мятежников.

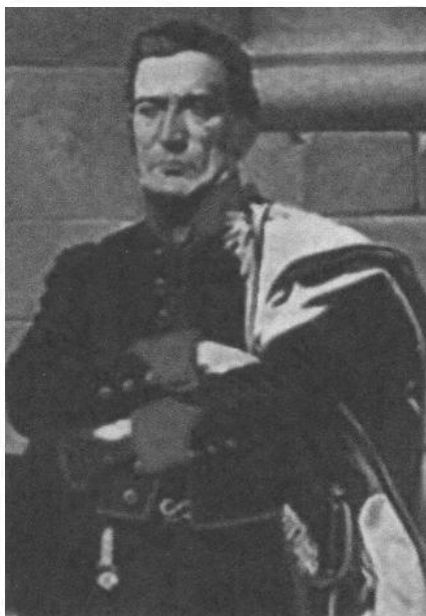
После Майской революции 1810 г. в Буэнос-Айресе власти в Асунсьоне во главе с интендантом Бернардино де Велáско отказались признать Временную хунту. Правительство в Буэнос-Айресе установило торговую блокаду Асунсьона, однако посланная на усмирение экспедиция во главе с генералом Мануэлем Бельграно была разбита при Такуарí. Патриотов, настаивавших на независимости и отделении от Рио-де-ла-Платы, возглавил доктор теологии Хосе Гаспар Родригес де Фрáнсия (1766–1840).

В мае следующего года в Парагвае была создана Правительственная хунта, а в октябре созвана Генеральная ассамблея, сосредоточившая власть в руках двух консулов. 12 октября 1811 г.

Буэнос-Айрес был вынужден признать независимость Парагвая, подписав соответствующий договор. В 1813 г. Парагвай отказался направить своих представителей на Конституционную ассамблею в Буэнос-Айрес, подтвердив окончательный разрыв с правительством «портеньос». Таким образом, Парагвай стал первой провинцией, провозгласившей независимость от Рио-де-ла-Платы, что послужило примером Уругваю и Верхнему Перу.

Один из консулов – Франсиа в 1814 г. отстранил своего коллегу (Антонио Томаса Йёгроса) от власти и был назначен диктатором, сначала сроком на три года, а затем – пожизненно. Франсиа сформировал режим личной диктатуры, направленной на сохранение политической независимости страны как от Рио-де-ла-Платы, так и от Бразилии, что еще больше усилило ее географическую изоляцию. Когда в 1820 г. каудильо провинции Коррьентес потребовал от Парагвая выдать укрывшегося там Верховного вождя Восточной провинции Уругвай Хосе Хервасио Артигаса, Франсиа пошел на полное прекращение торговли, которая возобновилась только два года спустя.

ХОСЕ ХЕРВАСИО АРТІГАС **Гаучо, каудильо, верховный** **правитель, изгнанник** **(19.06.1764–23.09.1850)**

Мне достаточно одного звания — гражданин; порядочность моего собственного поведения должна стать нормой для всех прочих — ведь по тому тону, который задают лидеры, настраиваются остальные. Нельзя нарушать законы справедливости и одновременно бороться за ликвидацию последствий деспотизма. Каждый человек равен перед законом².

Х. Артигас

Предки Артигаса прибыли в Буэнос-Айрес в начале XVIII века, там появился на свет его отец — Мартин Хосе, после чего семья Артигас переселилась в Монтевидео, Восточную провинцию вице-

² Цит. по: *Иванов Н. С.* Артигас и борьба за независимость Уругвая: очерк // Война за независимость Латинской Америки. М.: Наука, 2011. С. 371.

королевства Рио-де-ла-Плата, где его дед одно время занимал пост алькальда в городском кабильдо Монтевидео.

Известно, что отец был капитаном местного ополчения, также став впоследствии членом городского совета и одним из богатых людей города. Он женился на Франсиске Антониа Арналь. 19 июня 1764 г. у супружеской четы родился сын, которого назвали Хосе Хервасио.

Дед по материнской линии настаивал на церковной карьере внука, и десятилетнего мальчика отдали в монастырь францисканцев, где он отучился четыре года, готовясь стать церковнослужителем. Однако когда ему исполнилось 14 лет и он должен был пройти обряд посвящения, Хосе заявил, что не хочет быть священником. Надо сказать, что и монахи сочли его малоподходящим для этой стези. В наказание он был отправлен в одну из фамильных усадеб, называвшуюся Касупа. Там он узнал другую жизнь, быстро став своим среди вольнолюбивых пастухов — «гаучо», сельских работников — «пеоно», индейцев и негров-рабов. Однако Хосе стремился к самостоятельности и вскоре покинул отцовское поместье, уйдя в пампу, где был погонщиком скота, заготавливал шкуры, пока в 1785 г. не получил должность управляющего в поместье Чантре. Там у него случился роман с замужней женщиной, которая родила ему первого сына — Хосе Мануэля, ставшего затем соратником и сподвижником отца во всех военных кампаниях.

В те годы становление характера Артигаса проходило в глухой сельской местности, на фоне неосвоенной дикой природы, по законам и понятиям окружавшего его грубого, необузданного, но в то же время патриархального мира гаучо. Он был одним из них. Не исключено, что в те годы Хосе Хервасио занимался контрабандой, что было обычным явлением в той среде на неосвоенной окраине вице-королевства в далекой Америке. Есть сведения, что в 1792 и 1796 гг. он вступал в конфликт с правосудием, пока не попал под амнистию, объявленную испанским королем Карлосом IV по случаю заключения мира с Францией.

Решив изменить жизненный статус, Артигас в 1797 г. записался в пограничную стражу — «бланденгес», создававшуюся на Восточном берегу по подобию Буэнос-Айреса. По существу

«бланденгес» были теми же гаучо, мобильным вооруженным формированием из местных жителей на службе колониальных властей, в задачи которых входила борьба с преступниками всех мастей, контрабандистами и непокорными индейцами, а также защита королевских владений в пограничных районах. За успешно проведенный рекрутский набор среди своих бывших товарищей губернатор пожаловал Хосе Хервасио капитанский чин в ополчении Монтевидео. Однако его тянуло в пампу, и вскоре он возвратился к «бланденгес» в звании майора. В 1800 г. Артигас участвовал в миссии по определению границы с Бразилией, зафиксированной в договоре Сан Ильдефонсо между Испанией и Португалией, под руководством географа и натуралиста Феликса де Асара. Однако уже в 1801 г., после нового витка конфронтации на Иберийском полуострове (так называемой «апельсиновой войны»), португальцы вновь осуществили вторжение на севере Восточной провинции. Асара отплыл в Испанию, оставив старшим на границе Артигаса, который попытался организовать сопротивление, но был вынужден отступить в провинцию Мисьонес, где воевал под командованием полковника Кинтаны. Там его застало подписание Бадахосского договора, по условиям которого к бразильцам перешли семь редукций — «пуэблос».

В возрасте 39 лет разочарованный Артигас решил покинуть военную службу и вернулся в Монтевидео. Отставку приняли спустя два года. В 1805 г. он сочетался браком с кузиной Рафаэлой Вильягран, которая надеялась приучить бывшего гаучо к оседлой жизни. Отец подарил молодоженам дом на одной из центральных улиц города — Сан Бенито. В следующем году в семье родился сын Хосе Мария. Казалось, что удалая вольница закончилась в 41 год, однако она еще только начиналась.

* * *

Во время английской интервенции в Рио-де-ла-Плате Артигас присоединился к войскам, направленным из Монтевидео для освобождения Буэнос-Айреса. Он участвовал в боях под Корралес де Мисерére и в Ретиро. Затем на территории Восточной провинции боролся с англичанами, занявшими в начале

февраля 1807 г. Монтевидео. 9 сентября английские части капитулировали, и испанские войска полковника Франсиско де Элио вошли в столицу провинции. Артигас вновь был назначен капитаном полка «бланденгес».

После Майской революции в Буэнос-Айресе он под командованием испанцев участвовал в операциях по подавлению гражданских беспорядков в Энтре-Риос. Когда вернувшийся из Испании в чине вице-короля Элио объявил войну первой хунте в Буэнос-Айресе, Артигас, находясь в Колониа, принял решение перейти на сторону патриотов и в феврале 1811 г., покинув расположение полка, укрылся в лесистой местности у речки Сан Хуан, где к нему присоединились несколько местных жителей. Отряд пересек реку Уругвай и некоторое время находился в провинции Энтре-Риос, откуда Артигас направился в Буэнос-Айрес. Там он был принят членами хунты как единственный высокопоставленный офицер в Восточной провинции, поддержавший инсургентов в Ла-Плате.

28 февраля креолы в местечке Асенсио на уругвайской территории восстали против испанских колониальных властей. Под руководством Хуана Антонио Лавалье́хи и брата Артигаса — Мануэля Франсиско восстание быстро распространилось на прилегавшие города и населенные пункты. Хунта присвоила Артигасу звание подполковника, поставив под его начало 150 солдат и вручив 200 песо, с которыми он высадился у деревушки Калэ́ра де Уэ́рфанос, где был провозглашен вождем уругвайских патриотов, стоявших лагерем у городка Мерседес.

11 апреля он обратился к соотечественникам с призывом выступить против испанцев, заявив, что «лучше умереть с честью, чем жить в бесчестье, в плену, в зависимости»³. Хунта Буэнос-Айреса направила ему в помощь подкрепления и денежные средства.

По прибытии генерала Мануэля Бельграно из неудачной экспедиции в Парагвай Артигас намеревался стать под его знамена в качестве командующего уругвайским контингентом. Однако Бельграно, отозванный в Буэнос-Айрес, оставил своим преемни-

³ *Romero J. L.* Pensamiento político de la Emancipación. Montevideo, 1985. Vol. II. P. 11.

ком полковника Хосе Рондо, что сильно огорчило уругвайца Артигаса (аргентинец Рондо поступил кадетом в полк «бланденгес», когда Артигас был уже майором). Хотя Артигас признал командование Рондо, он со своими людьми отделился и стал лагерем у Канелón Чико, где к нему присоединился брат Мануэль Франсиско с тремястами всадниками. Против них Элио направил отряд в 1200 человек. Однако в сражении у Лас Пьэдрас регулярные части испанцев первый раз потерпели поражение от местного милицейского ополчения. Элио отступил к Монтевидео, а его подчиненный генерал Вигодёт эвакуировал Колониа. Вице-король, желая привлечь Артигаса на свою сторону, предложил ему звание генерала, но тот ответил отказом.

1 июня Рондо начал первую осаду Монтевидео, которая продолжалась три месяца. Вскоре к ней присоединился Артигас. Однако португальская принцесса-регентша Карлота в Бразилии (сестра испанского короля Фернандо VII) направила на помощь осажденным экспедицию под командованием маршала Диего де Сбузы, и патриоты были вынуждены отступить из-под стен города.

На другом театре военных действий в Верхнем Перу армия «портенъос» потерпела поражение при Уакі (июнь 1811 г.), испанцы угрожали провинциям Сальта, Жужуй и Ла Риоха. Буэнос-Айрес срочно нуждался в передышке, все подкрепления отправлялись на север. В октябре при посредничестве английского посланника в Рио лорда Стрэнгфорда на Восточном берегу было заключено соглашение о перемирии — англичанам был нужен мир для свободной торговли. Согласно договоренностям аргентинцы и португальцы покидали Восточную провинцию, в Монтевидео оставались испанцы — союзники Лондона в войне с Наполеоном. Артигас не принял согласованные без его участия условия, в очередной раз разочаровавшись в союзниках — «портенъос» и заявив, что будет сражаться на два фронта: против испанцев и против португальцев, что в дальнейшем станет для него обычной ситуацией. 21 октября перемирие было подписано, аргентинцы начали движение на юг, португальцы — на север, а уругвайцы — на северо-запад.

Артигас оказался один на один с превосходившим его противником. Находясь в Сан Хосе, он по согласованию с арген-

тинскими военными принял решение отходить к реке Уругвай, в направлении департамента Япею провинции Мисьонес, чтобы попытаться там совместными усилиями сдержать ожидавшееся наступление испанцев. Ассамблея утвердила его Верховным вождем (каудильо) Восточной провинции.

Каково же было его удивление, когда к отступавшим войскам стали присоединяться мирные жители, покидая свои дома и сжигая имущество. Исход с обжитых мест носил массовый характер и оставил за собой пустыню. В качестве транспорта использовались повозки (по свидетельству очевидцев, их насчитывалось 845) и вьючные лошади, но многие шли пешком. К зажиточным владельцам усадеб присоединялись пеоны и гаучо, а также индейцы. Марш оказался нелегким, на всем пути люди терпели лишения, до пункта назначения дошло около 15 тысяч человек, что дает основание утверждать, что большая часть населения Восточной провинции, едва достигавшего тогда 30 тысяч, объединилась вокруг Артигаса, который превратился из военачальника в лидера нации. Караван стал лагерем, правильнее будет сказать — табором, в местечке Айуй на территории провинции Энтре-Риос. Первоначальный отряд «бланденгес» с несколькими офицерами и восемью орудиями быстро превратился в значительное вооруженное соединение, состоявшее из добровольцев. Его основу составляли гаучо, недовольные социальной политикой правительств в Буэнос-Айресе, которые хотели превратить их из свободных полукочевых охотников на одичавший скот в наемную рабочую силу, обязанную работать на хозяев асьенд и промыслов по засолке мяса «за справедливую плату».

Современники так описывали внешность Артигаса: «Он был среднего роста, хорошо сложен, с сине-зелеными глазами и открытым, но невыразительным взглядом, который не задерживался на вещах и людях, хотя складывалось впечатление, что он замечал все. Скулы и орлиный нос выдавались вперед. Он не носил усов, хотя мощные бакенбарды спускались вниз по щекам. На вид ему было около 48 лет. Речь была притягательной, с выразительными паузами. Удивить его было нелегко, поскольку любые трудности выражались им несколькими словами, преисполненными опы-

та и умения предвидеть. Артигас хорошо разбирался в людях, ему не было равных в умении управлять ими. В реальности он оставался простым человеком, которого не изменила власть и который управлял своим народом без театральных эффектов и высокомерия. Он не был идеологом, еще меньше политиком. Познакомившись с республиканскими и федеративными идеями, Артигас сделал их своими, поскольку считал, что они подходили для его народа»⁴.

Волею судьбы Артигас превратился из «человека пампы» в народного вождя — каудильо, сплотившего уругвайцев и привившего им чувство национального самосознания.

Историки по-разному, в зависимости от своих пристрастий или объективности, описывали лагерь в Айуи. Так, аргентинец Висенте Фидель Лопес называл его «индейской деревней», а его обитателей — «монтонéрос», погрязшими в нищете, преступлениях и моральном разложении. В то же время парагвайский офицер Бартоломé Лагуáрдия в докладе в Асунсьон отмечал: «Все побережье реки Уругвай заполнено семьями, бежавшими из Монтевидео; некоторые живут под повозками, другие в тени деревьев, страдая от суровости погоды, но перенося невзгоды с таким терпением, которое вызывает восхищение. Войска хорошо обучены и дисциплинированы, а все вооруженные люди хотя по виду и похожи на грабителей и гаучо, но беспрекословно подчиняются Генералу (Артигасу)»⁵.

Артигас попытался привлечь парагвайцев к совместной борьбе с испанцами, но Парагвай при правительстве доктора теологии Хосе Гаспара Родригеса де Фрáнсии выбрал политику закрытости и изоляции от внешнего мира. Уругвайский каудильо самостоятельно сражался с португальцами, пока новое соглашение между Буэнос-Айресом и Рио-де-Жанейро (заключенное в 1812 г.) не заставило уругвайцев ретироваться на территорию Бразилии, а «портеньос» не стали вновь задумываться о наступлении на Монтевидео, начав переговоры с Айуи.

⁴ *Salmoral M. L.* Jose Gervasio Artigas, Gaucho y Confederado, Ed. Anaya, S.A., Madrid, 1988. P. 35.

⁵ *Ibid.* P. 36.

Речь шла об объединении аргентинских и уругвайских войск, хотя вопрос об общем командовании оставался открытым. Армия Буэнос-Айреса под командованием триумвира Мануэля де Сарратеа приблизилась к лагерю, намереваясь включить в свой состав уругвайские части. Артигас, надевшийся, что он возглавит осаду Монтевидео, был вынужден подчиниться — еще одно разочарование политикой «портеньос», которые, как ожидал каудильо, наконец-то решили помочь восточным соседям («ориенталес»).

Артигас двигался в арьергарде, сохраняя командование над уругвайскими отрядами, пока разногласия между двумя военачальниками не привели к тому, что Сарратеа объявил Артигаса предателем, обвинив его в скрытых им контактах с испанцами и похищении лошадей у аргентинцев, заодно призвав уругвайских солдат дезертировать и присоединяться к нему. На самом деле Артигас действительно задержал аргентинский обоз, чтобы спровоцировать отставку своего соперника, хотя его переписка с маршалом Вигодетом показывает, что он лишь получил предложения от испанцев, которые сразу категорически отверг. Сарратеа был отстранен от командования подчиненными ему Рондо и Вэдиа, которые, в свою очередь, попросили о помощи Артигаса, направившего к ним одного из помощников — Оторгеса. Сам каудильо присоединился к осаде Монтевидео 26 февраля 1813 г. С ним вернулось и гражданское население, которое начало заново обживать покинутые ранее места.

31 января 1813 г. в Буэнос-Айресе открылись заседания Конституционной ассамблеи Объединенных провинций под председательством Альвеара. К работе в ней приглашались депутаты от всех провинций бывшего вице-королевства, за исключением представителей с Восточного берега. Учитывая данный факт, Артигас счел правильным созвать законодательное собрание Восточной провинции. 3 апреля в городке Трес Крусес собрались депутаты. На следующий день в ходе первой сессии он сложил с себя титул Вождя ориенталес и информировал собравшихся о просьбе генерала Рондо признать главенство ассамблеи в Буэнос-Айресе и направить туда своих представителей. Депутаты согласились с верховенством общенационального парламента, однако выдвинули несколько ус-

ловий: получение официальных извинений за поведение Сарратеа, требование не снимать осады Монтевидео до полной победы, продолжение поставок продовольствия уругвайским войскам, осаждавшим крепость, отказ от назначения им нового командующего, возврат оружия солдатам полка «бланденгес» и, наконец, сенсационная формулировка о гарантиях конфедеративного устройства будущего государства путем заключения межгосударственного договора между провинциями. Все это, конечно, стало полной неожиданностью для властных кругов «портеньос».

Излишне говорить, что идея конфедерации (т.е. заключение наступательно-оборонительного соглашения между суверенными провинциями) была встречена в штыки. В Буэнос-Айресе считали, что обладают естественным правом на лидерство и объединение всех бывших провинций Рио-де-ла-Платы, и не хотели делиться с ними привилегиями столицы и центрального города-порта.

13 апреля пять избранных депутатов получили лично из рук Артигаса знаменитые «Инструкции», в которых фактически формулировались принципы уругвайской независимости. В ст. 1 содержалось решительное требование о полном отделении от Испании (на фоне увлечения монархическими проектами в Буэнос-Айресе, который согласился на ее провозглашение только в 1816 г. в ходе Тукуманского конгресса). Дальше шло обоснование федеративной системы, принципа разделения властей, гарантий гражданских и религиозных свобод. Содержалось упоминание об удерживаемых португальцами уругвайских территориях, участвовать в освобождении которых должны были солидарно все провинции. В ст. 11 четко указывалось, что Восточная провинция сохранит суверенитет и независимость во всех вопросах, не переданных в ведение правительства Объединенных провинций (включая формирование войск, назначение офицеров и генералов), что необходимо закрепить как в территориальной, так и общей конституциях. Особо прописывались торговые и таможенные льготы для портов Мальдонадо и Колониа, необходимость создания столичного округа (вне Буэнос-Айреса) и республиканская форма правления. Ясно, что правительство «портеньос» не могло не то что согласиться, но даже обсуждать указанные идеи, которые Артигас почерпнул из «Декла-

рации независимости Соединенных Штатов» 1774 г. и применил к известной ему уругвайской реальности. Интересно, что в этом вопросе он также выступил как последователь Мариано Морено, одного из идеологов Майской революции в Буэнос-Айресе, ранее отстраненного от власти консервативными кругами.

Инструкции получили одобрение провинциального конгресса, который также согласился с необходимостью безотлагательно начать формирование муниципальных властей и временного правительства провинции в связи с чрезвычайными условиями на Восточном берегу (достаточно вспомнить, что часть северных территорий и Монтевидео находились под иностранной оккупацией: португальцев и испанцев соответственно). Артигас был назначен военным губернатором и главой муниципального корпуса, Бруно Менéndес — вице-президентом исполнительной ветви власти, а Мигель Баррэйро — ее секретарем. Менендес обратился к ассамблее в Буэнос-Айресе с предложением о сотрудничестве и взаимопомощи, но не получил никакого ответа.

1 июня 1813 г. уругвайские депутаты запросили разрешения присоединиться к работе ассамблеи, в чем им было отказано под предлогом неточности юридических формулировок в их полномочиях (поскольку они, дескать, не избирались на всеобщих выборах, как и Артигас, который не имел формальных прав давать и подписывать инструкции). В действительности «портеньос» просто не хотели начинать дискуссии по таким конфликтным вопросам, как независимость и форма правления.

Аргентинцы попытались созвать на Восточном берегу параллельный конгресс под председательством Рондо, собравшийся 8 декабря в часовне Масиель, недалеко от ставки аргентинского генерала. Артигас также был приглашен, но отказался участвовать, не признав его законность. 28 депутатов отменили все решения законодателей в Трес Крусес, провозгласили союз с Объединенными провинциями и отправили для участия в работе ассамблеи своих представителей. По иронии судьбы конституционное собрание в Буэнос-Айресе отказалось признать их, сославшись на этот раз в качестве предлога на то, что Артигас якобы не подтвердил их полномочия.

Произошедшие события стали последним и главным разочарованием для Артигаса, который убедился, что «портеньос» не были готовы говорить с «ориенталес» на равных. Оставаясь на вторых ролях, он не был уверен, что после взятия Монтевидео город передадут в управление местным властям, а диктат аргентинцев не перейдет в новую оккупацию. Каудильо принял решение покинуть ряды осаждавших, уведя с собой верные ему уругвайские части, что и произошло 20 января 1814 г.

* * *

Направляясь к Такуарембó, где Артигас предполагал разбить лагерь, он в письме к парагвайскому консулу Йёгросу высказал идею о создании Федеральной лиги и предложил заключить военный союз с Асунсьоном. Буэнос-Айрес перешел к решительным мерам: возглавлявшему войска «портеньос» в Энтре-Риос полковнику Холмбергу были даны указания при захвате в плен расстреливать всех командиров повстанцев начиная с Артигаса. 11 февраля Верховный директор Хервасио Посáдас подписал декрет об объявлении уругвайского лидера вне закона. Вину «врагу родины» ставилось нарушение перемирия с Элио и португальцами, связь с парагвайским правительством и неподчинение Сарратеа. За его голову предлагалось вознаграждение в 6 тысяч песо. Все поддерживавшие его также объявлялись предателями и подлежали расстрелу в случае поимки. В дополнение к этому в марте появился другой декрет властей, который превращал Уругвай в интенденсию Объединенных провинций. С учетом этих обстоятельств испанский маршал Вигодет вновь попытался привлечь Артигаса на свою сторону, но опять безуспешно.

Каудильо отправил отряды Риверы и Оторгеса вниз по течению реки Уругвай с целью перерезать коммуникации аргентинцев, а сам направился в прибрежные провинции: Мисьонес, Энтре-Риос и Коррьентес, чтобы поднять их на борьбу с Буэнос-Айресом. В мае к Монтевидео прибыл генерал Альвеар во главе подкреплений в 1500 человек, принявший командование аргентинской армией. В это же время ирландский моряк Вильям (Гильермо) Брáун разбил испанский флот, действовавший в Ла-Плате. Мон-

тевидео капитулировал 20 июня. Еще до этого Альвеар направил письмо Оторгесу с предложением прислать в Монтевидео двух парламентариев, с тем чтобы якобы договориться о передаче города уругвайцам. Однако, когда тот приблизился к городку Лас Пьедрас, ожидая приглашения войти в Монтевидео, он был атакован направленными аргентинцем войсками под командованием Мольдеса. Инсургенты, потерпев поражение, отступили к Канелонесу, где соединились с конницей Риверы. Монтевидео остался, как и предвидел Артигас, под властью «портеньос», губернатором города был назначен Николас Родригес Пенья, которого затем сменил генерал Эстанислао Солёр. Заявив о ликвидации «бандитов» (под которыми подразумевались сторонники Артигаса), последний призвал жителей избрать депутатов в Конституционную ассамблею.

Но федерализм уже набирал силу в прибрежных провинциях. Глава провинции Энтре-Риос Эусебио Эренью еще 22 февраля 1814 г. разгромил войска Холмберга у ручья Эспинильо. Оторгес в низовьях реки Уругвай справился с аргентинскими частями Илариона Кинтаны. В марте Баутиста Менéndес при поддержке местного населения стал во главе правительства провинции Коррьентес. В начале 1814 г. было объявлено о создании Лиги свободных народов. Восставший каудильо контролировал уже все междуречье Уругвая и Параны, собрав на подконтрольной ему территории провинциальный конгресс, который 20 апреля 1814 г. провозгласил независимость федеральной Восточной провинции и назначил ее «Протектором» (защитником) Артигаса.

Понимая, что не сможет подчинить Артигаса силой, директория в Буэнос-Айресе попыталась договориться. В августе был отменен февральский декрет, а Альвеар направил депутатов для заключения мира, пригласив комиссию уругвайцев во главе с Баррейро присутствовать при эвакуации аргентинцев из Монтевидео. Однако войска «портеньос», вместо того чтобы отплыть в Буэнос-Айрес, направились под командованием Мануэля Дорrego в Колония и Сан Хосе, где вскоре (6 октября) разбили отряды Оторгеса в сражении при Мармахá. В ответ в ноябре Ривера рассеял части Альвеара у реки Йи.

Война на Восточном берегу возобновилась. 10 января 1815 г. уругвайцы во главе с Риверой и Лавальехой выиграли решающую битву при Гуаябó, а несколько дней спустя аргентинцы потерпели серьезное поражение в провинции Коррьентес. Совокупность указанных событий обусловила отставку Посадаса, которого на посту Верховного директора сменил Альвеар.

Узнав о готовящейся в Испании карательной экспедиции, которая, как предполагалось, должна была высадиться в Ла-Плате, Альвеар отдал приказ Солеру скрыть крепостные укрепления и покинуть Монтевидео, что и произошло 25 февраля. На следующий день авангард Оторгеса вошел в город, а 28 числа туда прибыл сам Артигас.

Однако каудильо Восточной провинции недолго оставался в родных стенах и вскоре перенес ставку в лагерь Эрвидéро на реке Уругвай, недалеко от городка Сальто, находившегося на границе с провинцией Энтре-Риос. Оторгес остался губернатором Монтевидео, но через несколько месяцев его сменил Баррейро, который попытался реализовать на практике идеи Артигаса о «совместном» управлении. В кабиљдо Монтевидео избирались депутаты не только от районов города, но и из других поселений и сельских районов. Одновременно в ведение столичного городского совета передавались гражданская администрация и управление хозяйственными делами всей территории Восточного берега. В принципе повторялся вариант организации власти, близкий к идеалу первой Правительственной хунты в Буэнос-Айресе, от которого «портеньос» уже отказались. Учреждались таможня, суды, полиция. Проблемы возникли со сбором доходов, чему сам каудильо был рад, так как не стремился облагать налогами свой народ. На этом социальные эксперименты не закончились.

Стремясь к децентрализации, Артигас в мае 1815 г. основал новую столицу на берегу реки Уругвай на границе с Энтре-Риос, которую назвал «Пурификасьóн» (Очищение). Туда из Монтевидео были переселены многие испанцы и их сторонники, что, с одной стороны, изолировало ненадежных граждан в случае вторжения и способствовало заселению неосвоенных районов пампы, с другой. «Это будет место для их очищения», — отмечал каудильо

в письме к столичному кабильдо, полагая, что только сельский труд может облагораживать и быть достойным человека. Пурификасьон стал новым лагерем, откуда Артигас в свойственной ему манере гаучо управлял всей страной, диктуя указы, принимая и отправляя донесения, написанные сидя у костра (в котором постоянно поддерживался огонь и жарилось аса́до) — своего рода штаба, обеденного зала для офицеров и чиновников, а также походной канцелярии одновременно.

Он действительно подавал пример личной скромности. Когда городской совет Монтевидео предложил пенсию в 100 песо его жене, каудильо сократил ее до 50 песо, одновременно запретив отцам города оплачивать учебу своего сына. В мае 1815 г. Артигас приказал властям Монтевидео вернуть налоги, собранные с местных торговцев, оставив только сборы, получаемые от ввоза иностранных товаров. И хотя порты Монтевидео, Мальдонадо и Колониа были открыты для английских купцов, продвигать их товары в глубь страны и торговать ими на местном рынке могли только уругвайцы. Режим жесткой экономии стал национальной политикой. Кабильдо Монтевидео было рекомендовано сократить число служащих и размеры их вознаграждения.

Излагая свою программу соотечественникам, Артигас подчеркивал, что государственная служба не сможет прокормить всех граждан и советовал им воспользоваться объявленной раздачей земель, чтобы обрабатывать их и кормить свои семьи. Правительством предпринимались усилия по колонизации и освоению территорий пампы. В 1815 г. был принят Временный регламент по развитию земледелия, предусматривавший раздел государственных и части помещичьих земель, принадлежавших в основном испанцам. Местным властям предписывалось бесплатно передавать землю в пользование всем желающим, включая индейцев, освобожденных рабов, бедняков, вдов и др., выдавая охранные свидетельства с единственным условием, чтобы в течение двух-трех месяцев на ней были построены ранчо и не менее двух загонов для скота. При этом запрещались продажа и отчуждение угодий, а также их конфискация за долги. Если изначальное условие не выполнялось, земля переходила к другим желающим.

Фактически это была попытка проведения радикальной аграрной реформы, стремление дать землю тем, кто ее обрабатывал, увеличить число мелких землевладельцев, с тем чтобы расширить социальную базу революции. Понятно, что она сразу же вызвала реакцию и отторжение со стороны олигархов, обеспокоенных неожиданным для них поворотом событий.

Будучи стихийным демократом, Артигас отказался от звания генерала и титула «Протектора», предпочитая, чтобы его называли просто «каудильо». В январе 1816 г. всеобщее обучение объявляется обязательным, предпринимается административная реформа. Восточная провинция была поделена на шесть департаментов, каждый во главе с региональным кабилдо. Фактически внутри Уругвая сформировалась федеральная система, которую Артигас предлагал взять за основу при создании союза провинций Рио-де-ла-Платы. Эти усилия проецировались на внешнюю политику.

В первой половине 1815 г. каудильо во главе войск выдвинулся к городу Парана на границе с провинцией Санта-Фе, губернатор которой Диас Велес покинул ее территорию, укрывшись в Буэнос-Айресе. 24 марта Санта-Фе примкнула к провозглашенной 29 июля 1815 г. Федеральной лиге, куда уже входили Восточная провинция, Энтре-Риос, Коррьентес и Мисьонес. Аналогичные события произошли в Кордобе, где «открытое» кабилдо сместило назначенного из Буэнос-Айреса губернатора Окáмпо, назначив на его место сторонника Артигаса. Федеральная лига фактически автономных прибрежных провинций достигла своего наивысшего могущества, что отвечало главной цели Артигаса — доказать жизнь неспособность принципа федерализма вопреки унитаристским устремлениям Буэнос-Айреса.

Верховный директор Альвеар после падения Санта-Фе направил на усмирение отделившихся от Буэнос-Айреса провинций отряд в 1,6 тысячи штыков под командованием Альвареса Тóмаса, который вышел из его подчинения (или симулировал неповиновение) в местечке Фонтесуэлас, отказавшись сражаться с войсками Артигаса. Результатом стало отстранение Альвеара от власти и спасение столицы «портеньос» от вторжения уругвайцев и их союзников. Правительство присвоило Артига-

су титул «Выдающийся и заслуженный правитель», от которого тот отказался. Несколько сторонников Альвеара, выданных ему властями, Артигас отпустил на свободу, заявив, что не является палачом жителей Буэнос-Айреса.

Посчитав, что момент является подходящим, Артигас в конце апреля вновь обратился к правительству «портеньос» с предложением о созыве конгресса для создания союза провинций. Для обсуждения этих вопросов к нему направились делегаты из Буэнос-Айреса: Блас Хосе де Пикó и Франсиско Бруно де Риварóла. Уругваец выдвинул ряд условий, в частности подписать оборонительно-наступательный пакт, вернуть в Монтевидео вывезенное вооружение (3 тысячи ружей и 12 пушек) и финансовые средства (200 тысяч песо), а также поставить инструменты для возделывания земли.

Уполномоченные столичного правительства, в свою очередь, предложили пятнадцать пунктов, подписанных ими в Пайсанду́ 17 июня 1815 г. Среди них фигурировали согласие о признании независимости Восточной провинции, уплата компенсаций, установление мира и оказание помощи в войне с испанцами, предоставление права другим провинциям, прежде всего Коррьентесу и Энтре-Риос, выбрать ту форму правления, которую те сочтут подходящей.

Однако договориться не получилось даже ценой обещанной независимости для Уругвая — Артигас твердо настаивал на конфедерации, особенно с учетом монархических проектов Буэнос-Айреса. Он не собирался оставлять на волю случая судьбу других союзнических провинций и не хотел изоляции «независимого» Уругвая перед угрозой испанского или португальского вторжения. В уругвайском городе Консепсьóн был созван конгресс шести провинций, входивших в Федеральную лигу, принявший решение отправить в Буэнос-Айрес четырех представителей с двумя упрощенными контрпредложениями — об оборонительно-наступательном союзе провинций Рио-де-ла-Платы и частичной компенсации Монтевидео. Реакция была резко отрицательной, депутатов даже посадили под арест. Правительство «портеньос», потеряв надежду изолировать Уругвай от проблем в других про-

винциях, в июле направило в Санта-Фе войска под командованием генерала Виамонте (предлог — «избежать войны» и срыв переговоров по вине «предводителя уругвайцев»), которые заняли территорию провинции, однако затем были разбиты федералами. Виамонте и 26 его офицеров попали в плен, но были отпущены на свободу Артигасом.

В ноябре армия «портеньос» потерпела поражение у Сипе-Сипе в Верхнем Перу, вследствие чего правительство отложило на неопределенный срок выяснение отношений с Уругваем, который оставался в одиночестве перед лицом очередного португальского вторжения.

* * *

Враги окружали Артигаса со всех сторон. В Аргентине к власти пришел выступавший против федерализма Верховный директор Пуэйрредон, который хотя и проводил более осторожную политику, но не отказывался от планов вернуть Уругвай под контроль Буэнос-Айреса. Тукуманский конгресс 1816 г. не определился с формой правления, многие влиятельные лица (включая Сан-Мартина и Пуэйрредона) склонялись к установлению монархии на берегах Ла-Платы.

Священный союз в Европе, в свою очередь, поддержал планы по установлению монархии в Бразилии и созданию единого королевства Португалии и Бразилии.

Одним из инициаторов португальского вторжения в Уругвай был аргентинский посланник в Рио Хосе Мануэль Гарсия, направленный туда Альвеаром с целью прозондировать возможность установления английского протектората, который продолжил свою деятельность и при правительствах Альвареса Тóмаса и Балькарсе. По приказу ставшего королем Объединенного королевства Жуана VI в Бразилию прибыли 5 тысяч португальских солдат-ветеранов, участвовавших в войнах с Наполеоном, усиливших семитысячное бразильское войско, которое возглавил маршал Лекóр.

Пуэйрредон вступил в должность 29 июля. Узнав от министра Та́гле, поддерживавшего связь с Гарсией, о португальском насту-

плении, он запросил мнение членов конгресса, которые предложили направить в Рио двух представителей (Терраду и Иригойена) с просьбой установить португальский протекторат над Объединенными провинциями. Но Верховный директор категорически отказался. Тогда выработали более гибкую формулу: отправить к Лекору полковника Вэдиа с ультиматумом об освобождении оккупированных в Уругвае территорий, угрожая в противном случае оказать помощь Артигасу.

Пуэйрредон оказался в трудном положении, но сумел выйти из него с выгодой для себя. С одной стороны, республика была не готова к военному противостоянию, с другой — необходимые шаги были предприняты, Буэнос-Айрес, претендовавший на роль лидера других провинций, показал решимость и заявил протест, предъявив ультиматум, который, тем не менее, не предполагал немедленного объявления войны. Верховный директор также протестовал, когда конгресс отказался объявить войну Португалии, но удовлетворился объяснениями Лекора о том, что военные действия были предприняты только с целью положить конец анархии на Восточном берегу.

Более того, при таком раскладе хотя и временно, но снималась проблема федерализма в прибрежных провинциях. Оставшись один на один с превосходящими силами португальцев, Артигас — как рассчитывали в правительстве «портеньос» — рано или поздно должен был обратиться за помощью к Буэнос-Айресу, которая была бы предоставлена в обмен на присоединение к Объединенным провинциям в качестве их члена. Однако получилось наоборот. Артигас, перехватив письма, направленные Гарсией из Рио в Буэнос-Айрес, ошибочно посчитал, что автором нападения португальцев был Пуэйрредон. Такое очередное «предательство» окончательно настроило каудильо «ориенталес» против «портеньос». Он принял решение бороться в одиночку.

Его оборонительный план состоял в том, чтобы оставить часть войск на Восточном берегу, которые тревожили бы врага и могли бы перейти на бразильскую территорию с целью перерезать пути снабжения. Для этого в провинции Мисьонес еще в январе 1816 г. были созданы два батальона из индейцев под командова-

нием местного жителя Андресито (Андреса Гуасурари), которому каудильо доверял и которого называл своим «политическим сыном». Непосредственно против португальцев должны были действовать Ривера (1,5 тысячи солдат) и Оторгес (800 всадников). Артигас во главе тысячи бойцов отправился на север, где разбил лагерь у реки Карумбэ. Конечно, эти силы монтонерос явно уступали 12-тысячному корпусу португальцев, составленному из обученных солдат регулярных войск. В августе Лекор захватил крепость Санта Тереза. Артигас ответил рейдом из Мисьонес, выиграв бой у Санта Аны (22 сентября). Однако португальцы быстро перегруппировались и заставили Андресито снять осаду Сан Борхе, который отступил на другой берег реки Уругвай. Через несколько дней индейцы потерпели поражение у Ибиракои, а сам Артигас — у Карумбе (27 октября). Сорвав планы уругвайцев, португальцы взяли под контроль границу на севере и устремились на юг. В ноябре Ривера был разбит в сражении у Индиа Муэрта, а Оторгес отступил дальше к югу. В декабре кабельдо Монтевидео направило делегацию к Пуэйрредону с просьбой о помощи. Аргентинец согласился, но выдвинул условие — Уругвай должен безоговорочно присоединиться к Объединенным провинциям. Предложение было отвергнуто губернатором города Баррейрой, а затем и Артигасом, который начал планировать вторую военную кампанию.

Как и раньше, замысел состоял в том, чтобы углубиться и вести войну на территории противника. Для этой цели был собран отряд в 3,4 тысячи человек, во главе которого стал Андрес Латорре. Артигас прикрывал тылы экспедиции, но удача была на стороне врага, и 3 января 1817 г. каудильо потерпел очередное поражение. Такая же участь постигла и Латорре. Контрнаступление в Бразилии провалилось. На юге Уругвая Баррейро вывел гарнизон из Монтевидео и присоединился к Ривере у Канелонес. Лекор подошел к городу 20 января, кабельдо вышло ему навстречу, назвав «освободителем» и вручив городские ключи. Португальский военачальник объявил свободу торговли, чем привлек к себе некоторые круги местной буржуазии.

Однако репрессии, развязанные португальцами против индейцев в Мисьонес, заставили правительство в Буэнос-Айресе отреа-

гировать. 2 марта Пуэйрредон подписал воззвание, угрожая португальцам ответными мерами, которые, как и раньше, остались на бумаге. Правительство «портеньос» было прежде всего заинтересовано в том, чтобы покончить с федералами. К тому же началось освобождение Чили Андской армией Сан-Мартина, которой постоянно требовались материальные и человеческие ресурсы.

Артигас не сдавался, но ситуация ухудшалась. Не помогли ни атаки выступавших на стороне уругвайцев североамериканских корсаров (которые базировались в Колония и продавали добычу в американском Балтиморе), ни подписанное им соглашение о свободной торговле с англичанами. К концу года усилилось дезертирство. Полковник Баусá и братья Орибе договорились с португальцами, которые пропустили их отряды в Буэнос-Айрес. Артигаса пока поддерживали Ривера, Оторгес, Лавальеха, Мануэль Артигас, Андресито, Франсиско Рамирес (в Энтре-Риос) и Эстанислао Лопес (в Санта-Фе). Видя, что Пуэйрредон готовился к походу в прибрежные провинции, каудильо принял решение объявить войну Буэнос-Айресу. В принципиальном плане количество врагов не имело значения, он все равно сражался в одиночестве.

Войска каудильо Рамиреса были направлены в провинцию Энтре-Риос, где восстановили власть федералов. Андресито повторил успех в Коррьентесе. Артигас задумался над третьей наступательной кампанией.

Приказав Андресито атаковать с территории Мисьонес, каудильо нацелился на бразильскую провинцию Рио Гранде. Однако в июне Андресито попал в плен, был отправлен в Бразилию, где вскоре умер. Артигас, захватив несколько небольших населенных пунктов, ретировался в Уругвай, так как не имел достаточно сил для развития наступления. В плену у португальцев оказались также Лавальеха, Оторгес и Мануэль Артигас. Патриоты испытывали огромные лишения, не хватало одежды, продовольствия, не говоря уже о вооружении. По воспоминаниям очевидцев, солдаты, чтобы не замерзнуть, заворачивались в коровьи шкуры. В ответ на просьбу Риверы прислать оружие Артигас смог отправить ему лишь самодельные пики для всадников.

На протяжении 1819 г. португальцы прочно закрепились в восточных и южных районах Восточной провинции. Артигас предпринял очередную попытку перенести военные действия на территорию противника, направившись к Санта Марии, где 14 декабря ценой невероятных усилий одержал еще одну (последнюю) победу, но вновь был вынужден отступить. Силы были слишком неравными. В январе 1820 г. собранные воедино части оккупационного корпуса нанесли решающее поражение армии патриотов при Такуарембо. Череда поражений не способствовала укреплению популярности каудильо. Артигас в окружении трехсот всадников пересек реку Уругвай, укрывшись в Коррьентесе. В марте Ривера перешел на сторону противника, положив конец вооруженному сопротивлению на территории Восточной провинции.

1 февраля 1820 г. объединенные силы федералов во главе с Рамиресом разгромили армию Рондо, направленную в прибрежные провинции Пуэйрредоном. В результате этих событий последний ушел с поста Верховного директора, укрывшись в Монтевидео. 11 февраля в Буэнос-Айресе были распущены правительство и конгресс, а 16 числа хунта назначила губернатором провинции Сарратеа, который подписал с федералами (каудильос Лопесом и Рамиресом) Пиларский договор, согласившись на все их условия. Была создана федерация из провинций Санта-Фе, Энтре-Риос и Буэнос-Айрес.

Хотя статья 10 указанного соглашения говорила о том, что его копия направлялась Артигасу (который мог присоединиться к нему), в ней не содержалось упоминания о титуле каудильо как «Протекторе свободных народов» (лиги). Он был низведен до уровня генерал-капитана Восточной провинции, т. е. по факту ставился в один ряд с бывшими подчиненными, получившими неограниченные права на управление своими областями (Энтре-Риос и Санта-Фе соответственно). Несмотря на то что договор утверждал в Ла-Плате идеи федерализма, Артигас отказался подписать документ, видя, что он прежде всего отражал не идеал конфедеративного устройства, а личные интересы упомянутых вождей. Кроме вышеуказанного момента исследователи называют еще несколько возможных причин такого отношения.

По-видимому, основной было то, что в нем не говорилось о независимости и совместных действиях по освобождению Восточной провинции, которая оставалась в положении оккупированной португальцами территории. На это Артигас не мог согласиться по фундаментальным соображениям, так как такой подход перечеркивал все годы длительной борьбы уругвайцев, не говоря уже о его собственных усилиях и убеждениях. Возможно, он опасался, что Буэнос-Айрес, несмотря на поражение и используя экономическое и политическое влияние, останется фактической столицей конфедерации, сохранив главенствующую роль, с которой Артигас при его сформировавшемся отношении к верхушке «портеños» также был не в состоянии смириться.

Как бы там ни было, Рамирес, опасаясь потерять персональную власть и превратившись в главного соперника Артигаса, вернулся в Энтре-Риос, готовясь к военным действиям против бывшего командующего и направив к берегам реки Уругвай отряды своего помощника Корреа. Артигас решил дать последний бой. Понимая, что, сражаясь с тремя противниками в условиях изоляции и почти полного отсутствия финансовых и военных ресурсов, он неминуемо окажется проигравшим, каудильо с целью избежать напрасных жертв отказался от помощи индейских кáсиков. Он также отверг предложение американского консула в Монтевидео (с обещаниями личной безопасности и гарантиями привилегий, положенных ему по рангу) об эмиграции в США. Авангард Артигаса под командованием индейца Сити (заменившего Андресито) разбил части Корреа, затем соединенные отряды уругвайцев нанесли поражение основным силам Рамиреса при Лас Гаучас. Но затем ситуация поменялась с точностью до наоборот. Рамирес, на сторону которого перешел Сити, выиграл бой в низовьях Параны, а Сарратеа направил им на подмогу войска из Буэнос-Айреса. Преследуемый со всех сторон, Артигас в сопровождении двухсот оставшихся сторонников 23 сентября 1820 г. прибыл в городок Канделярию, где объявил о намерении укрыться в Парагвае. К тому времени ему исполнилось 56 лет. Перейдя реку Парана, он вручил оружие офицеру парагвайского патруля — символический акт, положивший конец войне в Восточной провинции.

* * *

Ровно 30 лет Артигас прожил в Парагвае: сначала в положении почетного, но опасного пленника, затем — свободным человеком, зарабатывая своим трудом, хотя и находясь под постоянным надзором властей. На протяжении всего указанного периода он оставался одиноким, без друзей, без родственников (не считая посещения на последнем этапе жизни сыном Хосе Мариа), сопровождаемый только одним преданным слугой Ансиной, которого когда-то освободил от рабства.

В первое время диктатор Франсиа поместил Артигаса в монастырь Ла Мерсед, полагая, что получил в свое распоряжение мощное оружие, которым в случае необходимости будет оказывать влияние на португальцев и аргентинцев (угрожая отпустить его на свободу). В то же время Франсиа держал его практически в полной изоляции, отказываясь при этом от личных встреч, на которых настаивал уругваец, с тем чтобы не дать повода врагам обвинить их в сговоре. Постепенно Артигас все же добился перевода в другое место. По приказу диктатора его отправили в ссылку в пуэбло Куругуати (85 лиг к северо-востоку от Асунсьона) под охраной небольшого пикета, так как бежать оттуда можно было только в Бразилию, и то через пустыню. Ему была назначена пенсия размером в 32 песо. Живя на отдаленной ферме, он попросил Франсию разрешить ему заниматься сельским хозяйством, к которому привык с юношеских лет. Сначала диктатор не понял порыва Артигаса и даже выразил готовность увеличить ему субсидию, чтобы тот ни в чем не нуждался, но потом дал согласие. «Гостю» предоставили несколько волов, плуг и другие сельскохозяйственные орудия. Артигас начал обрабатывать землю, разводить скот. Занимаясь любимым делом и используя навыки гаучо, он быстро сделал хозяйство доходным, даже стал помогать бедным крестьянам и другим нуждавшимся. Услышав об этом, Франсиа лишил его пенсии. Так протекло 20 лет.

Артигас знал о происходившем на Восточном берегу: о том, что на время Уругвай превратился в бразильскую провинцию, а затем стал независимым, что Ривера, его бывший подчиненный, перешедший когда-то на сторону врагов, был избран президентом. Од-

нако эти события мало волновали ссыльного землепашца, он был доволен своей судьбой.

Тем не менее после смерти Франции в 1840 г. Артигас вынужден был покинуть Куругуати, поскольку его вновь арестовали и заключили в тюрьму. Каудильо по-прежнему оставался опасным для всех власть имущих на берегах Уругвая, Параны и Ла-Платы, так как его фигура олицетворяла народную вольницу монтерос, состоявшую из непокорных гаучо; крестьян-пеонов, бывших рабов и свободолюбивых индейцев, сплотившихся вокруг своего вождя; федеративную республику, созданную на основе автономии и равенства ее членов. После месяца в одиночной камере его неожиданно вывели на площадь, сняли цепи и объявили свободным (сам Артигас думал, что его расстреляют), но позже поместили обротно в монастырь Реколета.

Через некоторое время консул Карлос Антонио Лопес разрешил ему перебраться в небольшое поместье Игуалú, где Артигас снова занялся сельским трудом. Единственной неприятностью оказалось то, что рядом находилась вилла бразильского посланника. В следующем году консулы Лопес и Роке Алóнсо предложили Артигасу вернуться на родину. Каково же было их изумление, когда 77-летний Артигас попросил разрешения провести остаток дней в Игуалу. Правителям не оставалось ничего другого как согласиться.

В это время в уругвайской прессе с подачи президента Риверы началась кампания в пользу репатриации Артигаса. В Асунсьон был направлен майор Альбйн с соответствующим посланием в адрес парагвайских властей. Когда вестовой вручил его копию бывшему каудильо, он не стал вскрывать конверт, вновь заявив, что хотел бы остаться в Парагвае. Артигас не мог простить предавшего его когда-то Риверу. Он справедливо полагал, что изменивший однажды предаст и вновь.

Пять лет спустя, в 1848 г., Артигаса посетил его сын Хосе Мария, отметивший в своих воспоминаниях, что отец, которому на тот момент уже исполнилось 82 года, по-прежнему обладал хорошим здоровьем, пахал землю и объезжал на коне свои угодья. Так продолжалось до самого конца, т.е. до 23 сентября 1850 г.,

когда сердце Артигаса перестало биться. Ровно тридцать лет, день в день, продолжалась его ссылка в Парагвае. Прах «защитника свободных народов» похоронили в соборе Реколеты, а еще через пять лет перевезли в Монтевидео, где после нескольких перезахоронений поместили в Национальный пантеон, в котором он находится по сей день.

* * *

Судьба распорядилась так, что Артигасу на протяжении всей его освободительной деятельности пришлось бороться со множеством врагов: испанцами, португальцами, властями «портеньос», местными олигархами и своими бывшими подчиненными.

Приняв априори историческую необходимость освобождения Восточной провинции от колонизаторов и иностранных интервентов, он, возможно, вопреки собственным желаниям оказался между двух полюсов освободительной идеологии — между унитариями и федералами, полагая идеи последних более подходящими для отстаивания независимости уругвайского государства. Этих убеждений ему никогда не могла простить элита Буэнос-Айреса, которая, освободившись от гнета испанской империи, желала одного — укрепить свои экономические и финансовые привилегии в качестве центрального города-порта за счет интересов других провинций бывшего вице-королевства. Теперь в роли метрополии, по их мнению, имел право выступать только Буэнос-Айрес. Идеи радикальных мыслителей раннего этапа Майской революции (Мариано Морено) оказались забытыми, как и собственный неудачный опыт навязывания централизма в Верхнем Перу, Парагвае и прибрежных провинциях.

С другой стороны, Артигас, узнавший и принявший по воле судьбы образ жизни простого народа, стремился всеми доступными ему средствами облегчить его участь. Отсюда — попытки дать людям образование, которое, по мнению Артигаса, было неотделимо от воспитания, построенного на морали и патриотизме. За счет радикальной аграрной реформы он хотел наделить их средствами, обеспечивавшими достаток и независимое существование. В пользу такого подхода говорят и отказ от ненужных жертв

во имя славы и политических целей, а также личные качества: самопожертвование, бескорыстие, неприятие интриг, предательства и коррупции.

Безусловно, указанные черты в моральном отношении сделали его равным таким выдающимся историческим личностям, как Симон Боливар и Хосе Франсисико де Сан-Мартин.

Несмотря на разницу в масштабах, они обусловили также идентичность судеб — ранний уход с политической и военной арены под давлением правящих классов креольской аристократии, главным желанием которой было заменить собой иностранных угнетателей и сохранить эксплуатацию народных масс. Как и многие другие герои борьбы за освобождение, Артигас сумел до конца сохранить верность идеалам, не захотев променять честь на материальные блага, которые даже в старости предпочел добывать собственным трудом.

ЧАСТЬ III

ПРОЛОГ: ЧИЛИ¹

После завоевания конкистадором Франсиско Писарро империи Инков он направил своего компаньона Диего де Альмагро разведать земли, лежавшие к югу от инкской столицы Куско. В июле 1535 г. Альмагро выступил в поход во главе отряда из 500 человек, в котором проводником служил брат покоренного Инки Паульо Тупак. Перейдя Анды, Альмагро вышел в долину Копьяпó. Один из его капитанов дошел до реки Майпú, где столкнулся с ожесточенным сопротивлением индейцев, получивших общее название «араукáн». В это время из Лимы с припасами и со снаряжением для экспедиции прибыл корабль «Сантьяги́льо», бросивший якорь в бухте, которую капитан Хуан де Саавéдра назвал Вальпара́йсо. Через два года Альмагро вернулся в Перу, где вступил в борьбу за власть и богатства со своим бывшим соратником, но потерпел поражение и был казнен в 1538 г.

В 1539 г. Писарро предоставил концессию на завоевание этих земель капитану Педро де Вальд́ивии, владевшему «энкомьендой» в провинции Чаркас. В январе следующего года он в компании 12 испанцев и тысячи индейцев выступил из Куско. Его сопровождала отважная женщина, с которой Вальдивию связывали романтические чувства, Инес Суáрес. По дороге к ним примкнули несколько групп конкистадоров-авантюристов, число европейцев

¹ Существуют две основных гипотезы происхождения названия Чили. Первая — на языке перуанских индейцев кéчуа слово *Tchili* (что переводится как «холод», «снег») использовалось для обозначения реки и долины Аконкáгуа, а также всего региона к югу. Вторая — слово происходит от крика местной птицы — болотного трупиала, — которая издает звуки: чи-ли́, чи-ли́.

возросло до 150 человек. Отряд пересек высокогорное плоскогорье — «пўна», пустыню Атакáма и оказался в центральной долине Чили, где 12 февраля 1541 г. на берегах реки Мапóчо Вальдивия основал город Сантьяго.

После получения известия о смерти Писарро он созвал кабиљдо, которое избрало его губернатором нового королевства. В период, когда Вальдивия отлучился на несколько дней проверить работу на золотых приисках, индейцы напали на город, который спасла Инес Суарес. По версии, изложенной в «Декадах» (истории Индии) Антонио Эрреры, она лично обезглавила находившихся в заложниках индейских вождей — «ка́сиков». Воспользовавшись смятением в рядах нападавших, испанцы сумели покинуть Сантьяго. Город был полностью разрушен, но затем восстановлен.

В 1547 г. прибыли подкрепления из Перу, хотя сам Вальдивия отплыл в Лиму². Там вице-король подтвердил его губернаторское звание. На обратном пути в Сантьяго Вальдивия основал Ла Сирену. Во главе отряда из 300 солдат он предпринял поход на юг, заложив колонии Ара́уко, Пénко, Консепсьóн и Тукапéль, а также Империа́ль, Вильяри́ку и Ангóл. В 1552 г. была основана Вальдивия, ставшая затем важнейшим пунктом снабжения испанских судов, следующих из Атлантики в Тихий океан через мыс Горн.

Главной отличительной чертой колониального периода Чили стала имевшая непрерывный характер и носившая собирательное название «Война в Ара́уко». Там сложилась своеобразная военная система колониального феодализма, существовавшая, однако, без насильственных форм закабаления местного населения (за исключением небольшого периода в середине XVII века).

Арауканы не прекращали ожесточенное сопротивление на протяжении трехсот лет, переняв у испанцев тактику конного боя и организовывая постоянные набеги с южного берега реки Бiо-Бiо, региона, который получил название «Арауканiя». Одним из самых сильных племен были индейцы, называвшие себя «мапўче» (что в переводе с их языка «мапудунгўн» означало «люди земли»). Сре-

² По наиболее признанной версии, испанское название города Лима произошло от индейского слова «Рiмак», обозначавшего протекающую там реку.

ди них были удачливые вожди: Ла́утаро, Кауполикáн и другие, нанесшие не одно поражение испанцам. Естественно, ни о каком использовании их труда в форме «энкомьенды» не могло быть и речи, на юге основывались лишь редкие крепости с прилежавшими поселениями. Как правило, они находились на громадном расстоянии друг от друга и охранялись небольшими военными гарнизонами. Их защита и снабжение составляли главную задачу и «головную боль» губернаторов Сантьяго.

После окончания эпохи гражданских конфликтов в Перу вице-короли в Лиме наконец смогли заняться делами Чили, получившей статус генерал-капитанства. В 1558 г. губернатором был назначен Гарсия Уртáдо де Мендóса, продолживший территориальную экспансию. В частности, при нем были основаны города Каньéте, Осóрно, Мендоса (на восточной стороне Анд). Вместе с ним в Чили прибыл Алонсо де Эрсíлья, прославившийся своим историко-поэтическим эпосом под названием «Ла Араукáна». В 1570 г. испанцы заложили важный пограничный город Чилья́н.

В 1565 г. в Сантьяго была создана аудиенсия — высшая судебная инстанция колонии, состоявшая из «оидóров» — королевских юристов и являвшаяся апелляционной палатой в отношении приговоров, выносимых алька́льдами, коррехидóрами³ и губернаторами. Выше стоял только Совет по делам Индий, который часто возлагал на аудиенсии административные и другие функции, например подготовку докладов о деятельности чиновников.

В 1598 г. произошло масштабное восстание индейцев, были разрушены все испанские поселения к югу от Био-Био, включая Вальдивию. Испанцы сумели вернуть утраченные позиции лишь спустя 40 лет, во время губернаторства Алонсо де Рибéры. Не помогли ни указы короля Фелипе IV, обращавшие араукан в рабство (с целью стимулировать конкисту), ни усилия священников, пытавшихся приобщить их к христианству мирными средствами. Интересно,

³ Титул «коррехидóр» в колониях обычно применялся к заместителям, наместникам («теньéнтес») губернаторов, хотя в Америке стройной системы «коррехимиентос» (как провинций в Испании) практически не существовало. Иногда «коррехидорес» назначались королями.

что прибывшие в покинутый форт Алькантара (Вальдивию) португальцы также попытались основать там колонию, но не смогли договориться с арауканами. Очередное крупное восстание случилось в 1653–1655 гг. Индейцы сожгли Чильян, опустошив регион между реками Био-Био и Мауле. В довершение ко всему Консепсьон был разрушен землетрясением. Набеги чередовались с периодами, когда заключались мирные договоры. Встречи с индейскими вождями и обсуждение условий проходили на больших собраниях, называвшихся «парламентом». Одно из соглашений действовало 30 лет (с 1726 по 1766 г.). Тогда 130 вождей присягнули на верность испанскому королю в качестве его свободных вассалов, а испанцы обязались не посягать на их свободу и территории. В 1751 г. Консепсьон и Чильян вновь пострадали от сильного землетрясения. Последняя крупная битва с индейцами произошла в 1770 г., хотя их набеги, особенно со стороны пампы, продолжались еще на протяжении десятилетий, даже после завоевания независимости.

Экономическое развитие колонии определялось следующими обстоятельствами: двойственностью подчинения Испании и вице-королевству Перу, а также ориентированностью на потребности перуанского и местного внутренних рынков. Торговля с метрополией налаживалась медленно, поскольку страна не имела золота или серебра, которых искали испанцы. На севере в Кокимбо на кустарных приисках добывали металлы, главным образом медь. Чили поставляла в соседнее Перу мулов и некоторый инвентарь для использования на горных приисках, а также пшеницу, фрукты, ткани из шерсти ламы, шкуры, вяленое мясо — «чърки». Сельское хозяйство дало импульс росту асьенд, владельцы которых вскоре поделили между собой все свободные земли, включая самые отдаленные уголки, хотя основная масса латифундий сосредоточивалась в центральной долине вокруг столицы Сантьяго и на юге в окрестностях Консепсьона, ставших двумя наиболее значимыми экономическими и политическими центрами. Католическая церковь была одним из крупнейших землевладельцев.

До реки Био-Био туземное население было редким и работало в асьендах в качестве поденщиков — «пебнов-хорналерос». В XVII веке в небольших объемах практиковалось рабство заво-

зимых из Перу и Рио-де-ла-Платы негритянских невольников и взятых в плен индейцев-араукан (в 1683 г. рабство индейцев было отменено королевским указом). В ограниченной форме существовала налоговая «энкомьенда» (особенно в регионе Куйо), когда аборигенам разрешалось работать на стороне, выплачивая энкомендеро ежегодно денежную сумму в 8,5 песо. Это способствовало быстрому внедрению в жизнь колонии товарно-денежных отношений. Большая часть доходов казны расходовалась на содержание войск, строительство крепостей в Араукании и военные операции.

Так продолжалось до тех пор, пока в 1810 г. в генерал-капитанстве Чили, так же как и в Буэнос-Айресе, не произошла креольская революция, положившая конец испанскому колониальному владычеству. Ее наиболее выдающимися представителями стали Бернардо О'Хиггинс Рикельме и Хосе Мигель Каррера, судьбы которых описаны в нижеследующих очерках.

БЕРНАРДО О'ХИГГИНС **Латифундист, генерал,** **государственный деятель** **(20.08.1778 – 24.10.1842)**

Или жить с честью, или погибнуть со славой.

*Из обращения
О'Хиггинса к солдатам*

Понять формирование характера О'Хиггинса невозможно без хотя бы краткого рассказа о его родителях, так как специфические особенности детского и юношеского возраста наложили неизгладимый отпечаток на психологию личности Бернардо, которую нельзя представить без истории взаимоотношений с отцом — ирландцем Амвросио Хиггинсом, посвятившим жизнь достижению

карьерных успехов на службе Испанской империи.

Амвросио родился около 1720 г. на северо-западе Ирландии в местечке Бэллинэри в кельтской семье, которая, как и все жители этих мест, пережила геноцид и дискриминацию, ставшие след-

ствием победы армии Кромвеля, подавившей Великое восстание ирландцев в 1652 г.

Католическое население фактически лишилось земель, что обрекало его на нищету и подчиненное положение. Началась массовая эмиграция, усугубленная голодом, разразившимся в 1741 г. Путь на чужбину был уготован и Амвросио, который в 30-летнем возрасте решил покинуть остров и попытать счастья на континенте. Католики-эмигранты (в те времена их называли «дикие гуси»), традиционно находили новые возможности в католических странах, прежде всего в Испании, особенно если им удавалось доказать дворянское происхождение. Тогда они получали почти что равные права, а их основными занятиями становились военное дело и коммерция.

Амвросио, обладая приличными познаниями в математике, появился в Кадисе в 1751 г. Там он начал работать на торговую компанию «Доуэл», осуществлявшую поставки вина и тканей в Южную Америку. В 1756 г. Хиггинс первый раз отправился за океан с торговой миссией, посетив Буэнос-Айрес, Лиму, Сантьяго, Вальпараисо и Парагвай, где провел три года и обзавелся связями и полезными знакомствами. Не добившись больших успехов на коммерческом поприще, он в 1760 г. вернулся в Кадис и получил испанское гражданство — необходимую предпосылку для любой деятельности в колониях. Возможность вновь направиться в Америку представилась в 1763 г., когда другому ирландцу, инженеру Дж. Гэрланду, приглашенному колониальными властями для строительства укреплений в Вальдивии, понадобился помощник. Хиггинс отправился с ним в должности чертежника. В Сантьяго ему улыбнулась удача, он смог выгодно перекупить и продать партию товаров, положив начало своему состоянию.

Работая на линии границы, Амвросио получил ценный опыт, в том числе и по ведению дел с индейцами-мапуче. Его повторный приезд в Чили в 1769 г. совпал с очередным восстанием коренного населения, и навыки Амвросио очень пригодились местным властям. В течение пяти лет он стал одной из важнейших административных фигур в зоне границы. Несмотря на его попытки перевестись в Лиму или Буэнос-Айрес, вице-король Перу Мануэль де Ама́т держал Амвросио на юге Чили, где поручил обеспе-

чить безопасные пути между Консепсьоном и о. Чилоэ. Началась молниеносная военная карьера ирландца — от капитана до генерала. Он не был разборчив в средствах: ему приписывают устранение некоторых известных вождей — «лónкос» племен мапуче и пеуэ́нчес («людей араукарий») и последовавшую затем казнь исполнителей преступления. Одно время Хиггинс замещал губернатора Консепсьона, выходя напрямую на вышестоявшие власти в Сантьяго и даже самого вице-короля в Лиме, что сыграло не последнюю роль в быстром продвижении по службе.

Набеги индейцев не прекращались. Отражая атаки вождя Каулант́у, он в декабре 1777 г. оказался в усадьбе Паль Паль недалеко от Чильяна (носившего тогда название Сан Бартоломé). Вместе с землевладельцем доном Симоном Рикельме проживала его дочь от первого брака Исабэль. Результатом встречи 56-летнего Амвросио и 18-летней Исабель стал внебрачный сын — «у́ачо» (как презрительно называли бастардов в Чили), которому дали имя Бернардо, получившего крещение в день католического святого Сан Бернардо (20 августа).

Поскольку Хиггинс был, по существу, властителем юга Чили, дон Рикельме, рассчитывавший выгодно пристроить дочь, закрыл глаза на этот мезальянс, ожидая, что обещанный Амвросио брак поможет подняться семье по социальной лестнице. Однако ирландец не был чиновником-бюрократом, привязанным к одному месту, и в скором времени исчез в просторах Араукании, где строил новую крепость и продолжал сражаться с индейцами, не отвечая на пылкие письма своей возлюбленной. Некоторые биографы считают, что он и не собирался жениться на креолке, так как это испортило бы его карьеру. Исабель оказалась в незавидном положении, тем не менее отец быстро нашел ей другого мужа (сорокалетнего вдовца, землемера Феликса Родригеса), что восстанавливало, по понятиям того времени, ее честь, и дал согласие разлучить ребенка с матерью. Через два года у Исабель родилась дочь Роза, которая в дальнейшем сменила фамилию Родригес на О'Хиггинс. Потом у Бернардо появится еще одна неполнородная сестра (Ньёвес) от сожителя матери. Исабель и Бернардо увидятся только через несколько лет.

Несмотря на указанные перипетии, Бернардо не чувствовал себя одиноким или покинутым. Отец через своих адвокатов, Хуана Мартинеса де Рóсаса и Томáса Дельфина, постоянно держал его судьбу в поле зрения. Сначала ребенок жил в доме подруги (или служанки) матери Хуаны Олáте. После смерти Родригеса, оставившего Исабель без средств к существованию, Амвросио (по одной из версий) отправил его к своему другу и бывшему компаньону, богатому португальскому торговцу и землевладельцу Хуану Альбáно в город Тáлька, где Бернардо жил вместе с детьми последнего в течение шести лет, не испытывая каких-либо лишений.

Амвросио продолжал заниматься строительством укреплений в Вальдивии и Талькауáно. Поскольку губернатор Чили был старым и больным человеком, правительство в Мадриде предпочло вести дела непосредственно с инженером, что способствовало быстрому карьерному росту — в 1782 г. Амвросио получил чин бригадного генерала. Удача сопутствовала ирландцу — в 1785 г. умер Дж. Гарланд, завещав соотечественнику свое состояние. Амвросио сразу купил усадьбу Лас Кантрéрас — 20 тысяч гектаров к югу от реки Лáха, эстáнсию (поместье) в Каукéнес, а также остров недалеко от Консепсьона. Через год его назначили губернатором Консепсьона⁴ — он получил формальную власть, которой фактически располагал уже давно.

В 1787 г. после смерти губернатора Чили Амвросио, используя свои связи при мадридском дворе, с помощью министра по делам Индий маркиза де Сонóра добился места главы генерал-капитанства. На пути в Сантьяго он посетил Тальку, где увиделся с Бернардо. В 1788 г. Амвросио решил вернуть девятилетнего сына в Чильян и поместил его в элитный иезуитский колéхио (семинарию благородных араукан), готовивший будущих колониальных чиновников из семей креольской и индейской знати. Там мальчик первый раз в сознательном возрасте увиделся с матерью, у которой в это время случился роман с одним из соседей.

⁴ Территория генерал-капитанства Чили включала в себя два интендантства со столицами в Сантьяго и Консепсьоне.

Интересы молодого Рикельме представлял Дельфин, который в 1790 г. получил инструкции отправить Бернардо в Лиму, но не к отцу, а к одному из его друзей — ирландцу Игнасио Блэйку. Амвросио по-прежнему держал сына на удалении, опасаясь за свою карьеру.

В Лиме Бернардо учился в аристократическом коллегии Сан Карлос. Торибио Родригес де Мендóса — ректор учебного заведения, одновременно священник и профессор университета Сан Маркос, был одним из видных ученых вице-королевства, разделяя идеалы прогресса и просвещения. Одноклассниками Бернардо были многие будущие деятели креольской революции, например президент независимого Перу маркиз Тóрре Та́гле. Вполне возможно, что именно в коллегии юноша начал впитывать в себя передовые идеи того времени.

В 1795 г. Амвросио получил высшую административную и военную должность — был назначен главой одного из самых успешных вице-королевств Испанской империи. Понимая, что ему будет трудно добиться признания со стороны привилегированных слоев «города королей» (как тогда называли Лиму), где еще 30 лет назад торговал тканями на уличных развалах, он озаботился подтверждением в Испании своего дворянского титула — «барона де Бэллинери». Монарх не только подтвердил баронское звание ирландца, но и присвоил ему титул маркиза де Осóрно (в честь города Осорно на юге Чили). С этого времени Амвросио стал употреблять перед фамилией букву О' — ирландскую грамматическую форму, означавшую принадлежность к клану. Как всегда, новоиспеченный вице-король был осторожен, решив послать сына в далекий Кадис на попечение своего старого друга и поверенного в финансовых делах, богатого чилийского торговца Николáса де ла Крус и Баамóнде (графа Ма́уле).

Таким образом, в 1795 г. 17-летний Бернардо оказался в Испании. Опекун принял решение направить его в Англию изучать коммерцию, переведя со счета Амвросио определенную сумму своему торговому агенту в Лондоне. По наиболее признаваемой историками версии, какое-то время Бернардо провел в Католической академии Ричмонда, где в его судьбе произошли два важных события: первая

юношеская любовь с дочерью владельца академии и встреча с венесуэльцем Франсиско де Мирандой, преподававшим в этом учебном заведении математику. В Ричмонде, где он провел три года, платя за обучение 70 фунтов в месяц, Бернардо освоил английский и французский языки, изучал музыку и живопись, занимался фехтованием, ведя образ жизни молодого английского джентльмена. Но обеспеченное существование закончилось в 1798 г., когда возникли финансовые проблемы с агентами, переставшими выплачивать денежное содержание по причине неполучения средств из Кадиса (де ла Крус находился в долгом путешествии в Италии, не особо заботясь о своем подопечном). Бернардо после долгих споров с агентами выбил деньги за два месяца, но вынужден был прервать обучение в академии и переселиться в миссию Неаполитанского королевства, где его приютил священник Морини. У него были еда и крыша над головой, но образование осталось незавершенным.

В этот период Бернардо еще больше сблизился с Мирандой, который разрешил юноше пользоваться своей огромной по тем временам библиотекой (около шести тысяч томов, включавших запрещенные инквизицией работы просветителей). Идея «предтечи американской революции» состояла в том, чтобы распространять идеалы независимости среди возможно большего числа соотечественников. Бернардо оказался одним из них. Естественно, венесуэлец вряд ли мог даже предполагать, с сыном какого должностного лица империи имел дело. У юноши также хватило здравого смысла не посвящать дона Амвросио в детали возникших отношений. Иногда теперь уже бедный студент обедал в компании своего покровителя с известными людьми: российским послом, консулом США, политиками, военными. Без сомнения, там говорилось о планах по освобождению Америки от испанского колониального ига. Повидимому, в этот период началась трансформация мировоззрения Бернардо, который называл Миранду «отцом угнетенных»⁵.

В 1799 г. опекун прислал деньги с указанием возвращаться в Испанию. Миранда воспользовался возможностью передать с учеником письмо сторонникам в Кадисе, где к тому моменту уже

⁵ *Sepúlveda Alfredo*. Bernardo. Ed. B Chile S. A. Santiago de Chile, 2007. P. 83.

действовал организованный им филиал ложи «Большая Встреча Американцев». Думая, что Бернардо вернется в Чили, Миранда также дал ему инструкции и советы по привлечению сподвижников для общего дела. Но фортуна распорядилась по-иному. Отец наконец принял решение о направлении сына на службу в испанскую армию, дав указание де ла Круссу купить патент на чин лейтенанта или капитана. Молодому человеку не оставалось другого выбора, кроме как согласиться, хотя реализовать указанный план не удалось, так как не было ясности с его родословной и документами о рождении. Де ла Крус предложил ему место секретаря в своей конторе.

Поскольку испанские власти никогда не предъявляли Бернардо каких-либо претензий, можно предположить, что он так и не установил связи с группой революционно настроенных соотечественников в Кадисе, хотя и был знаком с некоторыми из них, в частности Хосе Мадариáгой и Хуаном Пáбло Фрétесом.

К тому моменту при дворе испанского монарха уже поползли слухи о связях сына вице-короля Перу с мятежником и вольнодумцем Мирандой, положение Амвросио пошатнулось. Активизировались и его недруги в Америке, которые в связи с почтенным возрастом Амвросио начали претендовать на занимаемый им пост. На фоне новой войны, разразившейся между Англией и Испанией, иметь вице-королем говорившего с акцентом «англичанина» представлялось Мадриду не очень логичным.

Бесцельное нахождение в Кадисе все больше раздражало как Бернардо, так и его опекуна. В апреле 1800 г. юноша поднялся на борт отплывавшего в Буэнос-Айрес судна с надеждой на скорую встречу с матерью и сестрами. Однако фрегат «Конфианса», на котором находился чилиец, был потоплен английскими военными кораблями, а попавшие в плен экипаж и пассажиры были доставлены в Гибралтар, где Бернардо оказался практически без средств к существованию. Пройдя пешком тридцать лиг в потрепанной одежде и без гроша в кармане, ему удалось найти в городе Альхесíрас своего родственника — племянника Амвросио, который ссудил немного денег, которых хватило на то, чтобы добраться до Кадиса. Там он снова оказался в доме де ла Круса. У опекуна возникла идея отправить своего подопечного на родину через Португалию и Рио-

де-Жанейро, но Провидение опять воспрепятствовало этим намерениям — Бернардо заболел желтой лихорадкой, эпидемия которой накрыла Кадис. К нему уже пришел священник, чтобы причастить его, но чилийцу была уготована иная судьба — он выжил.

В июне 1800 г. король освободил Амвросио О'Хиггинса от вице-королевских забот. Не последней причиной такого решения стало предательство кубинца Педро Хосе Кáро, выдавшего испанскому консулу в Гамбурге имена американских заговорщиков, поддерживавших Миранду. Среди них значился и Бернардо Рикельме. После отставки и завершения карьеры у Амвросио исчезла основная причина отказываться от сына и держать его на расстоянии. Находясь в Лиме, 81-летний дон Амвросио, несмотря на крутой нрав и недовольство своим внебрачным отпрыском, чувствуя приближение конца, составил завешание в пользу 23-летнего Бернардо, который вскоре потерял отца, но приобрел наследство и права на фамилию О'Хиггинс (без титулов барона и маркиза). Как только новость достигла Кадиса, сразу появилось много желающих дать в долг богатому землевладельцу.

* * *

Наследник значительного состояния (20 тысяч гектаров и 3 тысячи голов скота) отплыл из Европы в апреле 1802 г., прибыв в Вальпараисо в сентябре того же года. В Сантьяго он остановился в доме еще одного племянника Амвросио — Тóмаса О'Хиггинса, ожидая вступления во владение собственностью. Однако процесс затянулся, сначала по причине процедуры *juicio de residencia* относительно отца, когда королевские контролеры проверяли отошедшего от дел чиновника на отсутствие преступлений и нарушений (в том числе коррупционных) во время правления. Затем потребовалось уладить долги Амвросио с некоторыми кредиторами в Кадисе. Несмотря на эти препятствия, Бернардо, отправившись на юг, наслаждался общением с матерью и сестрой, которых не видел много лет. Только после личного посещения им Лимы в 1804 г. удалось уладить наследственные дела. Бернардо стал крупным латифундистом, получив усадьбу Лас Кантрерас с более чем 400 крестьянами-арендаторами. В 1805 г. он избирается алькальдом Чильяна.

С помощью дяди по линии матери и агрономов-англичан новый хозяин всецело посвятил себя сельскому хозяйству. Дела пошли в гору, в эста́нсии началось производство вина. Через четыре года в поместье был построен новый дом. В характере Бернардо появились черты, свойственные богатому землевладельцу, — он не терпел возражений, проявляя деспотизм, который считал благом для беспрекословно подчинявшихся ему работников-«пеонов». В то же время О'Хиггинс сохранил простоту нравов, принятых в этом приграничном, удаленном от центра политических и культурных событий краю индейцев-араукан. Как и отцу, ему удалось установить хорошие отношения с одним из вождей, которому принадлежали земли, прилегавшие к асьенде. Между 1807 и 1808 гг. в доме появилась маленькая девочка, которую родила одна из служанок-мапуче, ее окрестили Петронíла (Петíта) Родригес, дав фамилию бывшего мужа Исабель. Бернардо так никогда и не признал ее дочерью, хотя прожил с ней всю жизнь.

Одним из его друзей стал бывший адвокат отца — Мартинес де Рóсас, занимавшийся юридической практикой в близлежащем Консепсьоне. Выгодно женившись, он разбогател, олицетворяя не только экономические и финансовые возможности, но и политическую силу новой креольской элиты. Вокруг него сложился кружок — «тертулья» единомышленников, обсуждавших в своей среде как прогрессивные идеи, так и волновавшие их события: положение в Испании, английскую авантюру на берегах Ла-Платы, а затем и начавшиеся в других уголках Америки выступления патриотов. К группе примкнули молодой помещик-креол Бернардо О'Хиггинс и один из будущих героев войны за независимость Рамóн Фрэйре.

В 1808 г. должность губернатора Чили занял один из старших испанских офицеров Гарси́а Карра́ско, который пригласил Мартинеса де Росаса в Сантьяго в качестве помощника. Вскоре советник стал членом городского каби́льдо, однако вынужден был оставить должность и вернуться в Консепсьон из-за возникших разногласий со своим шефом-губернатором и политическими противниками из среды испанцев. Началась реакция против вольнодумства в поддержку прав находившегося в плену у французов испанского монарха. Бернардо и его старший друг опасались ареста, но обошлось.

В 1809 г. произошли восстания в Кйто (Эквадор) и Чукисаке (Верхнем Перу), продолжением которых стала успешная Майская революция 1810 г. в Буэнос-Айресе. Гарсия Карраско совершил большую политическую ошибку, арестовав и отправив в лимские казематы трех уважаемых жителей Сантьяго, выступивших в поддержку перемен. 13 июля 1810 г. сотни горожан, некоторые с оружием, поддержанные пришедшими во главе крестьян-поденщиков из окрестностей столицы землевладельцами, собрались на центральной площади — «плáса майóр», требуя отставки губернатора. 16 числа кабильдо, возглавляемое алькальдом Агустином Эйсагйрре, опасаясь повторения в Сантьяго событий в Буэнос-Айресе, убедило Гарсия Карраско передать власть своему приемнику Матеó де Тóро и Самбрáно, графу Конкйсты, имевшему старший воинский чин, но достигшему уже преклонного возраста (83 года). Консервативные советники графа убеждали кабильдо признать регентство в Кадисе, народ требовал создания местной хунты. На фоне известий о военной экспедиции «портенъос» в Верхнее Перу распускались слухи, что войска восставших повернут на Сантьяго, чтобы свергнуть недостаточно патриотически настроенные власти.

В начале осени Торо и Самбрано наконец решился созвать ассамблею, которая собралась в столице 18 сентября 1810 г., положив начало политическим переменам в генерал-капитанстве Чили. Бернардо О'Хиггинс находился в это время в усадьбе Лас Кантрерас, пытаясь вместе со своим другом, командиром драгун Педро Бенавидесом, мобилизовать провинциальное ополчение на защиту идей независимости и свободы.

Ассамблея сформировала первую в истории Чили хунту, представлявшую интересы испанцев (через королевскую аудиенсию) и зажиточных креолов посредством делегатов от кабильдо. Ее председателем стал все тот же Торо и Самбрано, а одним из членов — Мартинес де Росас, который добился решения о создании милицейского ополчения в южных регионах Чили. Бернардо была предложена должность подполковника отряда в городе Лос Анхелес. На конец 1810 г. назначались выборы в Национальный конгресс, одним из депутатов (субделегатом) которого от округа

Лаха был избран О'Хиггинс. Начало следующего года стало важным этапом в жизни Бернардо — он получил первый политический и военный опыт, хотя и не стал каудильо. Его наставником в военном деле стал ирландец Хуан Маккэна, служивший еще под началом Амвросио.

В конце марта Бернардо покинул усадьбу и направился в Сантьяго; конгресс должен был начать работу в апреле. Как раз в это время в столице произошел мятеж происпански настроенного полковника Томаса Фигероа. Выступление было подавлено, а его предводитель казнен. Все члены хунты подписали приговор. Впервые произошел кровопролитный конфликт между чилийцами, положивший начало политическому размежеванию. Мартинес де Росас ожидал ответных действий от сторонников роялистов.

5 апреля Бернардо прибыл в Сантьяго, который насчитывал в то время около 40 тысяч жителей, и поселился в доме одного из друзей, Хуана Пабло Фретеса, которого знал еще по Кадису. С помощью Мартинеса де Росаса Бернардо вскоре стал членом хунты, возглавив «военный стол». Одним из его актов в новом качестве было направление солдат в южный регион, где собственность землевладельцев оставалась беззащитной.

При выборе депутатов в ассамблею Сантьяго потребовал для себя вдвое большее количество мест. Таким образом, консерваторы-монархисты хотели добиться преимущества над представителями сельских районов, где господствовали более националистические настроения. Бернардо настоял, чтобы кабийльо Лос Анхелеса выступило против указанной инициативы, что привело к его вовлечению во внутривнутриполитическую борьбу.

4 июля, когда ассамблея собралась на первое заседание, глава хунты Мартинес де Росас передал ей властные полномочия. Как и все общество, новая власть разделилась на сторонников короля, которых стали называть «сарацинами», и на патриотов («умеренных» и «ультрас»-радикалов), вынашивавших идеи независимости. Революционерам досталось лишь 13 мандатов из 40-ка. Сарацины вскоре потребовали создания новой хунты, но были вынуждены отказаться от своих планов из-за реакции радикалов, собиравшихся совершить переворот с помощью войск, находив-

шихся под командованием Хуана Хосе Каррера, одного из членов влиятельной креольской семьи (его отец, зажиточный землевладелец Игнасио де ла Каррера, был членом первой хунты), которой суждено было сыграть особую роль в истории страны и судьбе самого О'Хиггинса.

9 августа «умеренные» создали новую хунту. Бернардо не участвовал в этих политических баталиях, так как страдал ревматическим заболеванием и лежал с высокой температурой. Болезнь продлилась несколько месяцев.

Радикалы оказались не у дел, Мартинес де Росас уехал в Консепсьон. «Умеренный» конгресс принял некоторые законодательные акты: о свободе для детей рабов и создании провинции Кокимбо на севере страны.

В это время в политической жизни столицы появился Хосе Мигель Каррера, вернувшийся из Испании, где принимал участие в войне с Наполеоном. 4 сентября братья Каррера при поддержке нескольких столичных частей попытались осуществить переворот, инспирированный семейным кланом Ларраинов. Менее чем за четыре часа большинство в конгрессе перешло на сторону Карреры и санкционировало создание новой хунты, куда вошли радикалы. Одним из ее членов стал Мартинес де Росас.

Мартин де Ларраин, намеревавшийся взять бразды правления в свои руки, очень скоро убедился в том, что Каррера едва ли будет его послушным орудием. В стане победителей обозначились внутренние противоречия.

В ноябре Бернардо получил разрешение конгресса прервать по причине болезни законотворческую деятельность и собирался покинуть Сантьяго, направившись в Лас Кантрерас. Однако в середине месяца братья Каррера инициировали очередные беспорядки, результатом которых стало создание очередной хунты. В нее вошли Хосе Мигель от Сантьяго, Гаспар Марин от Кокимбо и Мартинес де Росас от Консепсьона. Но последний находился на юге, и ему требовался представитель. Выбор пал на О'Хиггинса, в котором Ларраины видели определенный противовес братьям Каррера. Будущий герой войны за независимость Мануэль Родригес стал секретарем по военным делам.

Шаткое равновесие продержалось всего несколько дней. 27 ноября Хосе Мигель Каррера пережил покушение, которым воспользовался, чтобы свести счеты со своими политическими противниками. Кроме Ларраинов под репрессии попали сторонники Мартинеса де Росаса, среди них Хуан Маккена, который был арестован. Бернардо и Марин не согласились с таким развитием событий, их поддержала лишь часть депутатов. Однако Хосе Мигель вывел на центральную площадь два орудия, и парламентарии подчинились. Это был конец конгресса. Так как Бернардо продолжал болеть, то объявил об отъезде из Сантьяго на три месяца (в конце концов, на юге находились закаленные в непрерывных военных кампаниях боеспособные части, лояльные его шефу).

Хунта, созданная в это время в Консепсьоне, предсказуемо выразила поддержку Мартинесу де Росасу и объявила себя противником Карреры, осудив последний переворот в Сантьяго. Поскольку у Карреры в столице были не более двух сотен солдат, он решил сыграть на опережение и предложить югу другую идею — новую хунту из представителей трех провинций. Бернардо должен был довести это предложение до сведения Мартинеса де Росаса. Одновременно Каррера направил в Тальку (находившуюся на пути в Консепсьон) отряд всадников, численность которых вскоре достигла 1200 человек. Хотя в Консепсьоне согласились с планом Карреры, на горизонте замаячили признаки надвигающейся гражданской войны.

К марту 1812 г. в Тальке сосредоточилась армия сторонников Карреры. В свою очередь, Бернардо получил указание создать полк в 1000 штыков. Его основой стали крестьяне-арендаторы из Лас Кантрерас и близлежащих эстансий. 27 апреля состоялась встреча Росаса и Карреры, на ней присутствовал и Бернардо О'Хиггинс. Понимая бесперспективность и пагубность военного столкновения, стороны решили отвести войска в Сантьяго и Консепсьон. Однако юг уступал столице в экономическом плане, и Росас, которого на этот раз не поддержала местная хунта, вскоре потерял власть. Впоследствии он был арестован сторонниками Карреры и выслан в Мендосу, где вскоре умер.

В мае Бернардо опять оказался в Лас Кантрерас, посетив термальные источники в Катильо и стараясь не особо задумываться о будущем.

* * *

Несмотря на то что еще в феврале 1811 г. хунта открыла чилийские порты для свободной торговли, вице-королю Перу Хосе Фернандо де Абаскáлю удалось договориться с североамериканцами, два корабля которых блокировали порт Вальпараисо и фактически лишили чилийцев выхода к морю. Воспользовавшись ситуацией, вице-король отправил на юг морскую экспедицию под командованием Антонио Парéха, которая высадилась на о. Чилоэ в марте 1813 г. Испанские войска, усиленные местным ополчением, в количестве 2 тысяч человек без боя заняли Талькауано. Вскоре капитулировал Консепсьон, кабильдо которого во главе с Педро Бенавэнте заявило о лояльности Абаскалю.

Узнав о произошедших событиях, Бернардо без колебаний принял решение вступить в борьбу с оккупантами. Его отряд, насчитывавший около сотни всадников — «уáсос», вооруженных самодельными деревянными пиками, не выполнил приказ Бенавидеса о самороспуске и вступил в первую стычку с испанцами у реки Лáха, разбив взвод королевских драгун. Далее он направился в Тальку, куда 4 апреля во главе войск патриотов, включавших три дивизии, прибыл Каррера. Первая встреча прошла в дружеском ключе. Бернардо был прикомандирован к первой дивизии под командованием Луиса Карреры. Он рвался в бой. Главнокомандующий произвел О'Хиггинса в полковники и поставил его во главе группы индейцев мапуче с приданными ей несколькими кавалеристами и тремя офицерами (среди них Педро Барренечéа), поручив вести поиск основных сил испанцев, а заодно реквизировать скот в асьендах, расположенных по берегам реки Мáуле, чтобы оставить неприятеля без провианта. Бернардо успешно справился с поставленной задачей. После встречи с Маккенной, который вернулся из ссылки в Мендосе и присоединился к армии патриотов, будучи назначен командиром одной из дивизий, полковник О'Хиггинс получил другое задание и принял участие

в первом серьезном сражении у Йёрбас Буэнас, возглавив кавалерийскую бригаду.

Пареха, столкнувшись с дезертирством отрядов, набранных в Чилоэ и Вальдивии, отступил к Линаресу, а после неудачного столкновения с патриотами у Сан Карлоса пересек реку Ньюбле и продолжил движение на юг к Чильяну. Каррера воспользовался паузой, чтобы вернуть Консепсьон, а Бернардо оказался в Лос Анхелесе недалеко от дома, посетив мать с сестрой в усадьбе Лас Кантрерас, где он снова провел рекрутский набор, выплатив жалование набранному ополчению (в количестве тысячи человек) из собственных средств.

Пятитысячная армия патриотов, сосредоточившись к северу от Чильяна, осадила город. В конце июля была предпринята попытка штурма, однако она не увенчалась успехом из-за несогласованности действий. Первый раз Бернардо (видимо, при поддержке Маккены) отказался выполнять приказы вышестоящего командира (Луиса Карреры). При боевых действиях пострадали многие мирные жители, настроения которых резко изменились в пользу роялистов. Хунта в Сантьяго также выразила недовольство руководством Карреры, который принял решение отойти от города, хотя патриоты ценой больших потерь уже просочились в некоторые кварталы и находились вблизи центральной площади. Ситуация осложнилась еще больше, когда на батарее патриотов взорвался пороховой склад, погибло более сотни солдат, а армия осталась без боеприпасов. 8 августа осада была снята.

Неудача под Чильяном отрицательно сказалась на популярности Хосе Мигеля Карреры, но повысила военный престиж Бернардо О'Хиггинса. Ее следствием также стало повальное дезертирство, от которого страдали обе стороны. Война оставалась делом офицеров и хозяев латифундий. Крестьяне-батраки выполняли волю патронов, ставших командирами. Когда оказалось, что хозяйство края разрушено грабежами и поборами, обе армии остались без средств: платить обещанное жалование было нечем, вооруженные солдаты разбегались по домам, усугубляя разруху разбоем и мародерством. Колониальный порядок с его относи-

тельной и привычной социальной стабильностью перестал существовать.

Усадьба Лас Кантрерас была сожжена испанцами. Исабель, Роза и Ньевес отправились на поиски Бернардо, который сражался севернее Лос Анхелеса с отрядами роялиста Элореаги, но попали в плен. Тем не менее к дамам относились с должным почтением, намереваясь использовать их в дальнейшем.

В столичной хунте власть консолидировалась в руках Мигеля Инфáнте, «умеренного» патриота, не испытывавшего теплых чувств к находившемуся в Концепсьоне Каррере и считавшего его неспособным военачальником. Для исправления ситуации последнему не оставалось ничего другого, как повторить попытку взять Чильян. 16 октября отряды патриотов сосредоточились у брода Эль Рóбле через реку Итáта. На следующий день с утра испанцы перешли водную преграду и потеснили части под командованием Карреры, который чуть не попал в плен и был вынужден спастись бегством. Бернардо, напротив, продолжил сопротивление, окопавшись у подножия небольшой сопки и отбивая атаки врага. Современники свидетельствуют, что именно здесь он произнес страстную речь, обращенную к солдатам, призывая их «жить с честью или умереть со славой»⁶. Бой стал переломным рубежом в военной карьере О'Хиггинса, а сказанные им слова превратили Бернардо из военного лидера в национального героя, которого так не хватало чилийцам.

Прибывший в Тальку Инфáнте отстранил Карреру от командования под предлогом того, что вся военная власть якобы сконцентрировалась в руках представителей одной семьи. Бернардо в это время был занят освобождением пленниц, которых обменяли с помощью Карреры, ранее арестовавшего в Концепсьоне жену одного из предводителей роялистов полковника Сáнчеса.

В ноябре Каррера сообщил хунте, что он с братьями готов сложить командование. С подачи Маккены Инфáнте предложил О'Хиггину стать главой освободительной армии юга. Однако каби́льдо Концепсьона, соперничавшее с Сантьяго, поддержало

⁶ *Sepúlveda Alfredo*. Bernardo. Ed. B Chile S. A. Santiago de Chile, 2007. P. 210.

Карреру. Глава хунты, в свою очередь, произвел Бернардо в бригадные генералы и передал в его подчинение дивизию в 1,5 тысячи человек, набранную в центральной части страны и сосредоточенную в Тальке. Каррера, скрепя зубами, подчинился решению властей, хотя фактически оставался командующим, находясь в Консепсьоне, где его поддерживала половина гарнизона.

Хотя Бернардо не собирался идти в политику, пост командующего по определению был политической должностью. В начале февраля он прибыл в Консепсьон, где формально принял у Карреры командование войсками, занявшись заготовкой фуража. Отношения между двумя военачальниками неизбежно обострились, хотя по началу Бернардо проявил лояльность к бывшему шефу, будучи благодарен ему за освобождение матери и сестер. В свою очередь, Каррера относился к нему скорее как к неопытному новичку, волею обстоятельств получившему высокое назначение, однако не представлявшему реальной угрозы для опытного каудильо. В действительности же существовало двоевластие, пока братья Каррера не оказались вынужденными покинуть город, где по отношению к ним сложилась сильная оппозиция из репрессированных ими ранее испанцев и сторонников старого режима. По пути они были захвачены отрядом неприятеля недалеко от городка Пénко.

Из Лимы в это время прибыли новые подкрепления во главе с опытным генералом Габíно Гайнсой, участвовавшим еще в 1784 г. в подавлении восстания Хосе Габриэля Кондоркánки в Перу. Военным аудитором у него служил испанец Хосе Антонио Родригес Альдéа, которому предстояло спустя годы сыграть неприглядную роль в судьбе республики и самого Бернардо О'Хиггинса. Высадившись в Талькауано, роялисты выдвинулись к Чильяну, где соединились с войсками полковника Санчеса. Генерал Эллореага взял Тальку, перерезав коммуникации со столицей, в итоге хунта во главе с Инфанте потеряла власть. Единоличным Верховным директором был назначен Франсиско де ла Лáстра.

Маккена с остатками дивизии стоял под Мембрильёром, предлагая Бернардо объединить силы. Получив в свои руки (после отъезда Карреры) бразды правления, О'Хиггинс наконец

в феврале 1814 г. смог покинуть Консепсьон и выдвинуться на соединение с Маккенной. Однако Гаинса первым форсировал реку и атаковал патриотов. Из-за дождей, сделавших ее непроходимой, Бернардо не был в состоянии помочь соратнику, отбившему наступление ценой больших потерь и обвинившему своего коллегу если не в предательстве, то в бездействии. Как бы там ни было, чилийская армия начала отход к столице, прикрывая ее с юга от преследовавшего противника и ожидая подкреплений, направленных Ластрой под командованием аргентинца Бланко Эскалада, который был разбит испанцами у местечка Кáнча Райáда. Бернардо, перейдя реку Мауле и обойдя Тальку, остановился в усадьбе Кэчерéгуас, в окрестностях которой произошло очередное столкновение с роялистами, закончившееся на этот раз без видимого преимущества сторон. Хотя испанский главнокомандующий овладел Консепсьоном и Талькауано, а также контролировал Тальку, его силы были на исходе, так как отряды южан не хотели двигаться дальше на север, утверждая, что выполнили свой долг перед королем и уже освободили район границы.

Пока на юге велись бои местного значения, Ластра через посредничество английского капитана Джеймса Хильяра (Англия в тот момент выступала как союзница Испании в войне с Наполеоном) установил контакты с вице-королем Перу Абаскалем. Поскольку сила была на стороне последнего, чилийские власти договорились об условиях перемирия. Англичанин совместно с уполномоченным правительства выехал в Тальку, где провел переговоры с воюющими сторонами. В начале мая был подписан Ликра́йский договор. Его главные итоги: роялисты обязались покинуть юг Чили, патриоты — направить представителей в испанские Кортéсы для участия в работе над конституцией. Документ не удовлетворял ни одного из подписантов и поэтому остался лишь на бумаге, хотя на некоторое время военные действия прекратились. В Сантьяго был поднят оранжево-желтый королевский флаг, испанцы оставили Тальку, куда вошли солдаты О'Хиггинса.

Родригес Альдеа имел все козыри в рукаве. В Чильяне среди плененных находились Луис и Хосе Мигель Каррера, которых по ус-

ловиям соглашения было решено отправить в Талькауано и далее в Вальпараисо, где они находились бы в качестве заложников, гарантируя перемирие. Сменив статус и сняв оковы, братья, заняв денег у жены интенданта, тут же по совету Родригеса Альдеа совершили побег и через несколько дней прибыли в Тальку. Бернардо не мог ничего поделаться и предложил беглецам переночевать в его доме (они все еще соблюдали приличия), так как многие офицеры были настроены крайне враждебно к бывшему командующему. Каррере грозила бóльшая опасность среди своих, чем среди чужих. На следующий день он покинул город.

У Бернардо сразу начались трения с властями в Сантьяго: Гаинса всячески оттягивал эвакуацию, не скрывая приготовлений к разрыву соглашения, а Ластра не давал приказа возобновить боевые действия, поскольку в Сантьяго было много влиятельных людей, уставших от войны и надеявшихся на восстановление порядка. Парадоксально, но цели Бернардо и Хосе Мигеля опять совпали, несмотря на уже прочно установившиеся между ними неприязненные отношения.

О'Хиггинс направил к Гаинсе парламентариев (среди них адвоката Мануэля Саньярту) с требованием ускорить вывод войск, но получил саркастический ответ, что тот не может заставить природу изменить свой календарь. Прошел июль, и все оставалось по-прежнему, за исключением того, что к Бернардо присоединились мать и сестры.

Неожиданно пришло сообщение, что главой правительства в Сантьяго снова стал Хосе Мигель Каррера. Ластра был свергнут 23 июля, Ликрайский договор — аннулирован. О'Хиггинс поначалу не принял переворот и начал готовить армию в количестве 1,6 тысячи штыков к наступлению на столицу, которое началось 7 августа. Около городка Сан Бернардо путь ему преградил Луис Каррера, у которого было 1,2 тысячи человек. После стычки у Трех Ручьев, в которой наступающие потеряли порядка 20 бойцов, Бернардо отошел за реку Майпо. Здесь он получил известие, что в Талькауано высадился генерал Мариано Осóрио, ставший во главе пятитысячной армии с твердым намерением выполнить приказ Абаскаля и навсегда положить конец беспорядкам в ге-

нерал-капитанстве Чили. Узнав о событии, Бернардо, исходя из патриотических побуждений, предложил Каррере объединить усилия для того, чтобы сделать «подарок родине»⁷ и отразить испанское вторжение. В конце концов, это было как в интересах страны, так и обоих военачальников.

О'Хиггинс и Каррера встретились 2 сентября в местечке Калэра де Тánго, договорившись в ходе шестичасовых переговоров о совместных действиях. Чилийцы отвергли ультиматум испанского генерала, хотя их объединенные силы едва достигали 3 тысяч человек, сведенных в три дивизии под командованием Бернардо и братьев Хуана Хосе и Хосе Мигеля. Хунта во главе с Каррерой ввела драконовские меры. «Годос» — испанцев обложили новым налогом, многие попали в тюрьмы. Не лучшая участь ждала и благонадежных граждан, а также дезертиров и колеблющихся. Перешедший на сторону реалистов бывший секретарь О'Хиггинса (Мануэль Вега) предложил ему возглавить происпанское правительство в Консепсьоне, но Бернардо решительно отказался. После долгих споров было решено встретить неприятеля у города Ранкагуа. 1 октября Осорио перешел реку Качапоаль и вступил в бой с отрядами Бернардо на городской окраине. Это дало время дивизии Хуана Хосе окопаться в центре. Солдаты, отступавшие под натиском авангарда испанцев (батальона Талавера под командованием Мануэля Марóто), попали под «дружественный огонь» и рассеялись. Королевские войска атаковали площадь с трех сторон, сойдясь в рукопашной. Бой был жестокий и положил начало сражению, которое получило название «катастрофа под Ранкагуа». К ночи стало ясно, что отстоять город без подхода третьей дивизии, находившейся чуть дальше к северу у деревни Гранерос, нереально. К Хосе Мигелю был послан вестовой с целью согласовать совместные действия. Замысел состоял в том, что удар свежих сил отвлечет на себя войска роялистов, чем должны были воспользоваться патриоты и покинуть город.

⁷ *López-Spínola M. Lourdes-Díaz. Bernardo O'Higgins el padre de la patria chilena. Ed. Anaya S.A. Madrid, 2008.*

Утром следующего дня началась реализация плана: на севере показались обещанные подкрепления, наперерез которым вышли испанцы. То, что произошло потом, с трудом поддается объяснению — Каррера после трехчасовой перестрелки отдал приказ об отступлении, объяснив его отсутствием боеприпасов для продолжения боя и якобы бездействием осажденных в городе патриотов, что привело его к мысли об их капитуляции. Как бы там ни было, это стало началом конца. Бернардо так никогда и не смог простить Каррере этого, мягко говоря, странного маневра. Между ними произошло окончательное размежевание, перешедшее со временем во взаимную ненависть.

О'Хиггину удалось ценой больших потерь вырваться из города. 3 октября он прибыл в Сантьяго, где уже находился Каррера. Объяснения на повышенных тонах не сгладили противоречий, каждый доказывал свою правоту. Из столицы начался исход беженцев, которые уходили неорганизованно, бросая скарб и неся на руках детей. Бернардо вместе с матерью, сестрой и группой из 200 офицеров и солдат (среди них Рамон Фрэйре) двинулись на восток в Анды, стремясь пройти по перевалам на аргентинскую территорию. Каррера уговаривал лояльных ему военных (около тысячи человек) отступить на север в Кокимбо и продолжить борьбу, но в итоге вынужден был последовать за Бернардо. 4 октября Осорио вошел в Сантьяго. Больше недели потребовалось беглецам, чтобы преодолеть нелегкий путь через горы. 16 числа на подступах к Мендосе их встретил губернатор провинции Куйо Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы генерал Хосе Франсиско де Сан-Мартин.

Закончился первый этап борьбы за независимость Чили, которую историки называли периодом «Пáтриа Вьéха» (Старая Родина). Бернардо О'Хиггинс, прошедший за 12 лет путь от богатого помещика-латифундиста, жившего на окраине испанской колонии, до генерала патриотической армии, оборонявшей столицу от войск перуанского вице-короля, состоялся как военачальник и политическая фигура, противопоставив себя другому вождю чилийской нации — Хосе Мигелю Каррере. С этого момента вражда О'Хиггинса с кланом Карреры приобрела открытый характер.

* * *

Чилийская иммиграция представляла большую проблему для провинции Куйо и ее губернатора не только потому, что количество пришедших иностранных солдат превышало численность аргентинских войск, но также по причине противоречий, возникших между сторонниками О'Хиггинса и Карреры. Отзвуки раздоров между чилийцами давно доходили до Мендосы, в которой обосновались высланные из Чили Хуан Маккена и другие сподвижники главы прежней хунты Мигеля Инфанте, сумевшие восстановить общественное мнение против «карреристов».

Сан-Мартин встретился с Бернардо в Вильявисенсио, где поручил ему организовать пикеты, чтобы хоть как-то контролировать неуправляемый людской поток, несший в себе элементы дезорганизации, неподчинения и анархии. С Каррерой встреча произошла несколько позже в местечке Успальята. Чилиец сразу повел себя высокомерно, давая понять, что являлся главой дружественного правительства в изгнании, рассматривая Сан-Мартина всего лишь как представителя властей в Буэнос-Айресе. Ситуация усугублялась тем, что Сан-Мартин, узнав, что из столичной казны в Сантьяго была вывезена большая сумма денег (около 1 млн песо), приказал осматривать багаж беженцев. И хотя эти слухи не подтвердились, категоричный отказ Карреры и его окружения предоставить вещи к досмотру на границе вызвал еще большее напряжение в отношениях. Дальше все покатилось как снежный ком. Каррера вошел в Мендосу во главе построенного в колонну отряда почти как завоеватель, явно провоцируя губернатора, который вынужден был ее окружить и под угрозой применения оружия заставить отказаться от дальнейшего марша. Когда Каррера отказался передать командование аргентинцу Маркосу Балькарсе, также сражавшемуся в Чили против роялистов, Сан-Мартин «разрешил» чилийцу направиться в другой город провинции — Сан Луис, по существу выдворяя его из Мендосы. Однако сделать это было не так просто. Каррера и его солдаты в количестве 600 человек заняли район Ла Каридад, назвав его «маленьким Сантьяго», где попытались установить свои порядки, фактически не подчиняясь местным властям,

устраивая оргии, стычки и скандалы с населением. Сан-Мартин отправил Хуана Маккену в столицу, прося подкреплений. Каррера, в свою очередь, послал в Буэнос-Айрес преданного ему офицера Хосе Мария Бенавенте, поручив тому изложить свою версию событий и озвучить чилийские претензии.

К концу октября Сан-Мартин сосредоточил в Мендосе военные силы провинции, достигшие к тому времени тысячи штыков, к которым присоединились пришедший из Чили отряд аргентинских добровольцев под командованием Лас Эраса и группа лояльных О'Хиггину и Маккене чилийских военных в количестве 60–70 человек, на которых губернатор мог опереться. 30 числа войска окружили штаб-квартиру Карреры, принудив его к сдаче. «Карреристы» были отправлены в Сан Луис дожидаться распоряжений из Буэнос-Айреса об их дальнейшей судьбе.

В декабре 1814 г. Бернардо направился в Буэнос-Айрес в качестве посланника Сан Мартина, так как действовавший там в данном качестве полковник Хуан Маккена был убит на дуэли с Луисом Каррерой. Эта абсурдная гибель стала большой потерей для группы чилийских патриотов, поддержавших О'Хиггинса и видевших в фигуре Маккены одного из патриархов чилийской революции, соратника Мартинеса де Росаса и убежденного противника блока Карреры. Бернардо в столицу «портеньос» сопровождали мать и сестра. Там он встретил старых знакомых по Кадису: Хуана Пабло Фретеса, бывшего губернатора провинции Куйо Хуана Флоренсио Терраду, которые помогли ему выполнить порученную миссию — заручиться поддержкой действий Сан-Мартина у властей Объединенных провинций.

Поначалу события препятствовали реализации задуманного — после отставки Хервасио Посадаса к власти пришел его племянник Карлос Мария де Альвеар, у которого сложились отношения взаимопонимания и симпатии с Хосе Мигелем Каррерой. Более того, новый Верховный директор хотел подчинить себе находившиеся в Куйо войска, для чего даже направил в Мендосу нового губернатора. Однако этому плану воспротивился городской совет, и Сан-Мартин продолжил деятельность на посту главы провинции.

После того как правительство в Буэнос-Айресе возглавил Альварес Тóмас, положение дел улучшилось. Каррера представил исполнявшему обязанности Верховного директора Объединенных провинций план освобождения Чили, включавший в себя переход горных кордильер, захват Кокимбо и дальнейшее освобождение Сантьяго. То же самое сделал и Бернардо, его замысел включал наступление на трех направлениях: Лос Анхелес, Тальку и Кокимбо с выходом на Сантьяго. Сан-Мартин отверг оба варианта, он ставил во главу угла подготовку Андской армии, считая распыление сил неуместным.

Бернардо через посредничество друзей, а также Балькарсе и Пáсо познакомился с Альваресом Томасом и в 1815 г. вступил в ложу «Лаутаро», что расширило его влияние в столице. Попытка сторонников Карреры организовать «освободительную» экспедицию к берегам Чили (в которой участвовали Гильермо Браун, Рамон Фрэйре, Пабло Вáргас и француз Ипóлито Бушáр) из-за недостатка средств не вышла за рамки корсарского рейда и не имела серьезных результатов. Не принесли их и действия самого Карреры, отбывшего в США, чтобы с помощью своего друга Пóйнсетта, бывшего американского консула в Чили, постараться усилить морские возможности патриотов путем покупки новых судов. В условиях взаимопонимания, сложившегося у Сан-Мартина и его представителя с правительством Альвареса Томаса, все «побочные» планы освобождения Чили рассматривались как второстепенные и были обречены на неудачу.

В начале 1816 г. Бернардо вернулся в Мендосу, где принял участие в подготовке войск в лагере Плюмерильо и формировании чилийских частей для Андской армии. Власти в Буэнос-Айресе признали за ним воинское звание бригадира, присвоенное в Чили. К этому времени относится зарождение его личной дружбы с Сан-Мartiном и его семьей. Исабель и Роза познакомились с женой губернатора Ремéдиос Эскалáда, с которой проводили вместе свободное время, особенно после рождения у генерала дочери Мерсéдес. Несколько раз Сан-Мартин, отлучаясь из города, оставлял О'Хиггинса в качестве своего заместителя. Первый раз чилиец мог наблюдать подготовку профессиональной армии

и усваивать тактику и стратегию ее применения, учась у кадровых офицеров: Сан-Мартина, Мигеля Эстанислао Солера, Илариона Кинтаны и других.

5 мая 1816 г. на конгрессе в Тукумане следующим Верховным директором Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы был избран Хуан Мартин де Пуэйрредон. После его личной встречи с Сан-Мartiном выкристаллизовались и обрели конкретные очертания их дальнейшие планы — освобождение Чили, намеченное на начало 1817 г., с последующей морской экспедицией в Перу. Однако братья Луис и Хуан Хосе Каррера, находясь в Буэнос-Айресе, будоражили общественное мнение, утверждая, что поход Андской армии закончится присоединением Чили к Объединенным провинциям. Они ждали возвращения из США Хосе Мигеля, чтобы перейти к активным действиям, направленным против планов Сан-Мартина и О'Хиггинса.

9 января 1817 г. Освободительная армия начала переход через Анды. 20 числа Бернардо покинул Мендосу во главе второй колонны (первой командовал Солер) главных сил патриотов, двигавшихся через перевал Лос Патос под руководством Сан-Мартина. Хуан Грегорио Лас Эрас возглавил вторую дивизию, шедшую через Успальяту. Рамон Фрейре пересек горы южнее в направлении на Тальку. У Бернардо не сложились отношения с Солером, между ними установился дух соперничества, проявившийся в полной мере на поле сражения. Но были и хорошие новости — из Буэнос-Айреса пришло известие о том, что власти Рио-де-ла-Платы не возражали, чтобы будущее правительство Чили возглавил О'Хиггинс, так как Сан-Мартин предполагал сосредоточиться на военных вопросах подготовки перуанской экспедиции.

В конце первой декады февраля Бернардо снова был в Чили. 12 февраля он принял участие в решающей битве при Чакабүко, положившей конец испанской реконкисте и открывшей новый период в истории страны, получивший название «Пáтрия Нуэва» (Новая Родина). Охваченный эмоциями и желанием сразиться с врагом, он в нарушение диспозиции, утвержденной Сан-Мartiном, не стал дожидаться подхода частей Солера и вступил в бой с превосходящими силами неприятеля, чем поставил под

удар успех сражения. К счастью, усилиями других военачальников Освободительной армии, в частности Рудесиндо Альварáдо и Мариано Паскуáля Некочéа, ситуацию удалось выправить. Командующий испанской армией генерал Марко́ де Понт оставил Сантьяго, но был схвачен и попал в плен в окрестностях Вальпараисо. 14 февраля патриоты вошли в столицу. На следующий день кабильдо предложило Сан-Мартину занять пост Верховного директора Чили, но аргентинский генерал сразу и категорически отказался. 16 числа Бернардо О'Хиггинс принес присягу в качестве временного главы нового государства.

Постепенно всеобщее восхищение освободителями сменилось нарастающей напряженностью между чилийцами и аргентинцами. Как и в других случаях, население стало тяготиться находившимися на территории страны иностранными войсками, которых надо было кормить и содержать, тем более что они не были задействованы для борьбы с остававшимися на юге испанскими гарнизонами. Масло в огонь подлили начавшиеся репрессии против сторонников вице-короля, в частности высылка из Чили архиепископа Сантьяго. На испанцев и их сторонников обрушились конфискации и контрибуции, что вызывало отторжение в кругах связанной с ними креольской буржуазии и аристократии.

Сразу после Чакабуко Сан-Мартин поспешил в Буэнос-Айрес, чтобы договориться с Пуэйрредоном о последующих действиях: покупке судов и финансировании запланированного перуанского похода. Коммерсант Мануэль Агíрре был отправлен в США с задачей заказать постройку или приобрести корабли для чилийской эскадры. В это же время в Буэнос-Айрес вернулся Хосе Мигель Каррера, которому удалось зафрахтовать несколько американских судов. Используя их, он с группой соратников надеялся высадиться в Чили, где у него было много последователей, и отстранить от власти О'Хиггинса. Верховный директор Пуэйрредон, поддерживавший планы Сан-Мартина и Бернардо, не мог допустить такого развития событий. Он предложил чилийцу переуступить суда и даже выплачивать ему небольшую пенсию, чтобы тот не возвращался в Чили. Но Каррера не стал

отказываться от своих намерений. С помощью одного из капитанов он решил самовольно покинуть порт Буэнос-Айреса, но был арестован, хотя спустя некоторое время ему удалось бежать в Монтевидео.

Многие в Сантьяго, включая клан Ларраинов, бывших союзников Мартинеса де Росаса, теперь смотрели на О'Хиггинса как на иностранца, выполнявшего волю членов Лауторианской ложи, главным образом — аргентинцев. Война на юге продолжалась усилиями Рамона Фрейре и Грегорио Лас Эраса, соперничавших между собой и сражавшихся с новым предводителем испанцев, генералом Ордоньесом, которого поддерживали индейцы-мапуче. Лас Эрас занял Консепсьон, но Ордоньес укрепился в Талькауано. Бернардо получил согласие лауторианцев возглавить осаду города-порта. Исполнять обязанности Верховного директора остался Иларион Кинтана. Хотя ему помогали чилийцы: военный министр Хосе Игнасио Сентено и министр внутренних дел Мигель Саньярту, назначение аргентинца вызвало новую волну недовольства горожан и напряженность в отношениях между союзниками.

Во главе 800 солдат Бернардо отправился на юг. Быстрому продвижению мешали зимняя непогода и необходимость восстанавливать республиканскую администрацию в находившихся по пути следования населенных пунктах. В мае он взял Чильян, а в самый разгар зимы 1817 г. началась осада Талькауано, которая столкнулась с большими трудностями. Испанцы, укрывшись в крепости, регулярно получали подкрепления морским путем, а войска патриотов испытывали острый недостаток снабжения и вооружений, находясь в чистом поле и страдая от непогоды — холода и постоянных дождей. Бернардо предпринял попытку взять крепость, но потерпел неудачу, которую не смогли компенсировать успехи Фрейре, развернувшего операции против реалистов в Арауко. Военные дела шли ни шатко ни валко, хотя существование О'Хиггинса скрашивала красивая женщина Росарио Пуга и Видаурре, одна из дальних родственниц его второй сестры, порвавшая из-за чувств к Бернардо со своим супругом, жившим в Чильяне.

В Лиме в это время готовились к отплытию в Чили свежие силы испанцев во главе со старым знакомым Бернардо генералом Мариано Осорио. Сан-Мартин, вернувшийся из Аргентины, предложил О'Хиггинсу оставить Консепсьон. Чилиец в канун нового, 1818 г. выдвинулся по направлению к реке Мауле, где рассчитывал соединиться с основной группировкой Объединенной армии патриотов. Эвакуация Консепсьона повлекла за собой массовый исход его жителей, которые бросали жилье, имущество, двигаясь вслед за армией, спасаясь от мести испанцев и оставляя за собой «выжженную землю». В середине января Бернардо остановился в Тальке, хотя массы беженцев продолжили движение по направлению к Сантьяго, Мелипилье и Кильоте. Осорио следовал по пятам.

В этих сложных условиях О'Хиггинс для поднятия морального духа решил осуществить символический акт — провозгласить независимость Чили. Он лично редактировал текст проекта декларации, убрав из нее все выпады против Испании, ссылки на признание господства католической религии в пользу веротерпимости, а также настоял на включении в документ записи о независимости не только от испанской монархии, но «и от любого другого государства». Этим он несколько успокоил опасения сограждан, говоривших о возможной аннексии Чили со стороны Объединенных провинций, тем более что многие среди руководителей соседней страны не исключали возможности монархической организации власти.

Церемония состоялась 12 февраля 1818 г. на центральной площади Сантьяго, а также в Тальке ровно через год после победы при Чакабуко.

Осорио медленно продвигался на север, в конце февраля он перешел Мауле, направляясь в сторону Курико, но был вынужден повернуть назад. Первое столкновение произошло 19 марта недалеко от Тальки у Канча Райада, где патриоты и роялисты уже сражались в период «Патриа Вьеха». Испанцы неожиданно приняли ночное наступление и добились успеха, рассеяв отступившую в беспорядке дивизию О'Хиггинса. Чилийский генерал, оказывая героическое сопротивление в арьергарде и прикрывая

отход, получил довольно тяжелое ранение в руку, но остался в строю и сумел избежать плена. Внезапная атака не закончилась катастрофой только потому, что Лас Эрас по приказу Сан-Мартина смог отвести основные силы Объединенной армии на безопасное расстояние, и они перегруппировались в районе городка Сан Фернандо.

В Сантьяго между тем царил настоящая паника, население готовилось к повторному бегству в Мендосу. Бывший сторонник Карреры, поддержавший затем Сан-Мартина и воевавший в Андской армии, Мануэль Родригес, воспользовавшись неразберихой, освободил из тюрем «карьеристов» и создал воинскую часть для защиты города от испанцев, назвав ее «гусары смерти», что должно было символизировать их готовность сражаться до конца. Естественно, ни Сан-Мартин, ни О'Хиггинс не были готовы терпеть соперничавшее с официальными властями военное формирование.

24 числа раненый Бернардо с трудом добрался до столицы и, несмотря на лихорадку, возобновил исполнение обязанностей Верховного директора. На следующий день он не смог встать с постели и передал власть городскому интенданту Фонтесилье. В город также вернулся Сан-Мартин. Общественное мнение несколько успокоилось, когда стало ясно, что большая часть армии была выведена из-под удара и сохранила боеспособность. Сан-Мартин понимал — чтобы полностью снять напряженность, нужна решительная победа над роялистами, которая и была одержана им у реки Майпú 5 апреля 1818 г. О'Хиггинс, еще не оправившись от раны, поспешил на место сражения, где произнес ставшие знаменитыми слова «Слава спасителю Чили!»⁸, скрепившие дружбу двух выдающихся людей.

Благодарность и признательность старшему товарищу за гарантированную теперь навсегда свободу родины Бернардо сохранил до конца жизни, демонстрируя лояльность и неустанно поддерживая (иногда вопреки собственным интересам) дальнейшие

⁸ *Sepúlveda A. Bernardo, una biografía de Bernardo O'Higgins*. Ed. B Chile S.A., Santiago de Chile, 2007. P. 361.

планы Сан-Мартина по освобождению Южной Америки. Независимость Чили, ставшей плацдармом для отвоевания Перу, была окончательно завоевана.

* * *

Между тем в Монтевидео Каррера, а в Буэнос-Айресе его сестра Хавьерá вынашивали планы свержения О'Хиггинса. Отправленные в Чили Луис и Хуан Хосе попали в руки губернатора Мендосы Лусурьяги, который поддерживал Сан-Мартина. Вначале братья формально обвинялись лишь в том, что угрожали безопасности чилийского государства, однако вскоре обвинения были переквалифицированы — Луис предпринял попытку подкупить стражу и поднять мятеж в провинции Куйо. Хотя О'Хиггинс по просьбе своего друга Сан-Мартина согласился отказаться от их преследования с чилийской стороны, в Мендосе ситуация складывалась по-другому. Получив известие о якобы произошедшем «разгроме» патриотов у Канча Райада и ожидая появления испанцев на восточных склонах кордильер, у губернатора не оставалось времени на то, чтобы отправить пленников в столицу. Состоялся суд, в котором принял участие бежавший из Сантьяго аргентинец Бернардо Монтеагúdo, отличавшийся крайним радикализмом. Его усилиями судьба братьев Каррера была решена. Спустя полчаса после приведения приговора в исполнение в Мендосу пришло известие о победе под Майпу. Но оно опоздало. Расстрелянным Хуану Хосе и Луису было 33 года и 26 лет соответственно.

Скоропалительная и неоправданная расправа над врагами Бернардо произвела гнетущее впечатление на правящие круги в Сантьяго. Братья Каррера, несмотря на враждебные отношения с О'Хиггинсом, сражались за свободу Чили и являлись частью ее элиты. Верховного директора обвинили в нанесении удара по своим. Не вызвало симпатии и то, что Бернардо перенаправил отцу, дону Игнасио Каррера, счет аргентинских властей на оплату расходов по осуществлению казни его сыновей. Ослепленный жадой мести, Хосе Мигель Каррера, укрывшись в Монтевидео, развернул мощную кампанию против чилийских властей, угро-

жая О'Хиггину и Сан-Мартину, которых называл не иначе как «убийцами, ворами и тиранами».

Следующим неверным шагом стала странная гибель Мануэля Родригеса, в которой также заподозрили Бернардо, хотя, согласно наиболее распространенной версии, она была организована членами Лауторианской ложи, опасавшимися, что бывший герой национального сопротивления сможет мобилизовать и повести за собой сторонников Карреры.

Несмотря на то что правящая прослойка в столице уже не считала О'Хиггинса «своим», она пока еще оставалась довольной наступившей после испанской реконкисты относительной стабильностью и не были готова оспаривать власть, пользовавшуюся к тому же поддержкой Андской армии, находившейся в Чили.

Поскольку недовольные голоса звучали все сильнее, О'Хиггинс создал комиссию, которой предписывалось утвердить временный регламент деятельности правительства (созыв Конституционного конгресса он с учетом опыта Буэнос-Айреса и Венесуэлы считал преждевременным и опасным). Результатом работы стало провозглашение Бернардо Верховным лидером (вождем) нации и главнокомандующим морскими и сухопутными силами, причем мандат власти не ограничивался временными рамками. Ему также предоставлялось право назначения всех государственных чиновников, судей и членов сената. Отсутствовала необходимость принимать и исполнять бюджет — сенаторы просто ставились в известность о расходах правительства.

После возвращения Сан-Мартина трения между аргентинцами и чилийцами несколько поутихли. В Европу был отправлен посланник Ирисáрри с целью попытаться провести переговоры (следуя примеру Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы) по «монархическому варианту».

Началось наступление на юге, которое возглавил аргентинец Хосе Сапиóла, против оставшихся там сил роялистов во главе с Мариано Осорио и Мануэлем Санчесом — старых знакомых О'Хиггинса по боям 1813–1817 гг. В ноябре 1818 г. патриоты вошли в Чильян. Однако в конце года в Тальке произошло восстание братьев Приéто, призывавших к борьбе с центральным

правительством, но оно, к счастью, после гибели вожаков быстро сошло на нет.

Были и светлые моменты — у Бернардо и Росарио Пуга родился сын, которого назвали Педро Демётрио. В отличие от отца Бернардо не дал мальчику свою фамилию, стараясь выглядеть достойно в глазах консервативных столичных кругов и не нарушать религиозных норм. Росарио так и не смогла оформить «сепарасьон» (официальный разрыв) с бывшим мужем (полный развод не представлялся возможным в католической общине). Ее содержание превратилось в проблему для Верховного директора — он не мог в одночасье изменить традиции окружавшего его общества и залез в долги, чтобы купить отдельный дом для своей возлюбленной. После рождения ребенок жил в нескольких семьях, пока Исабель и Роза не взяли его под свое покровительство. Рядом с ними уже давно находилась и Петронила, официально считавшаяся дочерью родственницы матери Бернардо.

Сам Бернардо вплотную занялся вопросами создания национальной эскадры, без которой было невозможно думать о походе на Лиму. Первоначально она состояла из двух судов: «Лаутаро» и «Сан-Мартин», приобретенных аргентинским агентом Альваресом Кондárко в Европе. Затем к ним присоединился «Гальварйно», купленный в Буэнос-Айресе чилийским послом Саньярту вместе с капитаном (Мартíном Гíзом) и командой. В порту Вальпараисо также находились бригантины «Пуэйрредон» и «Арауко» и корвет «Чакабуко». Трудности заключались в наборе экипажей и их оплате. В Сантьяго, Кильоте и других прибрежных городах, где было много рыбаков и бывших контрабандистов, «арестовали» и сделали матросами 500 молодых бродяг и бездельников (среди них были и заключенные). Во всех близлежащих портах и на заходящих судах велась вербовка офицеров, прежде всего англичан. Командующим назначили Бланко Эскаладу, 28-летнего аргентинца, когда-то служившего в королевском флоте в чине младшего лейтенанта (альфёреса). В начале октября импровизированная эскадра вышла на перехват испанского конвоя, направлявшегося в Кальяо. А в конце месяца чилийцы смогли захватить флагманский испанский фрегат «Королева Мария

Исабель», переименованный в «О'Хиггинс», затем — еще шесть судов. Это было уже кое-что. Теперь проблема переместилась в финансовую сферу — за службу надо было платить. Дефицит казны в марте 1819 г. составил 3,5 млн песо.

Выход был найден в привлечении английского моряка, лорда Томаса Кокрейна, ставшего командующим чилийским флотом. У себя на родине сэр Томас пользовался дурной славой — не ладил с начальством и был осужден военным трибуналом за дуэль, однако слыл талантливым моряком, не раз побеждавшим испанцев с использованием неожиданных маневров. Оставив морскую карьеру, он ушел в политику, купив место в парламенте от одного из «гнилых местечек» (обезлюдивших населенных пунктов, продолжавших, тем не менее, посылать депутатов). В 1814 г. Кокрейн стал фигурантом финансовой аферы, за что попал в тюрьму.

Несмотря на это, Кондарко удалось подписать с ним контракт. В Чили не задавали лишних вопросов, нужен был человек, способный выиграть войну на море. В Сантьяго ему устраивали пышные приемы, леди Китти Кокрейн блистала в местных салонах. Сенат предоставил им чилийское гражданство. Однако англичанин действовал отнюдь не из любви к новой родине. Будучи по натуре авантюристом и корсаром, он оговорил условие, что значительная часть добычи, захваченной в ходе боевых действий, пойдет на оплату его услуг и экипажей. О'Хиггину не оставалось ничего другого как согласиться. Более того, он выполнил еще одно требование Кокрейна, который получил чин вице-адмирала и единоличное командование эскадрой (Бланко Эскалада, исходя из патриотических побуждений, не возражал, оставшись вторым по рангу офицером в звании контр-адмирала).

14 января 1819 г. корабли снялись с якоря, взяв курс на Кальёо. Сразу возникли проблемы. Жесткая дисциплина вызвала ряд мятежей на борту, которые, тем не менее, были подавлены. Атака на крепость Сан Фелипе в бухте Кальёо не принесла успеха — «О'Хиггинс» сел на мель, и только перемена ветра позволила судну спастись от огня перуанских батарей. Кокрейн снял осаду и ушел на север. За неудачу наказали Бланко Эскаладу, которого на посту заместителя командующего сменил Мартин Гиз. Вер-

нувшись без победы и добычи в Вальпараисо, Кокрейн не постеснялся потребовать оплаты. О'Хиггинсу удалось с помощью займов собрать 40 тысяч песо. Контракт был сохранен, хотя вознаграждение адмиралу пришлось увеличить более чем наполовину. Рейд к Кальяо, тем не менее, показал морские возможности чилийцев. Испанский флот уступил инициативу в южной части Тихого океана, не рискнув выйти из-под защиты береговых орудий, чтобы сразиться в открытом бою.

В феврале Объединенная армия, состоявшая на две трети из чилийцев, встала лагерем в местечке Куримон, на полпути между Сантьяго и Мендосой. Сан-Мартин отчаянно искал средства на продолжение освободительной кампании, убеждая как чилийские, так и аргентинские власти не отказываться от планов относительно Перу. Однако национальные интересы начинали превалировать над континентальными.

На юге чилийские войска добились относительных успехов: Хосе Сапиола после эвакуации испанцев занял Консепсьон, а Мануэль Балькарсе вошел в Лос Анхелес. Рамон Фрейре увяз в бесконечных стычках с роялистской герильей во главе с прославившимся своей жестокостью каудильо Висенте Бенавидесом и бандами Антонио Пинчэйры, которые не собирались сдаваться и при поддержке индейцев мапуче развернули войну не на жизнь, а на смерть против патриотов.

Сельское производство в южных регионах было почти полностью разрушено длительными боевыми действиями, горные прииски в северных районах Копьяпо (провинции Кокимбо) закрывались от непосильных налогов и ущерба, причиненного землетрясением, произошедшим в апреле 1819 г.

Казна испытывала хронический недостаток средств, которые иногда удавалось пополнить за счет открывшихся для внешней торговли портов (хотя таможенные сборы уменьшались из-за недостатка экспортной продукции), контрибуций и редких пожертвований. Бичом центральной долины и окрестностей столицы стал «бандолеризм», вынудивший власти ввести смертную казнь за бандитизм и разбой. Тем не менее даже в этих неблагоприятных условиях Верховный директор находил возможности для осу-

шествления неотложных проектов. Благоустраивалось городское хозяйство, на месте бывших свалок возвели рынок, под руководством сестры Розы заработал муниципальный театр, началось строительство (на месте бывшего русла реки Мапóчо) центрального проспекта — Аламéды.

О'Хиггинс также не упускал из поля зрения вопросы образования: вновь открылись, несмотря на сопротивление клерикалов, основанные Каррерой Национальный институт и Национальная библиотека. На этом поприще ему помогал старый знакомый, испанец Родригес Альдéа, перешедший на сторону патриотов и завоевавший доверие Бернардо.

Во второй половине 1819 г. возросла морская активность республики. В сентябре эскадра пополнилась еще одним корветом, который Мануэль Агирре сумел приобрести в США. По прибытии в Вальпараисо он получил название «Индепенденсия». Капитаном хотели назначить Гиза, но Кокрейн возразил, заявив, что сам сможет командовать флагманским судном. За этим стоял точный расчет — при дележе добычи лорд получал две доли вместо одной. Вскоре эскадра покинула порт, снова направившись к Калéаю. Штурм крепости с использованием зажигательных снарядов не принес ожидаемых результатов, и адмирал, как и в прошлый раз, был вынужден отступить. Однако возвращаться с пустыми руками из второго похода выглядело неприличным. Это вызвало бы не только вопросы со стороны команд, не получивших обещанного вознаграждения, но и оппозицию среди правительства. Нужен был крупный успех. Случай представился, когда Кокрейн узнал, что несколько испанских судов находились в порту Вальдивия на юге Чили.

Вальдивия представляла собой хорошо укрепленный в глубину речной эстуарий, защищенный со стороны океана системой оборонительных сооружений — фортов, построенных еще Амвросио О'Хиггинсом, и служила основной базой снабжения для испанских судов на Тихоокеанском побережье, следовавших из Испании в Перу через Магелланов пролив. Брать его с моря представлялось безумием по всем правилам морской тактики. Однако Кокрейн рискнул. Приняв на борт отряд пехоты под командова-

нием Фрейре, он февральской ночью 1820 г. высадил на южном берегу реки десант, который возглавили француз Бёшеф и генерал Миллер, быстро захватившие ряд фортификационных укреплений (Сан Карлос, Корраль и несколько других). Охваченные паникой испанцы бежали. 3 февраля Кокрейн взял северные форты (Ньёбла и Мансэра) и высадился в Коррале, в это время Бёшеф вошел в Вальдивию. Не теряя времени, адмирал направился к острову Чилоэ, рассчитывая также быстро захватить Анкүд, но получил отпор и вернулся в Вальдивию. Несмотря на потерю флагмана «О'Хиггинс», реноме английского флотоводца было восстановлено, Верховный директор оставил его в должности командующего чилийской эскадрой.

В марте 1820 г. на сцене вновь замаячил Хосе Мигель Каррера. В Объединенных провинциях Верховный директор Рондо потерпел поражение от федералов, одним из вождей которых являлся каудильо Рамирес. Каррера сумел наладить дружеские отношения не только с Рамиресом (вопреки возражениям Хосе Артигаса), но и с новым губернатором провинции Буэнос-Айрес Хосе де Сарратеа, своим старым приятелем, со стороны которого он получил полную поддержку для организации экспедиции на родину. Чилийский батальон, действовавший в составе аргентинских сил, перешел в его распоряжение. Посол О'Хиггинса в Буэнос-Айресе Мигель Саньярту был выслан из столицы.

Но тут произошла неожиданность — бывший Верховный директор Альвеар попытался выступить против властей, но не получил поддержки военных и укрылся в лагере Карреры, отказавшегося выдать своего друга. Это стоило Хосе Мигелю высылки из столицы «портеньос». В дальнейшем он дистанцировался от Альвеара, но уже не мог рассчитывать на поддержку элиты Буэнос-Айреса. В свою очередь в Сантьяго готовилось выступление «карреристов», однако план мятежа стал известен властям, и заговорщики были арестованы.

Дальше Каррера вместе с правителем провинции Санта-Фе Эстанислао Лопесом участвовал в борьбе с Буэнос-Айресом, но по условиям подписанного в ноябре 1820 г. перемирия каудильо обязался разоружить чилийцев. Новыми союзниками Карре-

ры (хотя и ненадолго) стали индейцы, с которыми он намеревался вторгнуться в Чили. Но уже в августе следующего года кáсики выдали Карреру властям Мендосы. 3 сентября 1821 г. после быстрого суда с predetermined исходом Хосе Мигель Каррерра был расстрелян. Главный враг и соперник Бернардо О'Хиггинса сошел с политической арены, хотя в Чили остались его многочисленные и влиятельные сторонники.

Основной задачей Бернардо оставалась стабилизация страны. В ее решении все большую роль играл Родригес Альдеа, вошедший в ближайшее окружение Верховного директора. Еще в мае 1820 г. Родригес Альдеа получил пост министра финансов. С этого момента испанец успел возбудить против себя всеобщую ненависть, занимаясь махинациями, торгуя протекцией и концессиями. Его противниками выступили Бланко Эскалада и военный министр Сентено, но О'Хиггинс поддержал своего протеже, которому слепо доверял, при этом все сильнее отдаляясь от реальности и не прислушиваясь к мнению старых товарищей. Так, Фрейре, продолжавший сражаться с испанцами на юге, безуспешно направлял в столицу письма, прося поддержки для частей патриотов, страдавших от недостатка снаряжения, провианта и боеприпасов. Однако главной целью Бернардо была подготовка к перуанской экспедиции, куда уходили все материальные ресурсы и финансы страны. Концепсьон и южная зона оставались на втором плане. Потеряв терпение, Фрейре прибыл в Сантьяго с намерением повлиять на О'Хиггинса, который сначала принял старого друга с распростертыми объятиями, но затем с подачи Родригеса Альдеа отказал ему во всех просьбах, пригрозив назначить на его место другого, более сговорчивого военачальника (в это время Хоаќин При́ето, возглавлявший группировку войск в Чильяне, и его подчиненный Мануэль Бúльнес нанесли поражение каудильо Бенавидесу). И хотя Фрейре и О'Хиггинс при расставании обнялись, их дружба была уже в прошлом. Вокруг генерала Фрейре, оставшегося после смерти Карреры единственной видной фигурой войны за независимость Чили (в которой он участвовал с самого начала), стали группироваться все недовольные режимом О'Хиггинса—Родригеса Альдеа, превратившимся, по существу, в смесь воен-

ного деспотизма и патерналистской диктатуры, приправленной безответственностью и коррупцией.

Продолжалась подготовка морского и военного похода в Перу. Для ее финансирования были проведены торги: группа чилийских предпринимателей и торговцев обязалась содержать экспедицию в течение пяти месяцев, а взамен получила права на осуществление принудительного займа от имени правительства и долговые обязательства государства (со скидкой), которые можно было использовать для оплаты таможенных пошлин. Сан-Мартин балансировал на грани возможного, оттягивая выполнение приказа Верховного директора Рондо вернуть армию на берега Ла-Платы для борьбы с федералами, поскольку понимал, что в случае ее вмешательства во внутренний конфликт единственная остававшаяся в его распоряжении боеспособная сила будет безвозвратно потеряна для дела освобождения Америки. В марте 1821 г. офицеры Андской армии с учетом образовавшегося вакуума власти в Буэнос-Айресе подтвердили полномочия Сан-Мартина в качестве своего командующего. Объединенное чилийско-аргентинское войсковое соединение получило название Освободительная армия Перу, которую аргентинец согласился возглавить под чилийскими знаменами. Однако свои претензии на должность главы экспедиции заявил адмирал Кокрейн. Усилиями О'Хиггинса, сената и лауторианцев конфликт был улажен, Кокрейна утвердили на посту командующего эскадрой, хотя его заместителем назначили Гиза — сторонника Сан-Мартина. 20 августа 1820 г. эскадра (7 боевых кораблей и 16 транспортных судов) снялась с якорей в порту Вальпараисо. Перед этим сенат утвердил политические инструкции на перуанский поход (главными из них являлись освобождение от испанцев, гарантирование независимого статуса и создание государства Перу без навязывания какой-либо формы правления), а также назначил Сан-Мартина генерал-капитаном, т.е. верховным командующим (через несколько дней аналогичный чин получил О'Хиггинс).

Для Бернардо отплытие экспедиции означало решение трудной дилеммы — он освобождался от излишних войск, содержание которых для обессиленной в экономическом плане страны

становилось уже непосильным, временно успокаивал недовольство в обществе, получая передышку для занятия неотложными внутренними делами, и при этом сохранял верность идее континентального освобождения и слову, данному Сан-Мартину. Тем не менее экспедиция оставалась для чилийцев серьезной проблемой и в материальном, и в политическом плане. Назначение Сан-Мартина «Протектором» (защитником), а в реальности главной перуанского государства поставило правительство в Сантьяго в двусмысленную ситуацию, так как выходило за рамки данных ему полномочий, прописанных в инструкциях, которым он теперь юридически и фактически не подчинялся, хотя всю ответственность за продолжавшиеся военные действия несло Чили. Последствия не заставили себя ждать. Лорд Кокрейн, обвинив Сан-Мартина в нарушении обязательств перед пославшей его страной, пошел на прямой конфликт с генералом, захватил армейскую казну и покинул Кальяо. И хотя Бернардо в частной переписке назвал Кокрейна негодяем, официальных мер принято не было, поскольку общественное мнение в Чили было на стороне адмирала. Более того, О'Хиггинс при всем уважении и преданности Сан-Мартину не мог позволить стране потерять приобретенную с таким трудом и жертвами эскадру (у Бернардо были гипотетические планы направить ее к Филиппинским островам, чтобы за счет нападений на испанские коммерческие суда поправить финансовое положение республики).

К этому периоду относятся наибольшие свершения О'Хиггинса на ниве государственной деятельности. К 1822 г. в Кокимбо был открыт аналог столичного Национального института, также в стране появились несколько школ по методу английского педагога Ланкастера, политехнический институт и музей естествознания. В столице завершилось строительство Аламеды и канала, соединившего реки Майпо и Мапочо. С целью расселения ветеранов освободительных кампаний были основаны город-спутник Сан Бернардо, а также несколько других городов: Вилуна в долине реки Эльки и Ла Уньон около Вальдивии.

В мае прошла подготовительная встреча для обсуждения вопросов будущего конституционного устройства. После начала

ее работы в июле О'Хиггинс сложил с себя полномочия правителя, которые, однако, тут же были ему возвращены. Собрание по желанию Верховного директора неожиданно превратилось в подобие конституционной ассамблеи, принявшей в октябре Основной закон. Согласно конституции, разработанной при прямом участии Родригеса Альдеа, будущий конгресс должен был избираться трехступенчатым голосованием, причем собираться на заседания только раз в два года. Между этими периодами законодательная власть делегировалась представительному органу в составе всего шести человек. Назначение сенаторов оставалось прерогативой Бернардо, который был провозглашен главой исполнительной власти на ближайшие десять лет. Понятно, что такое конституционное оформление власти О'Хиггинса, проделанное за спиной привилегированных сословий и без их одобрения, вызвало сильное недовольство в обществе. Престиж и популярность Верховного правителя сильно упали.

Политические проблемы переплетались с личными. Сентиментальная связь с любимой женщиной подошла к концу — Росарио Пуга отдалась от Бернардо, чрезмерно загруженного государственными делами, и вскоре нашла себе нового партнера, причем принадлежащего к лагерю «карьеристов». Деметрио остался в семье О'Хиггинса под опекой бабушки Исабель.

В ноябре Бернардо срочно отправился в Вальпараисо, где взбунтовался экипаж одного из судов эскадры, требуя выплаты причитавшегося жалованья. Неожиданно удалось найти деньги — их предоставил один из партнеров Родригеса Альдеа. Однако трудности только начинались. 19 ноября 1822 г. в Чили произошло мощное землетрясение. Вальпараисо был практически разрушен, Сантьяго также охватила паника. Быстро поползли слухи, инспирированные священниками, что Бог наслал на жителей страны кару за грехи правительства. Как будто этого было мало, пришло известие, что находившийся в Европе посланник Ирисарри получил финансовый заем на миллион фунтов стерлингов под гарантию доходов казны, хотя ранее О'Хиггинс сообщил своему представителю об отказе от сделки. Несмотря

на то что Ирисарри не имел официальных инструкций, а действовал, руководствуясь общим пониманием ситуации и своим патриотизмом, обеспечением по займу были признаны его письма к Бернардо, и страна оказалась вынужденной признать долговые обязательства под угрозой ареста имущества и выдачи корсарских патентов для взыскания долга. Более того, в провинции Концепсьон начался голод, внутренние цены на хлеб резко увеличились, поскольку перуанские порты открылись для экспорта и почти все чилийское зерно уходило в Лиму. Против этого резко выступил Фрейре, вступив в открытый конфликт с Родригесом Альдеа, который выдавал разрешения своим друзьям на поставки за рубеж с целью обогащения. О'Хиггинс не обращал внимания на жалобы губернатора юга, всецело доверяя своему министру. В столице и провинциях появились памфлеты, осуждавшие власти и лично Бернардо, которого официально называли не иначе как «хозяином страны и отцом нации».

Наконец терпение Фрейре лопнуло, и он согласился возглавить оппозицию Верховному директору, запросив помощь Кокрейна, который отказался, хотя также имел претензии к О'Хиггинсу. В начале декабря в Концепсьоне собралась местная ассамблея. Законодатели, хотя и не имели сепаратистских намерений, тем не менее высказались за принятие собственной конституции. Фрейре перестал зависеть от столицы. Он попытался убедить Сан-Мартина, вернувшегося к этому времени в Чили и отказавшегося от публичной роли, уговорить О'Хиггинса уйти в отставку, однако не получил поддержки. Тогда Фрейре обратился к северной провинции Кокимбо, где встретил понимание. По столице поползли слухи, что к южанам для набега на Сантьяго присоединились индейцы мапуче. Напряжение в городе росло. 7 января подал в отставку Родригес Альдеа, но было уже поздно.

По существу, Фрейре был региональным лидером и думал лишь о том, как навести элементарный порядок в измученных и разоренных провинциях юга страны, не особо задумываясь и не понимая стратегии континентального освобождения, реализованной

Сан-Мартином и О'Хиггинсом за счет чрезмерного перенапряжения сил чилийского общества.

О'Хиггинс, у которого под влиянием перуанской эпопеи Сан-Мартина появился план возглавить патриотов в Лиме, попытался договориться с Фрейре о своем уходе — представители двух сторон встретились в Кэчерегуас в конце января 1823 г. Тем временем события в Сантьяго уже вышли из-под контроля. Интендент Хосе Мария Гусмáн и богатые латифундисты из окрестностей договорились созвать открытое кабильдо, предварительно обеспечив нейтралитет части военачальников находившегося в столице гарнизона. 28 января народ начал собираться у здания консуладо (само кабильдо было разрушено землетрясением). Вначале Бернардо не придавал значения этому событию. Верховный директор полагал, что у него достаточно войск и личного эскорта, чтобы справиться с любыми беспорядками. Поэтому он отказался от предложения Гусмана встретиться с делегатами кабильдо, которые возвратились ни с чем. О'Хиггинс отдал распоряжение подавить недовольство, однако министр, заменивший Родригеса Альдеа, тут же подал в отставку, а офицеры отказались выполнять приказ.

Надев парадный мундир, Бернардо в сопровождении адъютантов направился к лояльной, как он полагал, воинской части во главе с аргентинцем Луисом Перейрой, стоявшей в монастыре Сан Августин, а затем во главе солдат появился у консуладо. Несколько попыток главы города договориться с Верховным директором не принесли успеха, но затем Луис де ла Крус убедил О'Хиггинса встретиться с собравшимися. Бернардо вошел в здание один. Страсти накалялись, из толпы слышались угрозы, однако Верховный директор потребовал очистить помещение, согласившись выслушать лишь нескольких членов ассамблеи. В итоге нотаблям удалось убедить О'Хиггинса прислушаться к голосу разума — он не мог управлять страной против воли жителей всех ее провинций. О'Хиггинс принял решение передать власть хунте из трех человек: Хосе Мигеля Инфáнте, Агустина Эйсагирре и Фернандо Эррасуриса.

Сцена отречения навсегда вошла в анналы чилийской истории. Видный чилийский историк Бáрриос Арáна назвал ее «одним

из самых славных событий нашего прошлого»⁹. Когда народ вновь заполнил зал, Бернардо произнес эмоциональную речь и, рванув мундир, обнажил грудь, предлагая собравшимся отомстить. Это произвело эффект. Послышались возгласы «Вива О'Хиггинс!» «В моем присутствии здесь больше не нуждаются», — заключил Верховный директор, покинув здание под звуки аплодисментов. Он доказал свои бескорыстие и патриотизм, сумел избежать более тяжелых и драматических последствий для страны, оставив бремя власти добровольно и без кровопролития, с чем его искренне поздравил уже отошедший от дел старый друг и товарищ Сан-Мартин.

На следующий день Бернардо оставил дворец, перебравшись в дом одного из друзей. Ему разрешили сохранить адъютантов, объявив об иммунитете от судебного преследования. Однако находиться в столице было опасно, и 5 февраля он направился в Вальпараисо, где губернатором был его бывший военный министр Сентено, все еще надеясь, что ему удастся отплыть в Лиму. Но когда Бернардо появился в Вальпараисо, в порт вошел корабль «Индепенденсия», на борту которого находился Фрейре во главе двух тысяч солдат. Высадившись на берег и узнав о событиях в Сантьяго, Фрейре приказал арестовать О'Хиггинса, намереваясь привлечь его к ответственности по процедуре *juicio de residencia*, применяемой еще испанцами к ушедшим в отставку первым должностным лицам.

Став Верховным директором, Фрейре добился своей цели — новый состав сената создал трибунал *ad hoc*. Началось расследование, все хотели свести счеты с бывшими властями, особенно с Родригесом Альдеа. Им ставились в вину злоупотребление властью, растраты, преследование «карьеристов», всплыло также убийство Мануэля Родригеса. Выдача паспорта откладывалась на неопределенное время. По истечении 90 дней трибунал все же вынес решение о том, что Бернардо был неподсуден (согласно конституции 1818 г. и по соглашению с ассамблеей, перед которой отрекся от власти). Фрейре, уже уставший от нападок в прессе, обрушившихся на его старшего

⁹ Díaz-Trechuelo López-Spínola M. L. Bernardo O'Higgins. Ed. Anaya. Madrid, 2008. P. 101.

товарища, поспешил выдать Бернардо документы, и 17 июля 1823 г. О'Хиггинс вместе с матерью, сестрой, Деметрио, Петронилой и несколькими домочадцами покинул Вальпараисо на борту английского корвета «Флай». Больше он никогда не вернется в Чили.

В конце июля О'Хиггинс прибыл в Кальяо. За несколько дней до этого президентом страны стал Торре Тагле, бывший однокашник Бернардо по лимскому колехио Сан Карлос, который присвоил ему маршальское звание, предоставил в его распоряжение дом в столице и две усадьбы, конфискованные у испанцев и подаренные Бернардо еще Сан-Мartiном: Монтальвaн и Куиба, находившиеся в 40 лигах к югу от Лимы в местечке Каньeте.

Боливар, появившийся в Перу несколько позже, также оказал О'Хиггину знаки внимания, видимо, надеясь, что Чили пришлет ему войска для борьбы с роялистами. Бернардо написал об этом Фрейре; у него появилась надежда, что он сможет участвовать в боевых действиях. Однако Боливар не дал ему реальной должности, предпочитая на всякий случай не ссориться с чилийскими властями.

Пока же чилиец занялся своей новой собственностью, превратившись в рабовладельца, так как в усадьбах еще оставалось достаточное количество рабов. Он также вынашивал планы пригласить ирландских крестьян в свое чилийское поместье Лас Кантрерас, которое находилось в заброшенном состоянии.

Вскоре Бернардо переместился в Трухильо, выступив посредником между Боливаром и де ла Рива Агуэро, экс-президентом Перу. В феврале 1824 г. он все еще находился в северных провинциях, так как не мог вернуться в Лиму, поскольку в Кальяо произошел мятеж и крепость перешла в руки испанцев. Оправившись от желтой лихорадки, Бернардо сообщил Боливару о своем желании присоединиться к действующей армии. Для Боливара выказанная просьба представляла реальную проблему: О'Хиггинс был выше по званию, чем Антонио Хосе де Сукре, которого венесуэлец поставил во главе войск, к тому же он уже понял тщетность ожиданий получить подкрепления из Чили. Поэтому Бернардо было предложено присоединиться к штабу патриотов, но без уточнения конкретной должности.

В июле 1824 г. О'Хиггинс отправился в Уанкайо, предполагая застать там Боливара. Его путь пролегал через Чимботе, Юнгай, Уарас, Уануко. В последнем городке он встретил старого знакомого, аргентинского генерала Некочеа, оправлявшегося от ран, полученных в сражении под Хунином. В Хауха в середине августа Бернардо пересекся с Сукре и, наконец, догнал Боливара в Уанкайо, проделав путь более чем в 600 миль. Ему вновь оказали теплый прием, он даже принял участие в военном совете, но не более того.

О'Хиггинс сопровождал Боливара по всему театру военных действий в Верхнем Перу, проехав верхом еще тысячу верст, пока снова не оказался в Лиме. В это время Сукре разгромил роялистов в битве при Аякучо, окончательно решившей исход борьбы за независимость в пользу креолов. На банкете по случаю победы Бернардо был вынужден признать, что остался лишь частным лицом, поскольку американская эпопея завершилась без его прямого участия. Он снова вернулся в асьенду Монтальван, где занялся выращиванием сахарного тростника.

В Чили тем временем Верховный директор Фрейре боролся с анархией, не без оснований опасаясь, что Боливар мог назначить О'Хиггинса главой экспедиции на о. Чилоэ, все еще находившийся во власти роялистов. В январе 1826 г. Фрейре взял остров под свой контроль, сделав его частью республики. Хотя Боливар к тому времени уже окончательно потерял интерес к стратегическому плацдарму на южных берегах Тихого океана (у него были другие планы), чилийские эмигранты в Лиме, среди них Родригес Альдеа, Саньярту, Сентено и другие, не переставали искать возможности для свержения власти Фрейре и возвращения О'Хиггинса. Один из них, Педро Альдунате, отправился на о. Чилоэ, надеясь поднять там восстание, безосновательно обещая гражданам поддержку Боливара и взяв с собой соответствующее письмо от Бернардо, в чем последний потом долго раскаивался. Узнав об этом, Фрейре лишил О'Хиггинса всех воинских званий и привилегий, соответственно прекратив выплачивать тому жалование. Ассамблея жителей о. Чилоэ поддержала революционные призывы Альдунате, но другие провинции страны остались ней-

тральными. Тем не менее собравшийся Национальный конгресс отстранил Фрейре от власти, которая перешла к Бланко Эскаладе. Новый правитель также намеревался объявить Бернардо вне закона. И хотя Мигель Инфанте в своей речи в конгрессе назвал О'Хиггинса «отцом чилийской независимости», в выпущенных новой властью памфлетах его именовали не иначе как «тираном и предателем родины». Законодатели в Сантьяго приняли решение репатриировать из Мендосы останки братьев Каррера — заклятых врагов бывшего Верховного лидера нации.

У 50-летнего Бернардо не оставалось другого выбора, как продолжать находиться в Перу, заниматься сельским хозяйством и поддерживать ностальгическую переписку с Сан-Мартинем. В усадьбе начали производить ром, который пользовался спросом на местном рынке, дела пошли в гору. Деметрию, которого отец так и не признал, отправили на учебу в один из престижных лимских колехио. Мать Исабель, достигшая преклонного возраста, заболев, отошла от дел. Альдунате стал управляющим асьенды.

В 1829 г. в Чили началась гражданская война. У реки Ликра́й произошло сражение между «пелукóнес» (консерваторами во главе с Хосе Хоакином Приёто) и «пипибóлес» (либералами, которых возглавил Фрейре). Последний потерпел поражение и в 1830 г. покинул страну, эмигрировав в Перу. В следующем году Прието, бывший подчиненный О'Хиггинса, стал президентом. Поначалу он пригласил Бернардо вернуться, однако этому воспротивился всесильный министр и второй человек в Чили Диего Портáлес, который опасался конкуренции и не хотел видеть бывшего правителя в Сантьяго. Президент даже не смог восстановить О'Хиггинса в воинском звании, согласившись лишь выдать ему паспорт как частному лицу, от чего Бернардо с негодованием отказался. В Вальпараисо между тем раскрыли заговор «хиггинистов». Несмотря на то что О'Хиггинс не имел к нему никакого отношения, против него спровоцировали очередную кампанию травли и обвинений. В дополнение к неприятностям бывшие владельцы усадьбы Монтальван попытались вернуть собственность. И хотя в итоге Бернардо отстоял свои права, процесс и связанные с ним интриги и клевета стоили ему большого напряжения сил.

В Перу, как и в Чили, набирали силу местные междоусобицы. В 1833 г. президент Августин Гамáрра передал власть либеральному помещику Луису Хосе Обрегóсо, который попытался привлечь О'Хиггинса под свои знамена. Во время нахождения Обрегóсо в Монтальване в Лиме произошел переворот, президентом страны на короткое время стал генерал Фелипе Салавэрри. Властитель Боливии генерал Андрес де Санта Крус помог Обрегóсо вернуться к власти, Салаверри расстреляли. Вскоре между Перу и Боливией был подписан договор о создании Перуано-боливийской конфедерации. Появление нового государственного образования у границ Чили вызвало сильную обеспокоенность в Сантьяго, которая усугубилась попыткой Фрейре вернуться из Перу на родину (он высадился на о. Чилоэ с двумястами сторонниками, однако был разбит лояльными Прието частями и выслан на о. Сан Фернандо). Порталес направил к Кальяо военные корабли, Санта Крус арестовал чилийского посла и угрожал наложить эмбарго на чилийскую собственность в Перу.

О'Хиггинс, находясь у себя в усадьбе, предпринял попытку выступить посредником, но не смог остановить запущенный механизм войны. В декабре 1837 г. президент Прието объявил военные действия, и чилийская эскадра под командованием Бланко Эскалады вышла из Вальпараисо, чтобы разрушить конфедерацию. Адмирал вернулся ни с чем. Не встретив поддержки со стороны населения Арекипы, он был вынужден заключить мирный договор с Санта Крусом. Бернардо был рад такому развитию событий, поскольку оказался между двух огней.

В личном плане произошли некоторые перемены — Петронила вышла замуж за перуанца, который стал управляющим (с сыном Деметрио отношения не складывались) и работал под контролем сестры Розы. Через год у Бернардо появился внук.

После возвращения Бланко Эскалады чилийцы не отказались от своих планов. Следующую экспедицию в Перу возглавил бывший подчиненный Бернардо генерал Мануэль Бульнес, который в августе 1838 г. занял Лиму. Он оказывал бывшему начальнику всевозможные почести, что несколько примирило Бернардо с неизбежностью — после кровопролитного сражения и победы

чилийцев под Юнгаем (январь 1839 г.) конфедерация прекратила свое существование. Хотя О'Хиггинс пользовался уважением со стороны соотечественников, к его советам уже мало прислушивались: Бульнес выполнял инструкции своего руководства, а для чилийских солдат О'Хиггинс был скорее легендой прошедшей эпохи. Гамарра вернулся к власти, Бернардо — к хозяйственным заботам в усадьбе.

Более того, в апреле 1839 г. он потерял мать, смерть которой сильно переживал. И хотя на похоронах присутствовал весь состав чилийского генерального штаба, а солдаты несли урну с прахом Исабель, Бернардо с трудом перенес удар судьбы. Вернулись приступы старой болезни — малярии. После выздоровления он узнал, что Бульнес потребовал от властей Чили восстановить его в звании капитан-генерала, а также выкупил для него усадьбу Лас Кантрерас, лежавшую в развалинах. Правительство не могло отказать удачливому военачальнику, который к тому же вскоре занял пост президента Чили.

1840 г. О'Хиггинс провел в асьенде Монтальван, здоровье ухудшалось — он сильно страдал от сердечной гипертрофии. В конце следующего года Бернардо все же принял решение вернуться в Чили, купил билет на пароход и заготовил речь, обращенную к соотечественникам, однако в декабре перенес сердечный приступ и был вынужден отказаться от своего намерения. Все это время он поддерживал интенсивную переписку с президентом Бульнесом, развивая в письмах к нему планы освоения южных регионов Чили. Одной из идей стала реализованная властями инициатива основания колонии на берегу Магелланова пролива.

Конец приближался. В сентябре 1842 г. О'Хиггинс по рекомендации докторов переехал в Лиму, а в октябре назначил Розу своей душеприказчицей (Деметрио, как незаконнорожденный, не мог выступить законным наследником, хотя и получил потом через тетку большую часть имущества). Утром 24 числа он узнал радостную весть — президент Бульнес подписал принятый конгрессом закон, восстановивший его воинское звание и подтвердивший выплату ему причитавшегося по рангу жалованья за все время, проведенное за границей. Однако к 11 часам он вновь почувствовал сильную

усталость и лег в постель. Священник принес саван. «Это мундир, который мне посылает Господь», — прошептал умирающий. Его последними словами были «Магелланов пролив...».

* * *

Так ушел из жизни первый глава независимой Республики Чили капитан-генерал Бернардо О'Хиггинс. Президент Бульнес объявил в Чили недельный траур. Перуанское правительство устроило О'Хиггину государственные похороны. В 1844 г. в Чили приняли закон о репатриации останков на родину, однако в силу ряда причин он не был исполнен. По инициативе историка Бенджамина Викуньи Маккены (внука Хуана Маккены) депутаты вернулись к этой идее лишь 20 лет спустя, но осуществить задуманное помешала война с Испанией 1866 г.

Только в декабре 1868 г. 80-летний Бланко Эскалада во главе трех судов отправился в Кальею для выполнения поручения Национального конгресса. После процедуры эксгумации гроб с забальзамированным телом был помещен в часовню на борту фрегата с символичным названием «О'Хиггинс». 13 января 1869 г. в кафедральном соборе Сантьяго при участии президента страны Хосе Хоакина Переса прошла траурная месса, затем состоялось перезахоронение в гробнице на центральном столичном кладбище. В 1872 г. была отлита и установлена конная статуя.

20 августа 1979 г. прах основателя чилийской государственности был перемещен в усыпальницу «Алтарь Родины», специально возведенную на другой стороне Аламеды (аллеи тополей — «áламос», построенной когда-то О'Хиггинсом), как раз напротив президентского дворца Ла Монэда. На площади перед мавзолеем, совсем рядом, находятся памятники Бернардо О'Хиггину и Хосе Мигелю Каррере. Чуть поодаль стоят монументы Хосе Франсиско де Сан-Мартина и Мануэля Бульнеса. Страна помнит свою историю и чтит своих героев.

ХОСЕ МИГЕЛЬ КАРРÉРА

Гусар, каудильо, изгнанник
(15.10.1785–4.09.1821)

Мне всегда казалось достойным, если честный человек жертвует своей репутацией во имя родины.

*Из манифеста
Хосе Мигеля Карреры¹⁰*

Большинство биографов считает, что Хосе Мигель Каррера родился 15 октября 1785 г. Он стал третьим ребенком (из четырех) в семье богатого чилийского землевладельца и горнопромышленника дона Игна́сио Карреры, владельца большого поместья Сан Мигель, расположенного в Центральной долине. Его мать — Па́ула Вердúго и Вальдивие́со

и Эррера также происходила из рода знатных асендадос. В семье

¹⁰ Manifiesto de José Miguel Carrera, Montevideo, 1818 г. Colección de Historiadores y Documentos relativos a la Independencia de Chile (CHDI). Editada por E. Matta Vial y G. Feliú Cruz, 1900–1954. T. VII.

было два брата — Хуан Хосе и Луис, а также сестра Хавьерра. Связи отца в военных и олигархических кругах генерал-капитанства Чили имели прямым следствием тот факт, что уже в три года Хосе Мигель был зачислен кадетом в кавалерийский полк местной милиции (ополчения).

По настоянию матери, суровой религиозной фанатички, его отдали на учебу в привилегированный колехио Каролино, где независимый и строптивый характер мальчика никак не мог приспособиться к жесткой дисциплине и строгому режиму, установленным воспитателями-священниками.

В 18 лет он отметился первым в жизни скандалом, завязав романтические отношения с молодой женой одного из соседей — дона Гонсалеса. Все произошло, как в плохом романе. После того как муж уехал из Сантьяго на нескольких дней, Хосе Мигель расположился в доме возлюбленной. Однако экипаж дона Гонсалеса сломался по дороге, и хозяин был вынужден вернуться. Каковы же были изумление и негодование обманутого мужа, когда его не только не пустили в собственный дом, но и вульгарно пригрозили избиением за настойчивый стук в дверь. Обиженный супруг довел дело до трибунала, и только связи родителей помогли юноше избежать правосудия.

В наказание его отправили из столицы в отцовское поместье в качестве управляющего. Хосе Мигель не особо утруждал себя административными заботами. Его больше интересовали необъезженные скакуны, красивые женщины и другие атрибуты вольной жизни, которую он вел вместе со своими арендаторами — «у́асос»: метал лассо и любил проводить время у костра, наслаждаясь жареным мясом — «аса́до», слабым алкогольным напитком — «чй́чей» и песнями под гитару. Одним словом, юноша стал своим в их компании.

Тогда дон Игнасио решил отправить отпрыска в Лиму на попечение шурина Хосе Вердуго, богатого коммерсанта, надеясь, что там сын освоит торговое ремесло. Но он опять просчитался. Пристроенный родственником «для исправления и воспитания» на борт военного фрегата, Хосе Мигель, имевший чин поручика ополчения, моментально установил дружеские отношения с офицерами корабля. Один из них даже ссудил его значительной суммой денег, отдавать которые в конечном итоге пришлось отцу.

Излишне говорить, что все они пошли на увеселение и кутежи. Экспансивный и своевольный характер молодого человека отвергал любые попытки наставить его на путь истинный. В середине 1803 г. Хосе Мигель вернулся в Сантьяго.

Под влиянием сестры — единственного человека, к которому прислушивался на протяжении всей жизни, — он отправился в одну из родительских усадеб, где, на удивление, серьезно занялся сельским хозяйством. Однако ненадолго. Из поместья стал пропадать скот, который скоро обнаружили у известного в округе конокрада индейца Пласэнсиа. Хосе Мигель не стерпел обиды. Не захотев заниматься судебными тяжбами и возглавив отряд батраков-«пебнов», он учинил быструю и своевольную расправу, закончившуюся применением оружия. И хотя виновные, оказавшиеся в госпитале, умерли не от побоев и ранений, а от заболевания оспой, на этот раз скандал замять не удалось. Весной 1805 г. своенравный помещик-латифундист был признан виновным и заключен под арест, который затем заменили штрафом в 150 песо. В конце года умерла мать, а отец рекомендовал сыну на время покинуть Чили, отправив его в Испанию.

Хосе Мигель прибыл в Кадис в середине 1807 г., намереваясь заняться коммерцией под протекцией одного из друзей дона Игнасио. Там он, возможно, пересекался с адъютантом генерала Солано, капитаном Хосе Франсиско де Сан-Мартинном. Затем Каррера оказался в Мадриде, подав прошение королю Карлосу IV для зачисления в полк Королевских телохранителей, элитное армейское подразделение, куда в свое время пытались пристроить Бернардо О'Хиггинса. Исходя из принципа «чистоты дворянской крови» 15 ноября 1808 г. за ним признали чин поручика, направив в кавалерийский полк Принца Фарнэсио. Началась действительная военная служба, совпавшая с эпохой наполеоновских войн и испанской герильи. Молодой офицер командовал эскадроном и принимал участие в ряде сражений: под Байлёном, Консуэгрой, Йёрбеной, Талаvéра де ла Рэйна и некоторых других. В августе 1809 г. герцог Альбукерский назначил Карреру сержант-майором (майором) в полк Галисийских гусар.

Однако он так и не добрался до находившегося на севере страны воинского формирования, поскольку в составе Мадридского добро-

вольческого кавалерийского полка еще в звании капитана принял участие в битве при Окáнье, в которой получил сабельное ранение в ногу. Провалившись четыре месяца в госпитале, Хосе Мигель узнал о событиях на родине, где 18 сентября 1810 г. была создана первая в генерал-капитанстве хунта, членом которой был избран его отец. Братья Хуан Хосе и Луис получили командование над сформированными национальными частями гренадеров и артиллеристов.

Он решил вернуться в Чили и в начале 1811 г. подал рапорт об отставке. Разрешение Регентского совета (лицензия с правом ношения униформы и пользования военными льготами) пришло 14 апреля. Уже 17 числа Хосе Мигель отплыл из Кадиса на борту английского корабля «Стандарт», а 25 июля вновь ступил на родную землю в порту Вальпараисо, имея за плечами военный опыт и политический капитал в виде майорского звания.

4 сентября Каррера при поддержке братьев и олигархического клана Ларраинов возглавил выступление против заседавшего в Сантьяго конгресса с целью укрепить лидирующую роль столицы в революционном процессе и ускорить его. Одетый в гусарский мундир и гарцуя на лошади по брусчатке главной городской площади, он зачитал требование о создании новой Исполнительной хунты, удаления из законодательного собрания всех сторонников испанцев — «сарацинов» и пропорционального представительства в ассамблее (шесть человек от Сантьяго, два — от Консепсьона и по одному от других округов и городов). Ультиматум был принят, в состав новой хунты вошли пять человек. Священник Хоакин Ларраин был избран председателем конгресса, который сразу осуществил ряд реформ: ограничил, как ни странно, права клера, объявил свободными по праву рождения детей рабов (Чили стала первой страной Южной Америки, продекларировавшей *libertad de vientre* — «свободу плода»).

Но Каррера пошел еще дальше: уже 15 сентября он возглавил собственное движение, потребовав созыва «народной» ассамблеи, в которой бы участвовали все граждане. 300 горожан избрали комиссию из четырех человек, которым полагалось представлять в конгрессе «народ», что вызвало недовольство как сторонников испанцев, так и креольских олигархов. Хунта подала в отставку

и была заменена. В новый состав с целью подчеркнуть единство нации вошли представители провинций: Гаспар Мар'йн (от Кокимбо) и Бернардо О'Хиггинс (от Консепсьона, заменяя отсутствовавшего в столице Мартинеса де Росаса).

Хосе Мигель Каррера возглавил столичную фракцию, став фактически главой правительства и потребовав распустить конгресс, так как посчитал принцип разделения властей несвоевременным. Что и было сделано. Марин и О'Хиггинс в итоге подали в отставку, а власть сосредоточилась в руках Карреры. Аристократы и олигархи перешли в оппозицию военному каудильо.

Ее центром стал Консепсьон, который под руководством Мартинеса де Росаса выступил против узурпации властных полномочий столичной хунтой, призвав к походу на Сантьяго с целью «освобождения народа от угнетения»¹¹ со стороны «карреристов». Силы сторон были примерно равны — несмотря на заявленную поддержку индейцев-мапуче, население о. Чилоэ и Вальдивии не демонстрировало лояльности лидерам юга. Свою роль в пользу укрепления позиций Сантьяго сыграли начало выпуска первой газеты «Аурóра де Чили», мобилизовавшей общественное мнение, и прибытие в столицу американского консула Джобэла По́йнсетта (представителя президента США Джеймса Мэдисона, 1809–1817 гг.), что означало первый шаг к международному признанию центральных чилийских властей. Более того, Каррера сумел провести мобилизацию и направился в Тальку, имея под своим началом внушительные военные силы, а также издал манифест, призывавший к единству страны. После переговоров на берегу реки Мауле было принято решение о восстановлении гражданского мира, хунта в Консепсьоне была распущена.

Под руководством Карреры в сентябре–октябре 1812 г. принимаются национальные символы (флаг, герб и кокарда), а также временный конституционный регламент. Текст конституции подтверждал католицизм в качестве государственной религии, признавал монархом короля Фернандо VII при условии, что по-

¹¹ *Bragoni Beatriz*. José Miguel Carrera. Un revolucionario chileno en el Río de la Plata. Ed. Edhasa, Argentina, 2012. P. 78.

следний согласится с суверенитетом народа и его правом на самоуправление. Хунта во главе с Каррерой провозглашалась Высшим правящим органом сроком на три года, при этом создавался сенат в количестве семи членов (три от Сантьяго и по два от Кокимбо и Консепсьона), все граждане уравнивались в правах, гарантировались индивидуальные свободы. Содержалась также запись о том, что в случае, если правительство будет действовать против воли граждан, выраженной в основном законе, «власть будет сразу возвращена в руки народа, который осудит его действия как преступление против родины»¹².

Как видно из приведенных примеров, конституция носила достаточно прогрессивный для того времени характер и провозглашала республиканские принципы. В этом, несомненно, была заслуга Хосе Мигеля Карреры.

13 марта 1813 г. на о. Чилоэ высадилась испанская экспедиция, направленная вице-королем Перу Хосе Абаскалем. Перед лицом угрозы восстановления колониальных порядков Хосе Мигель был назначен главой армии, хунту возглавил триумvirат в составе Хуана Хосе Карреры, Хосе Мигеля Инфáнте и Франсиско Антонио Переса. Главнокомандующий при поддержке населения принял энергичные меры по организации обороны страны: провел рекрутский набор, обложил контрибуциями испанцев и их сторонников, издал прокламации, обращенные к жителям южных районов. Выдвинувшись к Тальке в сопровождении Пойнсетта и группы офицеров, патриоты скрестили оружие с роялистами под Йёрбас Буэнас. Перевеса не было ни у одной из сторон, бой был скорее стычкой плохо обученных групп герильи. В дальнейшем успех этой полупартизанской войны зависел в основном от двух факторов: контроля за продовольственными и человеческими ресурсами на местах и поддержки индейских племен приграничья. Противники стремились завладеть крупными населенными центрами: Каррера обосновался в Консепсьоне и Талькауано, испанцы — в Чильяне. Хосе Мигель предпринял попытку захватить Чильян, но из-за неблаго-

¹² *Bragoni Beatriz*. Ibid. P. 89.

приятных обстоятельств вынужден был снять осаду. Неудача ослабила его позиции в столице. Командование армией перешло к О'Хиггинсу, а сам Каррера с братом Луисом попали в плен к роялистам на пути в Сантьяго.

В это время коллективное руководство в управлении страной было заменено на единоличную власть — Верховным директором стал Мануэль де ла Лáстра, дальний родственник Карреры, но убежденный сторонник Ларраинов. В мае 1814 г. между испанцами и креолами был подписан Ликрайский договор, означавший временное прекращение боевых действий. В результате Хосе Мигель освободился из плена, прибыл в столицу и 23 июля совершил очередной переворот. Кроме самого каудильо в новую хунту вошли Хулиан Урибе и Мануэль Мúньос Урсúa. О'Хиггинс не признал произошедшую смену власти и двинулся во главе войск на Сантьяго. На половине пути у Трех Ручьев произошло первое сражение между патриотами, причем преимущество осталось за Каррерой.

Степень враждебности в отношениях двух лидеров несколько снизилась, когда в Чили высадились новые отряды испанцев во главе с генералом Мариано Осорио. О'Хиггинс согласился с ведущей политической и военной ролью Карреры и стал под его знамена. Тем не менее последовавшая «катастрофа под Ранкагуа» (2 октября 1814 г.), где О'Хиггинс сражался практически в одиночку, не получив обещанных подкреплений от командующего, привела к окончательному размежеванию между ними. Порознь их отряды перешли Кордильеры, укрывшись от преследования роялистов за восточными склонами Анд в соседних Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы.

В этот период у Карреры усилились разногласия с братом Хуаном Хосе, он попал под еще большее влияние сестры Хавьеры, ставшей моральным стержнем семьи и взявшей на себя заботы об общих интересах всех ее членов, а также заключил брак с дочерью Мерсéдес Фонтесíлья Вальдивиéсо.

* * *

Около 3 тысяч чилийцев эмигрировали в Мендосу (провинция Куйо), которая до образования вице-королевства Рио-де-ла-Плата

входила в генерал-капитанство Чили. Между расположенными по соседству двумя освободившимися частями Испанской империи еще с 1810 г. начали складываться предпосылки для образования военно-политического альянса.

Губернатор Мендосы дал указание городскому совету обеспечить прием и размещение бежавших от репрессий жителей Чили. Сан-Мартин уже был в курсе разногласий, существовавших между чилийскими патриотами. После не очень дружелюбной встречи с Каррерой, претендовавшим на сохранение властных полномочий «единственного законного представителя правительства в изгнании» на чужой территории, Сан-Мартин сделал ставку на налаживание отношения с О'Хиггинсом. Протест, заявленный Каррерой против осмотра багажа сопровождавших его лиц, и ряд других инцидентов только усугубили ситуацию. На фоне растущего напряжения как в отношениях между фракциями «карреристов» и «хиггинистов», так и между чилийскими военными и местным населением губернатор принял решение о принуждении Карреры и его сторонников к капитуляции под угрозой применения военной силы, в чем ему помогли лояльные О'Хиггину чилийские офицеры. В итоге «карреристы» были отправлены в близлежащий город Сан Луис дожидаться указаний из Буэнос-Айреса о своей дальнейшей судьбе. Чилийцы, изъявившие желание присоединиться к Андской армии, были приняты на службу. Многие из них, в том числе сторонник Карреры Мануэль Родригес, проявили себя как талантливые руководители гериллы, организовывая партизанское движение против испанцев по ту сторону Анд: в Консепсьоне, Тальке, Сан Фелипе, Курико́ и других южных регионах Чили.

В конце ноября Хосе Мигель в сопровождении супруги и нескольких соратников прибыл в Буэнос-Айрес. Его брат Хуан Хосе остался вместе с женой Анной Марией Кота́пос в Сан Луисе, обеспечивая связь с диаспорами соотечественников в Мендосе и Сантьяго. Каррера не собирался сдаваться. Он и его семья вынашивали планы самостоятельного освобождения родины, не осознавая, что реальная сила для завоевания независимости Чили находилась в руках Сан-Мартина и правительства «портеньос».

Между тем соперничество в рядах чилийских патриотов привело к трагической развязке — видный военачальник Хуан Маккена, поддерживавший О'Хиггинса, погиб на дуэли с Луисом Каррерой. Последний был взят под стражу, но освобожден стараниями брата, нашедшего взаимопонимание с новым Верховным директором Карлосом Альвеаром, который в силу ряда причин намеревался снять Сан-Мартина с должности губернатора провинции Куйо.

К тому времени в Буэнос-Айрес также прибыл О'Хиггинс. Там он при поддержке друзей вступил в Лауторианскую ложу, что помогло ему отстаивать в столице «портеньос» интересы своей фракции и продвигать планы симпатизировавшего ему Сан-Мартина. Отстранение Альвеара от власти привело к новому аресту братьев Каррера, которых подозревали в пособничестве бывшему правителю, однако вскоре они вышли на свободу.

Во второй половине 1815 г. семья Карреры собралась в Буэнос-Айресе: туда перебрались брат Хуан Хосе и сестра Хавьера, хотя дон Игнасио, оставшийся на родине, был сослан роялистами на о. Хуан Фернандес, а его имущество конфисковано. Эмигранты начали готовить корсарскую экспедицию к берегам Чили, которую возглавил ирландский полковник Гильермо Браун. Среди наиболее известных имен ее участников фигурировали Хулиан Урибе, Рамон Фрейре и Пабло Варгас. Хотя замысел перерезать морские коммуникации испанцев не был реализован в полной мере, он убедил Хосе Мигеля в необходимости подготовки более масштабного проекта по созданию эскадры и закупке вооружения в США, в чем его поддержал старый приятель Пойнсетт. Собрав кое-какие средства и заложив драгоценности жены, он 9 ноября отправился в Балтимор.

Хотя политика нейтралитета, проводимая президентом Мэдисоном, в принципе благоприятствовала южноамериканским инсургентам, из-за непредвиденных трудностей пребывание Карреры в США затянулось на одиннадцать месяцев (Вашингтон вел переговоры с Мадридом о присоединении Флориды, взяв обязательства не оказывать прямой поддержки восставшим испанским колониям в Америке). Он освоил английский язык, установил контакты с другими латиноамериканскими эmissарами и даже

попытался, хотя и безуспешно, договориться в Нью-Йорке с испанскими моряками-наемниками. В конце концов ему удалось зафрахтовать фрегат «Клифтон», а также привлечь около 30 рекрутов среди американцев, ирландцев и французов, пообещав им звания и компенсации от имени будущего правительства Чили.

4 декабря 1816 г. Хосе Мигель на борту фрегата отплыл в Рио-де-ла-Плату, не зная, что Андская армия Сан-Мартина, сосредоточенная в Мендосе, уже находилась в полной готовности пересечь Кордильеры и выбить испанцев из Чили.

Каррера надеялся привлечь на свою сторону соотечественников, сражавшихся в войсках «портеньос» против мятежных каудильос в провинциях Энтре-Риос и Санта-Фе, и сформировать из них части для отправки в Чили (фактически с целью конкуренции с проектом Сан-Мартина и О'Хиггинса, поддержанным правительством в Буэнос-Айресе). 10 февраля 1817 г. состоялась его встреча с Верховным директором Объединенных провинций Хуаном Мартином де Пуэйрредоном, который с учетом начавшегося похода Андской армии и победы при Чакабуко, естественно, высказался против планов чилийца. Каррере даже было предложено возглавить аргентинскую миссию в США, чтобы, используя наработанные там связи, заниматься закупкой оружия для армии патриотов. Излишне говорить, что для Хосе Мигеля, намеревавшегося освободить Чили во главе собственных войск, это предложение оказалось неприемлемым. Он решился на немедленные действия, попытавшись покинуть порт, но не учел того, что хозяин судна, так и не получивший платы за его аренду, вступил в переговоры с властями с целью продать им «Клифтон», что, в конечном счете, и было сделано. Карреру арестовали. Во время заключения его посетил Сан-Мартин, который предпринял последнюю попытку убедить чилийца отказаться от мысли соперничать с О'Хиггинсом, недавно избранным Верховным директором Чили. Ему даже пообещали небольшую пенсию и компенсацию понесенных расходов.

Но Каррера хотел все или ничего. Амбиции и мятежный характер этого «чилийского революционера», оказавшегося на берегах Ла-Платы, предопределили его собственную судьбу и судьбу его семьи. Он бежал в Монтевидео. Целью его жизни оставалось освобожде-

ние родины, где он надеялся поднять восстание против заклятого врага и «узурпатора» О'Хиггинса, а также против поддерживавшей его «оккупационной» Андской армии во главе с Сан-Мартинем. Обоих руководителей он называл не иначе как «тиранами».

Конечно, проблемы правительств О'Хиггинса в Чили (трения с аргентинцами, продолжение войны с испанцами) и Пуэйрредона в Буэнос-Айресе (восстание в прибрежных провинциях, соперничество с португальцами, враждебность с Артигасом) были хорошо известны Каррере. Считается, что установлению контактов между Хосе Мигелем и каудильос в Санта-Фе и Энтре-Риос способствовал бывший министр в правительстве Посадаса — Мануэль де Эррера, также скрывавшийся в Уругвае. Как бы там ни было, результатом альянса между чилийскими иммигрантами и противниками властей в Буэнос-Айресе стало ведение активной пропаганды против Пуэйрредона, Сан-Мартина и О'Хиггинса с территории Восточной провинции.

Каррера, кроме того, сконцентрировался на ведении подрывной деятельности против «хиггинистов». Центром заговорщиков стал дом сестры Хавьеры в Буэнос-Айресе. Их замысел состоял в объединении многочисленных политических сторонников по обе стороны Кордильер и установлении промежуточного правления в Сантьяго до прибытия отрядов Карреры. На пост главы правительства рассматривался Мануэль Родригес, чилийский герой сопротивления испанцам, вооруженных сил — генерал Мигель Брайер.

Доверенные сторонники и члены семьи начали выдвигаться к границам Чили. Одними из первых туда направились Луис и несколько позже Хуан Хосе, условившись встретиться в асьенде отца Сан Мигель. Несколько наивная политическая идея дальнейших действий заключалась в том, чтобы арестовать Сан-Мартина, заставить его вернуть Андскую армию в Ла-Плату, вызвав тем самым раскол в правящей элите Буэнос-Айреса, а в случае невозможности реализации указанных планов — просто убить генерала. Такая же участь ожидала О'Хиггинса, остававшегося без военной поддержки аргентинцев, что открывало Каррере прямой путь к власти.

Однако правительству О'Хиггинса стали известны планы заговорщиков, и первые из них были арестованы в Сан Мигеле. Вла-

стям так и не удалось получить какую-либо ценную информацию, поскольку пленники отрицали свою вину, а доказательства отсутствовали. Мануэль Родригес вообще заявил, что ничего не знал и что его имя использовали без его согласия «втемную». Дело было закрыто не без участия Сан-Мартина, стремившегося не обострять раздоры в чилийском обществе накануне похода в Перу.

Скоро в окрестностях Мендосы по наводке одного из участников заговора Фелипе Кáрденаса схватили братьев Луиса и Хуана Хосе Каррера, против которых открыли судебное разбирательство. Губернатор Мендосы Лусурьяга сразу информировал об этом Сан-Мартина и О'Хиггинса. Сан-Мартин после встречи с Анной Марией Котапос, тронутый мольбами молодой женщины, попросил О'Хиггинса отказаться от преследования братьев. О'Хиггинс скрепя сердце согласился удовлетворить ходатайство своего старшего товарища, однако возложил на последнего всю ответственность за дальнейшее развитие событий. Таким образом, обвинения с чилийской стороны были сняты.

По-другому развивались события на восточной стороне Андского хребта. 4 марта 1818 г. Каррера опубликовал «Манифест к народам Чили от гражданина Хосе Мигеля Карреры», в котором заявил о продолжении непримиримой борьбы за свободу родины. «Мы сражались, — писал чилиец, — для того, чтобы разрушить тиранию, а не заменить одних тиранов на других»¹³, намекая на то, что администрация Пуэйрредона якобы поработила Чили, которая, по его мнению, попала в полную зависимость от Рио-де-ла-Платы и нуждалась в освобождении. Обида и вражда застилали глаза — в реальности он неправомерно отождествлял персональные неудачи с судьбой родной страны. Тем не менее обращение Карреры широко обсуждалось и вызывало сочувствие в эмигрантских кругах.

На этом фоне губернатор Лусурьяга узнал о попытке находившихся в тюрьме братьев подкупить стражу, устроить побег и при-

¹³ Manifiesto de José Miguel Carrera, Montevideo, 1818. Colección de Historiadores y Documentos relativos a la Independencia de Chile (CHDI), editada por E. Matta Vial y G. Feliú Cruz, 1900–1954. T. VII.

звать местное население, а также испанских пленников, отправленных сюда после сражения при Чакабуко, к восстанию против законных властей с целью организовать отряды монтерос и пойти на Сантьяго, чтобы «свергнуть тиранов». Дело приняло совсем другой оборот. В вину чилийцам ставилось уже посягательство на целостность и спокойствие Объединенных провинций. Индულгенция, полученная от чилийских властей, в данном случае не имела никакого значения.

Во время следствия Хуан Хосе отверг все обвинения в намерениях свергнуть власть в Мендосе. Луис, наоборот, полностью признал вину, рассчитывая на снисхождение. Его показания привели к тому, что обвинения были переквалифицированы на «заговор против государства». Подследственным вменяли в вину не только попытку побега, но и создание организации заговорщиков, подстрекание к мятежу, намерение изменить систему власти, свергнуть О'Хиггинса, отстранить от руководства объединенными вооруженными силами Сан-Мартина, присоединить к Чили провинцию Куйо.

Процесс начался в конце марта и проходил в период, когда в Чили произошли знаковые события: неудача армии патриотов в сражении под Канча Райада и последующая победа при Майпу. В поражении обвинили «карьеристов». Ожидалось, что испанские войска перейдут горные цепи и вторгнутся в Мендосу, чтобы попытаться соединиться с роялистами из Верхнего Перу и Монтевидео. Не исключалось, что заговорщики могли перебраться в Чили и призвать жителей южных районов (Чилоэ и Вальдивии при поддержке индейцев мапуче) к походу на Сантьяго.

Таким образом, с точки зрения обеспечения безопасности примерное и быстрое наказание становилось политической необходимостью. Трибунал во главе с радикально настроенным Бернардо Монтеагудо приговорил братьев к высшей мере наказания. 8 апреля 1818 г. приговор привели в исполнение, а через половину часа в город прибыл посыльный, принесший весть о разгроме роялистов на берегах реки Майпо.

Смерть двух чилийских патриотов по недоказанным обвинениям потрясла общественное мнение в Сантьяго. Недовольство

правительством усугубилось после странной смерти известного геррильеро Мануэля Родригеса, которого О'Хиггинс первоначально хотел под любым предлогом выслать из страны, поскольку тот был известен как убежденный сторонник братьев Каррера.

21 марта, когда в столице узнали о событиях под Канча Райада, а Мануэль Родригес, уже назначенный посланником в Буэнос-Айрес, собирался покинуть город, временно исполнявший обязанности Верховного директора де ла Крус задержал его отъезд. Городское собрание наделило Родригеса полномочиями для организации обороны. Он приказал раздать оружие всем желающим, освободив при этом из тюрем находившихся в заключении «карьеристов». Из них был создан полк, получивший название «гусары смерти», которое символизировало решимость до конца бороться с испанцами. После возвращения и выздоровления О'Хиггинса, восстановившего свои директорские полномочия, Родригес отказался распустить отряд, попытался силой войти на территорию президентского дворца и призвал народ к неповиновению властям, за что был задержан и находился под арестом в казармах полка Андских егерей под командованием аргентинца Рудесиндо Альварадо.

В конце мая часть получила приказ передислоцироваться в городок Кильёта. Командир приказал офицеру по имени Навáрро сопровождать заключенного. Согласно наиболее распространенной версии офицер застрелил Родригеса, когда тот напал на него и якобы пытался бежать. Узнав о смерти Родригеса, О'Хиггинс не стал проводить расследование, поверив изложенному в рапорте Альварадо. Некоторые историки (Баррос Ара́на) считали, что убийство было организовано Лауторианской ложей и вернувшимся из Мендосы Бернардо Монтеагудо, другие утверждали, что конфликт возник на почве ревности. Хотя прямое участие О'Хиггинса никогда не было доказано, указанное событие значительно снизило его авторитет в чилийском обществе.

Смерть братьев совпала по времени с победой при Чакабуко. Эти два события радикализировали позицию Хосе Мигеля по отношению к революционным правительствам как в Чили, так

и в Объединенных провинциях. В прокламации «К свободным жителям народов Чили» он призывал к мести тиранам, среди которых прямо называл Пуэйрредона, Сан-Мартина и О'Хиггинса, обвинял унитаристские власти в Буэнос-Айресе в том, что они с помощью военной силы заменили одно угнетение другим с целью аннексии Чили.

Ответ на эти обвинения был дан в манифесте, подготовленном Сан-Мartiном во время краткого нахождения на родине в 1818 г., где аргентинец обосновал необходимость помощи соседней стране созданием общего освобожденного пространства Америки. Пуэйрредон, в свою очередь, потребовал от португальского генерала Лекóра, осуществлявшего от имени Бразилии контроль над Монтевидео, являвшегося центром пропагандистских операций Карреры (основавшего там типографию «Импрéнта Федерáль»), положить конец нападкам чилийского эмигранта на правительства двух стран, но получил отказ. Чилиец приступил к изданию еще одной газеты, называвшейся «Эль Урóн» (Любопытный). Независимость, провозглашенная в Чили, трактовалась им как вмешательство «портеньос» в дела другой страны, а конфликт Буэнос-Айреса с прибрежными провинциями представлялся борьбой свободных народов против диктатуры правительства унитариев. Масла в огонь подливали монархические планы руководства и готовившаяся Тукуманским конгрессом конституция, утверждавшая примат централистской модели. Лауторианская «масонская» ложа обвинялась в превращении в «клуб аристократов», который вместе с законодателями поддерживал деспотические правления, подрывая якобы конституционную систему и креольскую независимость.

Широкое распространение антиправительственной агитации «карреристов» встревожило власти по обе стороны Андского хребта. О'Хиггинс запросил у сената чрезвычайные полномочия для выявления и суда над сторонниками Карреры в Чили, то же самое сделал Пуэйрредон с целью обеспечения безопасности государства. Из Буэнос-Айреса были высланы подозреваемые в связях и симпатиях к чилийскому «революционеру» братья Сарратеа, родственники Альвеара. После того как было перехвачено письмо

Хосе Мигеля к сестре Хавьере в Буэнос-Айрес, в котором он повторял угрозы отомстить за родину и семью, Верховный директор Пуэйрредон приказал не только опубликовать его в правительственной прессе, но и дал указание посланнику Мануэлю Гарсиа в Рио-де-Жанейро добиться запрета королевского двора на печатание и распространение пасквилей и памфлетов с территории подконтрольной Восточной провинции. В начале 1819 г. губернатору Лекору поступило соответствующее указание.

Каррера решил сменить перо на шпагу и примкнуть к военной оппозиции правительству «портеньос», во главе которой находился уругвайский каудильо Хосе Артигас. Как и прежде, целью чилийского эмигранта оставались жажда личной мести и желание дестабилизировать ситуацию в Буэнос-Айресе, чтобы ослабить поддержку, оказываемую Пуэйрредоном режиму О'Хиггинса в Сантьяго. Однако уругваец отверг предложение Карреры, полагая, что он выступал против освобождения Восточной провинции и находился на содержании у португальцев. Это вынудило Карреру перебраться в лагерь каудильо Франсиско Рамíреса, находившийся вверх по течению реки Уругвай в провинции Энтре-Риос. Там он опять занялся антиправительственной пропагандой против власти «директоров». На этой почве у него сложились хорошие отношения с Рамиресом и другим каудильо из провинции Санта-Фе Эстанислао Лопесом, конфликтовавшими с Буэнос-Айресом.

Чилиец считал, что поражение армии «портеньос» не только ослабит власти в Сантьяго, но и даст ему возможность создать значительное воинское формирование из соотечественников, воевавших начиная с 1814 г. в составе батальонов обеих враждующих сторон в Рио-де-ла-Плате. В свое «войско» он также рассчитывал включить и чилийских пленников из числа роялистов, сосланных в провинцию Куйо после поражений испанцев под Чакабуко и Майпу. По некоторым оценкам, их численность могла достигать от 600 до 1000 человек. Кроме того, ему удалось привлечь на свою сторону некоторые части Андской армии (в частности, егерский батальон), расквартированные в городке Сан Хуан, в которых также служило немало чилийцев.

Задача освобождения Чили переплеталась с борьбой Федеральной лиги против правительства Объединенных провинций. Стараясь не допустить такого развития событий, Сан-Мартин, занимавшийся в то время подготовкой экспедиции в Перу, инициировал посреднические усилия О'Хиггинса, направленные на примирение федералов и унитариев, и обратился со специальным посланием к Лопесу. Однако попытка потерпела неудачу. Аргентинский генерал Бельграно двинул Северную армию патриотов к Кордобе, чтобы преградить путь монтерос из прибрежных провинций Междуречья.

1820 г. был отмечен разгулом анархии в Объединенных провинциях. После сражения под Сепéдой (1 февраля 1820 г.), в ходе которого федералы разгромили войска «портеньос», Пуэйрредон покинул пост Верховного директора, Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы распались, а губернатором провинции Буэнос-Айрес стал Сарратеа, подписавший 23 февраля Пиларский договор с предводителями Федеральной лиги: каудильос Лопесом и Рамиресом. Одним из посредников на переговорах выступал Хосе Мигель Каррера, который стремился использовать ситуацию для осуществления давних планов — организации «Реставрационной армии» Чили (в том смысле, что она должна была восстановить его власть на другой стороне Анд). В этом он пользовался полной поддержкой членов своей семьи, прежде всего жены Мерседес и сестры Хавьеры, которые оказывали ему действенную организационную и политическую помощь, а также осуществляли связи со сторонниками в Чили.

Переговоры с губернатором провинции Кóрдоба Хуаном Батистой Бúстосом о передаче в подчинение Карреры чилийских отрядов не увенчались успехом. Однако в Сан Хуане ему удалось договориться с некоторыми офицерами егерского батальона (Франсиско Солано Кóрро и Пабло Морйльо), восставшими против куйанских властей и обещавшими поддержку в случае эвентуальной экспедиции Карреры в Чили.

Между тем Каррера при покровительстве Сарратеа сумел получить под свое командование около 600 чилийских солдат, которые стали лагерем в столичном пригороде Чакарйта, что вызвало

негативную реакцию населения Буэнос-Айреса. Чилийский консул Саньярту направил губернатору ноту протеста, которую тот не только проигнорировал, но и потребовал отъезда чилийского дипломатического агента. Таким образом, Каррера оказался замешанным во внутренней фракционной борьбе. Недовольные сразу обвинили иностранца во вмешательстве в дела провинции, инкриминировав ему намерение сместить Солера с поста командующего войсками «портеньос», заменив его на Альвеара, и фактически вернуть последнего во власть.

Однако новым главой провинции Буэнос-Айрес кабиљдо избрало Мануэля Дорrego, что вынудило Карреру покинуть город. 13 апреля он прибыл в местечко Грондóна (провинции Санта-Фе), где разбил лагерь лояльных ему частей под защитой каудильо Лопеса. Каррера также оказал военную помощь другому каудильо — Рамиресу (из Энтре-Риос) в его борьбе с Артигасом, лидером Восточной провинции, одновременно участвуя во всех интригах против «портеньос», намереваясь, в конечном счете, использовать все доступные ресурсы для достижения личной цели.

Несмотря на хорошие отношения, установившиеся с лидерами федералов, Каррера и его люди не пользовались симпатиями жителей прибрежных провинций. Окончательно провалились его попытки привлечь на свою сторону Бустоса, который выступил на стороне правительства О'Хиггинса в Сантьяго, и чилийцев в Сан Хуане (хотя восставшие там солдаты отстранили от власти губернатора Лусурьягу, что объективно играло на руку Каррере).

Более того, лидеры прибрежных провинций видели в Сан-Мартине если и не союзника в борьбе с гегемонией Буэнос-Айреса, то, по крайней мере, рассчитывали на его нейтралитет, поэтому не поддерживали нападки Карреры на командующего Андской армией, обещавшего «не проливать кровь своих соотечественников». Губернатором в Мендосе вскоре стал сторонник генерала — Годой Крус. Находившийся в Монтевидео Саньярту также прилагал максимум усилий, чтобы нейтрализовать планы чилийца.

26 июня монтонерос под командованием Лопеса разбили войска Солера. В сражении на стороне каудильо участвовал отряд Карреры в 500 человек, что еще больше усилило неприязнь

к нему со стороны «портеньос», обвинивших чилийских солдат в грабежах на территории провинции. Вскоре общая ситуация изменилась в пользу Буэнос-Айреса — Дорrego нанес два поражения подряд федералам при Сан Николáсе и Павóне, что вынудило их искать перемирия. Каррера из союзника превращался в помеху. Ухудшились его отношения с Лопесом, который обвинил в поражении Альвеара, находившегося под защитой Хосе Мигеля. Численность вооруженных сторонников Карреры сократилась до 250 человек.

Губернатор Дорrego выдвинул условием заключения договора с каудильос прекращение их связей с чилийцем и его полное устранение из переговорного процесса между аргентинцами. Сменивший Дорrego Мартин Родригес придерживался такой же линии. В вину Каррере ставили тот факт, что он привлек в свои отряды индейцев, опустошавших приграничные поселения. 24 ноября между Буэнос-Айресом и Санта-Фе был подписан мирный договор, что кардинально изменило положение чилийца. Он распрощался с Лопесом и покинул окрестности Росарио, переместившись на границу с Кордобой, оказавшись один на один со своей судьбой.

Его временными союзниками оставались Рамирес и ряд индейских кáсиков.

План Карреры состоял в том, чтобы пересечь просторы аргентинской пампы, перейти Кордильеры и соединиться с роялистской герильей Висенте Бенавидеса, который вел боевые действия против правительственных частей в южных регионах Чили. Однако военачальникам чилийских патриотов: генералу Рамону Фрейре и полковнику Хоакину Приэто удалось организовать заслоны и разрушить намерения Карреры, заставив его метаться по приграничным районам и совершать набеги на местные городки и поселения.

Группы под началом Карреры представляли собой небольшие отряды из гаучо и индейцев по 30–50 человек под началом 1–2 офицеров, осуществлявших только военное командование. Во всем остальном это были партизанские вольницы, существовавшие по своим понятиям и не признававшие никакой власти

и правил. Естественно, единственная возможность расплачиваться с ними состояла в позволении «самим взять то», что лежала на их пути. В предводителе они видели лишь удачливого вождя, «спустившегося с Анд шамана», который гарантировал им добычу и которого называли «Пичи-рей» (Маленький царек).

Трагический финал для человека, мечтавшего о спасении родины от «тирании» и ее организации на основе республиканских идеалов!

2 декабря 1820 г. монтонерос заняли местечко Сальто, подвергнувшись разграблению и другим жестокостям. Этот дикий акт еще больше сплотил «портеньос» в ненависти к «монстру» Каррере «без знамени и политических целей»¹⁴. По их мнению, альянс белого вождя с индейскими варварами для уничтожения людей своей расы не оправдывался никакими доводами и не подлежал прощению. Губернатор Родригес издал прокламацию, призывая к мести во имя родины и религии. Призыв также был обращен к главам соседних провинций, прежде всего Кордобы и Куйо, которые его поддерживали.

Каррера превратился в изгоя, однако это не помешало чилийцу одержать ряд тактических (хотя и бесполезных с точки зрения перспективы) побед, разбив силы Бустоса под Чахэ и Виделы — у Лас Пульгас (направленные из Кордобы и Сан Луиса соответственно). В Куйо забеспокоились, поскольку «орды грабителей и бандитов» появились на окраинах провинции. Годой Крус запросил подкреплений у О'Хиггинса и Сан-Мартина из Чили. Однако угроза прошла стороной, так как Хосе Мигель покинул Сан Луис, направившись в Санта-Фе на помощь каудильо Рамиресу.

Развязка приближалась. Губернаторы четырех провинций: Куйо, Сан Хуана, Сан Луиса и Ла Риохи заключили соглашение для уничтожения общего врага. Объединенные силы превышали 1,1 тысячи человек под командованием помещика — «асендадо» Хосе Альбино Гутьерреса и полковника Урдининэа. В сражении при Пунта де Мэдано остатки отрядов Карреры были разбиты,

¹⁴ *Bragoni Beatriz*. José Miguel Carrera. Un revolucionario chileno en el Río de la Plata. Ed. Edhasa. Buenos Aires, Argentina, 2012. P. 269.

хотя самому Хосе Мигелю удалось уйти. Правда, ненадолго: вскоре он был предан и выдан властям своими бывшими соратниками, рассчитывавшими на снисхождение. Большинство пленных были расстреляны на месте, а Каррера с несколькими офицерами заключен в тюрьму. 3 сентября 1821 г. военный трибунал приговорил Хосе Мигеля Карреру, Хосе Мария Бенавенте и Фелипе Альвареса к смертной казни. Приговор привели в исполнение на следующий день, на том же самом месте, где два с половиной года назад были казнены его братья (Бенавенте помиловали по ходатайству полковника Мануэля де Оласáбаля).

Каррера ушел красиво. После исповеди он передал священнику часы, попросив передать их своему единственному сыну, а также письмо к жене и дочерям, у которых просил прощения за то, что оставлял их одних на чужбине. На предложение покаяться ответил, что «предпочитает погибнуть, чем жить с позором и унижением», заявил, что умирает «за свободу Америки»¹⁵, и попросил не завязывать ему глаза перед расстрелом. Поскольку чилийцев осудили как обычных преступников, их головы были выставлены на всеобщее обозрение. Затем тело и останки Карреры были переданы присутствовавшей при казни родственнице, которая захоронила их рядом с могилами братьев.

Так завершил свой жизненный путь один из основателей чилийской независимости и государственности Хосе Мигель Каррера, волею обстоятельств низвергнутый до положения изгнанника-оппозиционера и объявленный врагом патриотов как у себя на родине в Чили, так и в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы. Но на этом история не закончилась.

* * *

В 1828 г. Учредительный конгресс, контролируемый либералами-«пипиолос», утвердил инициативу депутата Мануэля Магальянса вернуть на родину останки братьев Каррера, героев борьбы против испанцев. Эпоха освобождения уже отходила

¹⁵ *Bragoni Beatriz*. José Miguel Carrera. Un revolucionario chileno en el Río de la Plata. Ed. Edhasa. Buenos Aires, Argentina, 2012. P. 288.

в прошлое: Сан-Мартин покинул Лиму и отправился в добровольную ссылку в Европу; О'Хиггинс также был отстранен от власти и находился в изгнании в Перу, война закончилась и на юге Чили — в этом году пал последний бастион роялистов на о. Чилоэ.

В апреле 1828 г., 14 лет спустя после «катастрофы под Ранкагуа», чилийская делегация прибыла в Мендосу, тела подверглись эксгумации и были с почестями отправлены в Сантьяго. Там был объявлен 40-дневный траур, затем 13 июня состоялась торжественная церемония перезахоронения, на которой присутствовал президент страны Франсиско Антонио Пинто (1827–1829) и сын Карреры — Хосе Мигель Каррера Фонтесилья. В соборе, где прошло отпевание, была установлена пирамида с надписью «Родина — братьям Каррера с благодарностью за службу, с сочувствием в несчастьях».

На основании рассказов сподвижников Карреры, в частности одного из самых верных соратников Диего Хосе Бенавенте (заключившего брак с его вдовой), историк Бенджамин Вилуэва (внук Хуана Маккены) написал историю жизни чилийца. Трагическая личность Хосе Мигеля, его участие в борьбе за независимость, а также политические авантюры привлекали внимание Доминго Фаустино Сармьенто (будущего президента Аргентины), а также просветителей Хуана Баутиста Альбэрди и Андреса Белью.

При президенте Мануэле Бульнесе в 1864 г. в Сантьяго установили конную статую Хосе Мигелю Каррере. Со временем фигура, как выразился чилийский поэт Пабло Нерүда, «несчастливого гусара» окрасилась в романтические тона и стала символом продолжения борьбы при любых обстоятельствах, служа примером для укрепления духа всех поверженных и побежденных. Она побуждает добиваться цели, несмотря на неудачи и поражения.

ЧАСТЬ IV

ПРОЛОГ: КИТО¹, ПЕРУ² (ВЕРХНЕЕ ПЕРУ)

История региона Кíто, впоследствии получившего название Эквадор, тесно связана с завоеванием Перу конкистадорами Франсиско Писарро и Диего де Альмагро.

29 сентября 1513 г. конкистадор Васко Нуньес де Бальбоа, перейдя Панамский перешеек, вышел к Тихому океану, основав поселение Вилья де Акла и намереваясь продолжить открытие новых земель, для чего велел начать строительство нескольких судов. За свои заслуги Бальбоа получил от короля титулы губернатора Панамы и «первопроходца Юга», но был обвинен своим соперником, губернатором провинции Дарьен в неповиновении и казнен.

В 1522 г. испанец Паскуаль де Андагойа предпринял попытку спуститься вниз вдоль берегов Тихого океана. В ходе плавания ему стало известно о богатой золотом и серебром «провинции дель Биру», лежавшей еще дальше на юге. Однако он не смог продолжить исследования и передал полученную от короны концессию на освоение тихоокеанского побережья губернатору Педра́риас Дáвиле, священнику Фернандо де Лю́ке, а также Франсиско Писарро и Диего де Альмагро. Два последних компаньона были испанцами скромного происхождения, неграмотными работниками одной из асьенд.

¹ Кито был племенным центром покоренных инками местных народов на крайнем севере империи, который впоследствии стал одной из резиденций инкских правителей.

² «Провинцией дель Биру», название которой затем трансформировалось в «Перу», конкистадоры называли земли к югу от Панамы.

Именно они в 1524 г. на двух судах (одно из которых было заложено еще Бальбоа) отправились в первую экспедицию к берегам Перу, но были вынуждены вернуться, в то время как лоцман другого судна Бартоломе Руйс приблизился к берегам Эквадора. После нескольких неудачных попыток конкистадоры добрались до материкового поселения индейцев Тумбес, где вступили в контакт с местными жителями.

Дальнейшая история покорения Перу хорошо известна и не требует повторения. Отметим только, что после взятия в ноябре 1533 г. столицы инканата Куско на другой окраине империи Инков в городе Кито произошло восстание индейцев под руководством Руминьяуи, претендовавшего на звание Верховного Инки. Выступление было подавлено конкистадором Себастьяном де Беналякасаром, который подчинил испанскому владычеству данную местность. В 1533 г. Беналякасар заложил к югу от Кито город-порт Гуаякиль.

Кито стал важным центром колонизации, из него Беналякасар отправился на север, основав по пути селения Кали, Попаян, Пасто, Тимана и дойдя до Санта-Фе-де-Боготá. В 1542 г. было создано Новое королевство Гранада во главе с губернатором, а в 1550 г. — основана аудиенсия. В 1717 г. на базе испанских владений в регионе образовалось вице-королевство Новая Гранада, в 1740 г. Кито стало генерал-капитанством в составе 10 провинций.

В 1809 г. в Кито произошло антиколониальное выступление, создана народная хунта, которая просуществовала недолго — восстание было быстро подавлено комбинированными силами испанцев из Лимы и Боготы. В 1810 г. при посредничестве аудиенсии и епископа была объявлена амнистия и создана новая хунта, которая признала власть испанских Кортесов. В следующем году был созван конгресс, который 11 декабря 1811 г. провозгласил полную независимость от метрополии. Однако вскоре город был взят испанскими войсками. Вторая революция в Кито потерпела поражение.

В 1820 г. Гуаякиль объявил о своей независимости, но оставался отрезанным от Новой Гранады, так как Кито продолжал находиться в руках роялистов. Вице-президент Великой Колумбии Франсиско де Паула Сантандер в отсутствие Симона Боливара, находившегося в Венесуэле, начал военные действия против испанцев в Кито,

однако генерал Аймэрич, разбив при Уáчи отряды хунты Гуаякиля (22 ноября 1822 г.), заставил его отступить. В мае 1821 г. в Гуаякиль прибыла колумбийская дивизия под командованием Антонио Хосе Сукре, который провел в регионе первую самостоятельную военную кампанию, координируя свои действия с Боливаром и генералом Сан-Мартинем, направившим под его начало контингент перуанских и аргентинских войск из Лимы.

* * *

Верхнее Перу осваивалось испанцами преимущественно из Лимы, столицы вице-королевства Перу, и являлось территорией, находившейся в зоне влияния основанной в 1561 г. аудиенсии в Чаркас (Чукисаке)³, которая с 1776 г. вошла в состав вице-королевства Рио-де-ла-Платы. Главой региона (который также назывался Чáко), населенного в основном индейцами кéчуа и аймáра, был президент аудиенсии.

Как уже говорилось выше, аудиенсии представляли собой королевские суды, функции которых постоянно расширялись и дополнялись в зависимости от требований момента, фактически превращая их в центры управления определенными территориями. Не случайно пределы властных полномочий аудиенсий изначально обозначали границы вице-королевств и генерал-капитанств.

Так, членами аудиенсии в Чаркас помимо менявшегося количества судей — «оидóров», приписанных к профильным палатам — «сáлас» (уголовной, налоговой и др.), были алькальды по уголовным делам, налоговые (фискальные) инспекторы, представители коро-

³ В наименованиях присутствовала большая путаница. Дело в том, что когда в эти места пришли инки, их поселение носило название Чукиса́ка (в переводе с языка индейцев кéчуа — столица озер, которые назывались «чáркас»). В 1538 г. Гонсало Писáрро, брат покорителя Перу, основал на его месте город, который также назвал Чукисака. После открытия в 1545 г. серебряных месторождений в Потоси (в 18 лигах от данного населенного пункта) испанцы стали называть его Ла Платой, поэтому все топонимы: Чаркас, Чукисака и Ла Плата относились к обозначению одного и того же места, бывшего основным хозяйственным и интеллектуальным центром испанской экспансии в регионе.

левской канцелярии, судебные исполнители — «альгуасилес», королевские прокуроры, адвокаты, нотариусы, чиновники по особым поручениям и др. Кроме этого, действовали отдельные трибуналы: духовный, военный, по горным делам, консуладо (торговый). В Лиме находился трибунал инквизиции.

В Чукисаке, столице региона, располагался один из самых старых на континенте университетов, основанный еще в 1642 г. Университетские профессора привлекались к интерпретации королевских указов и законов. Здесь же находился архиепископ.

В 1808 г. аудиенсия отказалась признать хунту в Севилье как преемницу королевской власти, поскольку большинство оидоров были роялистами. По их мнению, Чаркас принадлежал короне, что подтверждалось «законами Индий», а следовательно, ни одна из хунт в Испании не имела права на представительство данной территории. Хотя под давлением посланника Центральной хунты Хосе Мануэля Гойенэче, поддержанного президентом аудиенсии и архиепископом, оидоры изменили свою позицию; она пришлась по душе креольским радикалам, потребовавшим возвращения суверенитета народу. 25 мая 1809 г. в Чукисаке произошло восстание, власть перешла к аудиенсии, ополчение возглавил креол Антонио Альварес Арена́лес. Однако уже в октябре новые власти подчинились требованиям вице-короля Ла-Платы Бальтазара Идальго Сиснероса и признали власть Буэнос-Айреса.

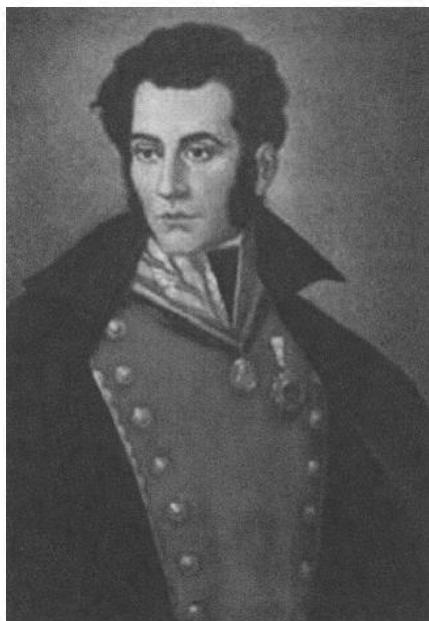
События в Чукисаке имели продолжение в Ла-Пасе, где 16 июля 1809 г. вспыхнуло восстание, а власть перешла к кабилидо. Часть революционеров провозгласила радикальные лозунги: полное равенство креолов и испанцев, независимость Чаркас, инкорпорирование во власть представителей индейцев. 24 июля была создана Охранительная хунта во главе с Педро Доминго Мурильо. В сентябре вице-король Перу Хосе Фернандо Абаскаль выдвинул ультиматум восстановить старые порядки, направив против Ла-Паса войска под командованием генерала Гойенече. Хунта приняла решение подчиниться, но власть захватили радикалы, оказавшие сопротивление испанцам. В итоге ополченцы потерпели поражения при Чакалтайо и Ирупане, вожди восстания попали в плен и были казнены 29 января 1810 г.

Несмотря на трагический исход, события 1808–1809 гг. в Чаркас положили начало войне за независимость региона не только от Испании, но и от соседних Рио-де-ла-Платы и Перу.

Поэтому когда Сукре после победы при Аякучо направился в Верхнее Перу, ему не понадобилось много времени, чтобы понять решимость населения этого края создать отдельное креольское государство. В январе 1825 г. генерал Хосе Мария Ланса уже де-факто провозгласил в Ла-Пасе независимость страны, которую в августе подтвердила ассамблея в Чукисаке.

АНТÓНИО ХОСЕ ДЕ СЌКРЕ

**Воин, организатор,
государственный деятель
(3.02.1795 – 4.06.1830)**

Генерал Сукре является одним из лучших офицеров армии, обладает совершенными профессиональными качествами, талантом, энергией и отзывчивым характером.

Из высказываний С. Боливара⁴

История рода Сукре в Америке восходит к 1500 г. По отцу его предками были французы из Фландрии, по матери — испанские конкистадоры. Один из прадедов, Карлос де Сукре и Пáрдо, занимал пост губернатора и капитан-генерала Кубы. Отец, Висенте де Сукре и Урбанéха, дослужился до звания полковника и должности военного коменданта

⁴ *Díaz Julio. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 58.*

г. Куманá в Венесуэле. Мать, Мария Мануэла Алькала, происходила из родовитой креольской семьи. Она умерла в 1802 г., после чего отец женился на донье Нарсисе Мáркес.

Антонио Хосе де Сукре увидел свет 3 февраля 1795 г. Он стал седьмым ребенком в семье. Ранняя потеря матери привела к тому, что он фактически рос в доме дяди Хуана Мануэля де Сукре, старого холостяка, который воспитывал Антонио как родного сына, заложив в душе мальчика зачатки таких качеств, как любовь к родине, справедливость, щедрость и моральная чистота. Личность дяди, служившего по финансовой части и придерживавшегося классических жизненных принципов — преданности людям и идеалам, скромности и пунктуальности, — наложила глубокий отпечаток на характер племянника, сделав его спокойным, ровным, чуждым экзальтации, хотя и немного меланхоличным. Он отличался дружелюбностью, добротой, милосердием и благородством. Однако указанные качества не спасли Сукре от житейских проблем, не случайно один из биографов назвал его настоящим «коллекционером неудач и несчастий»⁵.

В Куманé мальчик пошел в начальный класс, а в 1808 г. в возрасте 13 лет поступил в школу инженеров в Каракасе, где провел 2,5 года. Хотя его материальные ресурсы были весьма ограниченными, он не только хорошо учился, но и помогал товарищам, заслужив их уважение и признание со стороны преподавателей. После начавшегося 19 апреля 1810 г. процесса борьбы за независимость Венесуэлы Антонио Хосе, отложив в сторону учебники, в возрасте 15 лет записался добровольцем в креольское ополчение.

В Кумане организовалась революционная хунта, которую возглавил его отец — комендант крепости Висенте Сукре. 12 июля новые власти присвоили Антонио Хосе первое офицерское звание Корпуса инженеров местной милиции. С этого момента он начал свою военную карьеру. Военными стали и его братья: Хосе Мария, Хосе Херонимо, Висенте, Педро и Франсиско. Некоторые из них отдали свои жизни в кровопролитных сражениях за независимость Венесуэлы.

⁵ *Díaz Julio. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 23.*

В начале 1811 г. Антонио Хосе сражался под командованием Эрнандеса Кротисо, защищая Барселону и получив чин подпоручика пехоты, а в апреле этого же года был назначен командиром Национального корпуса инженеров. Образование и интеллектуальные способности юноши выделяли его на фоне других офицеров. В конце 1812 г. Франсиско де Миранда, получивший диктаторские полномочия от властей Первой республики в Венесуэле, пригласил его для дальнейшей службы в генеральный штаб.

Кампания не была удачной для патриотов, войска которых оставили Пуэрто-Кабелью, Валенсию и отошли к Ла Виктории. И хотя в окрестностях последнего роялистам под командованием Доминго Монтеверде было нанесено тяжелое поражение, Миранда по ряду причин не воспользовался ситуацией для развития наступления, чем вызвал недовольство в войсках и в правительстве. Тем не менее Антонио Хосе многому научился за указанный период. Как следствие, его повысили в звании до пехотного поручика, а затем 13 июля 1812 г. назначили командиром артиллерии в гарнизон Барселоны.

После разгрома республиканского правительства и пленения Миранды Сукре ненадолго вернулся в Куману. Поскольку в Венесуэле началась реакция — революционеров преследовали, их жизнь повседневно подвергалась опасности, то вскоре он был вынужден эмигрировать на о.Тринидад. К тому времени там уже находились в изгнании другие руководители борьбы за освобождение восточных провинций Венесуэлы: Сантьяго Мариньо, Хосе Франсиско Бермудес, Мануэль Пиар и другие. Антонио Хосе не терял времени даром, активно занимаясь самообразованием, — он изучал английский язык, историю, военное дело.

Его дипломатические способности проявились, когда английский губернатор, раздосадованный неудобствами, которые ему в политическом плане причиняли венесуэльские эмигранты (Испания в тот момент была союзницей Англии), неуважительно назвал Мариньо инсurgentом. Сукре, редактировавший ответ англичанину, глубокомысленно отметил, что не считает данное слово оскорбительным, поскольку этим же эпитетом англичане награждали и Джорджа Вашингтона. Подобный намек, естественно, не прошел даром. Английские власти еще больше ограничили деятельность

венесуэльцев. В январе 1813 г. группа патриотов совершила побег на шхуне, высадившись на островке в заливе Пáрия, где находился склад с оружием, заблаговременно подготовленный Мариньо. Атаковав испанцев на побережье Гуи́риа, им удалось освободить еще три близлежащих провинции, создав плацдарм и захватив крепость Матури́н, а также одержав серию побед у Ира́па, Гуанапа́ро и Пунта де Пье́дра. Сукре участвовал в боевых действиях сначала как адъютант Мариньо, затем — в качестве командира батальона саперов.

На юго-западе Симóн Боли́вар к концу 1813 г. завершил поход на Каракас, где его провозгласили «Освободителем Родины». В июне 1814 г. Мариньо во главе дивизии из 3 тысяч штыков, разгромив каудильос Росéте (у Пильóнес) и Бóвеса (у Бокач́ика), прорвался в долину Ара́гуа, где у Ла Виктории соединился с войсками Боливара, признав его командование. Инспектируя части, пришедшие из восточных провинций, Боливар обратил внимание на саперный батальон под командованием полковника Сукре, отметив выучку и дисциплину солдат. Эта встреча положила начало дружбе двух венесуэльцев. Антонио Хосе увидел и признал в Боливаре политическую фигуру, способную «увенчать успехом дело, которому он посвятил свою юность, — освободить Америку»⁶.

Сукре принимал участие в качестве главного адъютанта Мариньо в боях второй половины 1814 г.: в наступлении на Баркисимето, обороне Валенсии, у Ла Пуэрты. Когда в июле Боливар под натиском каудильос начал отступление в восточные районы страны, сопровождавшееся массовым бегством жителей из столицы, Мариньо и Сукре уже находились между Барселоной и Куманой, набирая пополнение, обучая солдат, заготавливая снаряжение и продовольствие. Вскоре Сукре присоединился к генералу Рафаэлю Урданéте, который спешил к Матурину для организации обороны города-крепости. Там на посту начальника штаба дивизии генерала Бермудеса наиболее ярко проявились его качества организатора.

В начале сентября 6-тысячная конница каудильо Морáлеса на службе роялистов, состоявшая в основном из жителей южных степных провинций — «льянос» и преследовавшая букваль-

⁶ *Oropeza J. Sucre. Ed. Zig-Zag. Santiago de Chile, 1945. P. 15.*

но по пятам отступавшие части республиканцев, появилась под Матурином. В результате четырехдневного кровопролитного сражения Моралес был разбит войсками под командованием группы военачальников-патриотов (среди них Бермудес, Седеньо, Монагас, Сукре) и вынужден отступить к г. Урика, где привел в порядок ряды «льянерос», ожидая подхода основных сил каудильо Бовеса. Ярость последнего от неудачи под Матурином не знала пределов — в захваченных им городах Барселоне и Кумане казнили пленных и вырезали практически все население (Сукре потерял двух братьев, сестру и мачеху). Узнав об их гибели, он поклялся не выпускать из рук оружие до тех пор, пока последний испанский солдат не покинет землю Американского континента.

Дивизия Бермудеса, усиленная войсками полковника Рибаса, вышла к Урике, чтобы дать бой Моралесу, не дожидаясь его соединения с Бовесом. Однако в силу отсутствия единства среди патриотов отступила и 9 ноября была разбита. Усилиями Сукре и других командиров ее удалось быстро реорганизовать и довести численность до 4 тысяч штыков. Им противостояла 8-тысячная армия Бовеса. Сражение у Матурина началось 5 декабря 1814 г. и продолжалось с переменным успехом. Несмотря на первоначальный наступательный порыв патриотов и гибель каудильо Бовеса (которого заменил Моралес), поле сражения осталось за «льянерос». Моралес осадил Матурин, где 500 солдат во главе с Бермудесом, Рибасом и Сукре в течение нескольких часов сдерживали натиск нападавших, но были вынуждены оставить город. Сукре вместе с Бермудесом удалось добраться до Гуириа, откуда они перебралась на о. Маргарита, а затем отплыли в Картахену.

В Венесуэле тем временем высадилась 10-тысячная карательная экспедиция испанцев во главе с генералом Морильо. В августе 1815 г. началась осада и морская блокада Картахены. Сукре командовал артиллерией осажденных, а также занимался фортификационными работами. Сопrotивление продолжалось 106 дней. Защитники крепости испытывали острую нехватку продовольствия и боеприпасов, из-за чего было принято решение оставить город. 600 солдат и около тысячи гражданских лиц под огнем противника погрузились на суда и прорвали блокаду с моря, следуя в направлении на Бокачика, одна-

ко попали в сильный шторм. Спаслись немногие. Сукре с несколькими соратниками удалось добраться до Гаити. В начале 1816 г. он вновь перебрался на о. Тринидад.

В конце марта 1816 г. из портового городка на юге Гаити отправилась новая освободительная экспедиция, организованная Боливаром. В составе ее участников находились Мариньо, Пиар, МакГрэгор, Карлос Сублётте, Фелипе Бриён, Франсиско Сэа и другие патриоты, которые высадились на о. Маргарита, а затем на материковой части у г. Карупано. Начался третий освободительный период в истории Венесуэлы.

Сукре и несколько его соратников покинули о. Тринидад на небольшой лодке, надеясь пересечь Карибское море и присоединиться к соотечественникам. Шторм не пощадил старое судно, которое быстро затонуло. Спаслись двое — среди них и Сукре, который вскоре встретился с Мариньо, назначившим его командовать батальоном «Колумбия», а затем сделавший Антонио Хосе начальником своего штаба.

Потерпев поражение в долине Арагуа у местечка Агуакатес и не дойдя до Каракаса, Боливар, столкнувшийся с неповиновением бывших подчиненных (Мариньо и Бермудеса), был вынужден оставить Венесуэлу и в очередной раз отправился на Гаити. 1 января 1817 г. он, уступая просьбам соратников, вновь высадился в г. Сан Гриего (на о. Маргарита), а через три дня был в Барселоне. Мариньо, отказавшись на время от амбиций, встал под его знамена, оставив Сукре с небольшим отрядом продолжать осаду Куманы.

Освободитель, выступивший из Барселоны на Каракас во главе отряда в 700 человек, был разбит у Кларина, после чего принял решение кардинально изменить тактику, направив все имевшиеся в его подчинении силы в долину реки Ориноко на юге страны, чтобы создать там базу для дальнейших операций (в которую не удалось превратить Каракас). В этот момент Мариньо и некоторые другие военачальники снова отказались ему подчиняться. Ассамблея, созданная в портовом городке Карьякó, утвердила Мариньо главнокомандующим. К счастью, Боливару не пришлось вмешиваться — начавший покорение о. Маргариты испанский генерал Морильо быстро положил конец деятельности конгресса.

Тем не менее полковник Сукре был одним из первых, кто отказался признавать приказы своего бывшего командира Мариньо и протестовал против решения ассамблеи. Период совместной борьбы с лидерами восточных провинций: Мариньо и Бермудесом закончился. Он направился на юг, к Ориноко, где присоединился к отрядам Боливара, который признал за ним чин полковника. С этого момента и до конца своих дней Сукре неизменно оставался лояльным и преданным Освободителю.

* * *

Боливар, готовивший поход в Новую Гранаду, ненадолго назначил Сукре губернатором Куманы, затем — командиром батальона «Ориноко», а в сентябре 1817 г. Антонио Хосе стал губернатором Гуаяны и главнокомандующим военными силами в нижней части бассейна реки Ориноко. В начале октября Сукре уже командовал дивизией в Кумане. Через некоторое время его ввели в состав генерального штаба Освободительной армии. По сути, он превратился в ближайшего военного помощника и доверенное лицо венесуэльского лидера.

1818 и 1819 гг. прошли в постоянных стычках и сражениях с роялистами. На всех постах Антонио Хосе смог проявить блестящие организационные способности и талант военачальника. В 1819 г. вице-президент республики Франсиско Сёа присвоил 24-летнему Сукре звание бригадного генерала, которое затем подтвердил Боливар.

С целью подготовки похода в Новую Гранаду Боливар направил Сукре вверх по течению реки Апуре. Ему была поставлена задача запасти продовольствие и фураж, наметить схемы движения и переходов, обустроить места для бивуаков, заложить оружейные и пороховые склады. Интендантская миссия обеспечила успешное передвижение больших масс войск в безлюдных районах. Боливар отмечал: «Сукре был душой армии, в которой находился: он талантливо приводил в порядок, систематизировал и руководил всем, чем занимался»⁷.

⁷ *Bolívar Simon. Resumen Sucinto de la Vida del General Sucre. Escrito en Lima, 1825 // A. Malta. Los generales de Bolívar. México, 1965. P. 65.*

После провозглашения 25 декабря 1819 г. республики Великая Колумбия Освободитель, думая о будущих военных кампаниях, доверил Сукре приобретение оружия, боеприпасов и снаряжения, для чего в первых числах 1820 г. направил его на Антильские острова, где были закуплены большие количества пороха, сукна, проводилась вербовка иностранных офицеров.

В сентябре Сукре, пользовавшийся полным доверием Боливар, становится командиром дивизии личного эскорта Освободителя, завершавшего кампанию в западной части Венесуэлы, а спустя непродолжительное время назначается военным министром и в новом ранге участвует в операциях по освобождению Кўкуты, Мэриды и Трухильо.

В конце года он вместе с другими офицерами принимал участие в подготовке перемирия с испанским генералом Морильо, которое было подписано 25 ноября 1820 г.

Его усилия по гуманизации военных действий, тщательному фиксированию занятых сторонами позиций привели к тому, что патриоты получили значительные преимущества, позволившие им шесть месяцев спустя успешно начать боевые действия, закончившиеся триумфом на равнине Карабóбо (24 июня 1821 г.), который окончательно закрепил независимость Венесуэлы.

В октябре 1820 г. стало известно о восстании в Гуаякиле, а в январе 1821 г. Боливар назначил Сукре специальным уполномоченным Колумбии и командующим вспомогательной армией (в состав которой вошли два батальона и кавалерийский эскадрон) для оказания помощи повстанцам. 6 мая колумбийские части высадились в городе. В августе в местечке Бабабóо они соединились с отрядами местных ополченцев. Освобождение бывшего генерал-капитанства Кито, ранее входившего в состав вице-королевства Новая Гранада, стало первой самостоятельной операцией стратегического масштаба, которая была доверена Освободителем 26-летнему генералу.

Несмотря на необходимость обучения пополнения, Сукре предпринял наступление на г. Кузнка, однако был вынужден прервать его, так как в Гуаякиле вспыхнул мятеж роялистов. Им на помощь из Кито выступили две колонны испанцев под ко-

мандованием генерала Аймэрича, намереваясь зайти в тыл войскам патриотов. Сукре, разгадавший замысел врага, 18 августа разбил авангард наступающих в местечке Ягуа́чи, захватив около 600 пленных и большое количество оружия. Карательная экспедиция Аймерича повернула вспять. Сукре начал преследование, но 29 августа в бою под Уа́чи потерпел поражение, был легко ранен и отступил в городок Сабанёта, где провел реорганизацию своих войск, ожидая подхода подкреплений из Перу, которые были направлены генералом Сан-Мартинем. Перуанская дивизия в количестве 1600 штыков во главе с полковником Андресом Санта Крúсом в начале февраля 1822 г. соединилась с колумбийскими частями в местечке Сарагу́ро, образовав Южную армию под командованием Сукре в составе 2822 солдат и офицеров.

Задачей креольских армий, по замыслу Боливара, находившегося с войсками в колумбийской провинции Па́сто к северу от Кито, было взятие города комбинированным ударом. При этом Сукре совершил марш с южного направления, обойдя горные склоны и спустившись в долину Рио-Ба́мбы. Испанцы под командованием полковника То́рла отходили к столице, не ввязываясь в боевые действия. Тем не менее в стычке в горном ущелье они потеряли почти всю кавалерию и укрылись на оборонительных позициях. План Сукре состоял в том, чтобы отсечь неприятеля от города и вынудить его принять сражение. Колонна патриотов, совершив четырехдневный марш по горным пикам и перевалам, вышла в долину Чильо в 20 километрах от Кито, заняв подножие вулкана Пичи́нча, господствовавшего над столицей, но, столкнувшись с превосходящими силами противника, была вынуждена отступить. Ей в помощь была предпринята фронтальная атака. Роялисты пытались окружить нападавших, однако исход боя решила стойкость английского батальона «Альбион». 24 мая Сукре предъявил ультиматум, и испанский гарнизон во главе с генералом Аймеричем сложил оружие. Условия капитуляции были почетными — офицеры получили право вернуться в Европу за счет правительства Колумбии; те, кто хотел остаться, могли вступить в армию патриотов или перейти в разряд частных граждан, была объявлена всеобщая амнистия.

Первая кампания в Эквадоре была закончена. 15 июня 1822 г. Боливар прибыл в Кито, а через несколько дней был уже в Гуаякиле. В конце июля там состоялась его встреча с генералом Сан-Марином.

Сукре было присвоено звание дивизионного генерала, он получил пост главнокомандующего вооруженными силами департамента Кито. В этом городе он встретил свою любовь. Сердце солдата покорила донья Мариана де Карселён и Ларрёа, маркиза де Солáнда. Они были помолвлены, хотя свадьба состоялась шесть лет спустя. У него были соперники.

* * *

После того как генерал Сан-Мартин покинул Лиму, Перу погрузилось в пучину внутренних раздоров, а правители страны не хотели видеть иностранцев в роли освободителей. Только в марте 1823 г. конгресс согласился принять предложенную Боливаром помощь — туда была направлена вспомогательная колумбийская дивизия в составе 3 тысяч штыков под командованием Сукре, который одновременно стал политическим представителем Освободителя.

На Лиму во главе 9-тысячного войска наступал испанский генерал Кантерáк. С учетом грозившей опасности перуанское правительство назначило Сукре (против его воли) главнокомандующим. Перед лицом превосходящих сил врага Сукре не оставалось другого выбора, кроме как защищать крепость Кальяо, позволив неприятелю оккупировать столицу.

В мае в южные районы Перу была направлена военная экспедиция генерала Санта Крúса, который к тому времени уже вернулся из Эквадора. В конце июля ему на помощь по приказу политического руководства Перу во главе с Торре Тагле отправилась дивизия Сукре, несмотря на возражения последнего. Сукре прозорливо предполагал, что перуанец не станет ему подчиняться, что приведет к трагическим последствиям. Так и случилось. Хотя колумбийцы отвлекли на себя значительные силы роялистов, Санта Крус потерпел поражение и Сукре пришлось предпринимать срочные меры для спасения дивизии, отступив к г. Ика. Единственным плюсом

похода в Пуно явилась эвакуация роялистами Лимы — Кантерак опасался потери Арекипы и других городов в Верхнем Перу.

1 сентября 1823 г. Боливар наконец прибыл в Лиму. Перуанский конгресс отстранил от власти президента де ла Рива Агуэро, обвинив его в государственной измене. Военное командование было передано Освободителю. Строго придерживаясь республиканских убеждений, Сукре отказался встать во главе отрядов, направленных для отстранения от власти де ла Рива Агуэро, предпочитая не вмешиваться во внутренние дела перуанцев.

10 февраля 1824 г., после восстания гарнизонов в Кальяо и Лурине, на Боливара возложили обязанности верховного правителя и звание диктатора. Он покинул Лиму, отведя лояльные ему части на север к Трухильо, где при помощи Сукре, назначенного главнокомандующим совместными аргентино-чилийско-перуанско-колумбийскими силами, начал реорганизацию армии, намереваясь подготовить ее к будущим сражениям. Главную организующую роль, как всегда, играл Сукре, налаживая логиистику, создавая инфраструктуру, обучая солдат и новобранцев. Была организована добыча свинца, налажено производство упряжи, повозок, тканей для пошива униформы. Солдатам раздали «пóнчо» (теплые накидки из шерсти ламы), у всадников кроме коней были запасные мулы, приспособленные к переходам по горным тропам. Сукре три раза пересекал Кордильеры для того, чтобы осуществить тщательный осмотр дорог, подготовить карты, наметить пункты привалов, заготовить склады по маршруту движения, создать медицинские бараки. Спустя пять месяцев армия была готова к предстоящим боям.

С учетом разногласий в лагере роялистов (генерал Педро Ольянэта отказался подчиняться вице-королю Хосе де ла Сёрне) Боливар приказал сосредоточить войска патриотов у Сёрро-де-Паско на восточной стороне Анд, чтобы развернуть операции в долине Хауха, где находились основные силы Кантерака. В июне 1824 г. Объединенная армия выступила в поход. Форсируя горную цепь Кордильера-Бланка, солдаты двигались по перевалам на высоте, достигавшей 5 тысяч метров над уровнем моря. Республиканцы и роялисты сошлись на пустынном высокогорном плато,

окружавшем озеро Хунин. В конном сражении 6 августа патриоты одержали убедительную победу, испанцы начали отходить по направлению к Куско. Хотя Антонио Хосе не принимал участия в битве, Боливар поздравил его с победой, указав, что она была выиграна кавалерией, блестяще подготовленной Сукре.

Патриоты продолжили марш на Тárму, прибыв 14 числа в Уанкайо. Здесь Боливар поручил Сукре вернуться в Серро-де-Паско, чтобы организовать лечение раненых, количество которых достигало 2 тысяч человек, и собрать отставших, обеспечив их отправку в передовые части. Сукре блестяще выполнил задание, однако затем в вежливой форме выразил свое несогласие и обиду в связи с его отстранением из рядов действующей армии. Боливару стоило усилий убедить своего товарища в том, что ему была доверена особая миссия, которую в противном случае смог бы выполнить только сам Освободитель. «Для генерала Сукре, — воздал ему должное Боливар, — любое дело, связанное с актами гуманизма и пользой родине, представляется славным, поскольку он является Генералом своих солдат»⁸.

В октябре Освободитель получил известие из Боготы: конгресс при поддержке вице-президента Великой Колумбии Франсиско де Па́ула Сантандэра отзывал у него чрезвычайные полномочия по ведению боевых действий за границами республики с целью опорочить президента, не обеспечивавшего, по их мнению, прямую защиту материальных интересов колумбийской элиты на ее территории. Понимая, что среди соратников началась борьба за власть, исходя при этом из необходимости как можно быстрее завершить разгром испанцев в Верхнем Перу, Освободитель не стал оспаривать бессмысленное и обидное решение, передав командование армией генералу Сукре, который, тем не менее, отказался подчиняться правительству в Боготе, заявив, что будет выполнять только приказы Боливара.

Решающее сражение на равнине Аякучо, блестяще спланированное Сукре, лично занимавшимся разведкой местности и опре-

⁸ *Díaz Julio. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 86.*

делением тактики боя, произошло 9 декабря 1824 г. Силы патриотов состояли из четырех дивизий — двух колумбийских (под командованием генералов Лáры и Кóрдобы), перуанской (во главе с генералом ла Мáром) и кавалерийской генерала Мýллера — общим количеством 5780 человек при двух артиллерийских орудиях. Им противостояли части роялистов, численность которых достигала 9300 бойцов при 11 пушках. Войска стояли на возвышенностях вокруг пампы, представлявшей собой небольшую долину. Такое расположение позволяло сторонам избежать окружения и фланговых маневров, но вынуждало к фронтальной атаке. Сукре объехал батальоны, обратившись к ним с речью и воодушевив на предстоявшее сражение. В историю вошли его слова: «Солдаты, от ваших усилий сегодня зависит судьба Латинской Америки! Еще один день славы увенчает ваше упорство!»⁹

Атаку начали испанцы, сумевшие потеснить перуанскую дивизию, однако контратака колумбийцев выправила положение, а удар конницы патриотов решил исход ожесточенной трехчасовой битвы в их пользу.

Поражение испанских войск было полным, в плен попали вице-король, 14 генералов и около 600 офицеров. Королевская армия перестала существовать. Генерал Сукре, как и раньше в Кито, принял капитуляцию на почетных условиях — благородство и личная скромность не позволяли этому «солдату-философу» унижать противника: офицерам было сохранено оружие, всем желавшим было разрешено покинуть страну. В обращении к победителям он признал их заслуги: «Солдаты! На поле Аякучо вы завершили вашу самую славную кампанию. Шесть тысяч смельчаков Освободительной армии скрепили своим упорством и кровью независимость Перу и обеспечили мир в Америке»¹⁰.

Битва при Аякучо ознаменовала собой окончание широкомасштабных боевых действий по завоеванию независимости Южной Америки от Испании. Несмотря на сохранявшиеся небольшие очаги сопротивления, военный этап освобождения континента

⁹ Ibid. P. 98.

¹⁰ Ibid. P. 101.

в целом был успешно завершён. Боливар, оценивая произошедшее событие, отмечал: «...Марш объединённой армии на Уамангу был выдающейся операцией, которую можно поставить в один ряд с другими великими победами в военной истории... она ждёт своего описания. Сражение при Аякучо является пиком славы американцев и делом рук генерал Сукре... Аякучо сравнимо с Ватерлоо, решившей судьбу Европы, поскольку определило судьбу американских наций... Сукре разбил оковы, надетые Писарро на империю Инков»¹¹. В официальном сообщении правительства США признавалось, что если первый выстрел за независимость Америки был сделан в окрестностях Бостона в 1775 г., то последний — без сомнения, на поле Аякучо.

27 декабря Боливар присвоил Сукре звание маршала и титул «Генерала Освободителя Перу». 22 февраля 1825 г. перуанский конгресс пожаловал Сукре звание Великого маршала Аякучо.

30-летний маршал мечтал и просил Боливара об одном — отпустить его к невесте в Кито. Однако до этого момента было ещё очень далеко. Обстоятельства вынуждали Освободителя в кратчайший период очистить Верхнее Перу от остатков испанских войск, которыми командовал не признавший вице-короля генерал-диссидент Ольянета, и безотлагательно приступить к организации политического каркаса власти в этом регионе. При выполнении указанной задачи он не мог обойтись без Сукре. Выполняя распоряжение Боливара, генерал в начале января 1825 г. освободил Куско, откуда отправился в Ла-Пас, прибыв туда 7 февраля. Уже 9 числа был издан указ о выборах представителей в учредительное собрание. В тот же день Сукре выступил в Оуру, чтобы дальше продолжить движение на Потоси, где находились основные силы роялистов. Патриоты вошли в город 29 марта, маршал Ольянета отступил в долину Тумусла, однако 3 апреля погиб в столкновении с отрядами неподчинившегося ему полковника Карлоса Мединасели. Испанская армия в Америке как организованная сила перестала существовать. Войска патриотов вернулись

¹¹ *Díaz Julio*. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 102.

в казармы, а Сукре направился в Чукисаку, где ему готовились устроить пышную встречу, предложив въехать в город в экипаже, который толкала бы группа знатных дам. В силу убеждений он не мог принять такие почести. Положив шпагу на сиденье, Сукре пошел за каретой, сопровождаемый свитой из отцов города. Здесь ему предстояло провести ближайшие три года.

* * *

Еще в феврале в письме к Боливару Сукре ставил вопрос о системе правления в Верхнем Перу. Боливар ответил не сразу. Следуя принципу *uti possidetis* («владей, чем владеешь»), которым руководствовался Освободитель, собирая земли бывшего генерал-капитанства Новая Гранада, данная область принадлежала Республике Объединенных провинций Рио-де-ла-Плата. Однако это шло вразрез с интересами Перу — страны, которой он управлял в тот момент.

Сукре, руководствуясь принципом невмешательства Освободительной армии во внутренние дела, объявил о созыве представителей в национальную ассамблею, что в целом отвечало желаниям местного населения, хотя и не получил на этот счет инструкций Боливара. Некоторые исследователи полагают, что Сукре при принятии данного решения руководствовался колумбийским патриотизмом, считая, что соединение двух частей бывшего вице-королевства Перу в одно целое приведет к появлению мощного соперника, однако этот тезис вызывает сомнения. Скорее, Сукре думал о том, как избежать угрожавшей молодым республикам анархии путем создания на подконтрольной территории устойчивой системы власти. В условиях, когда жители Верхнего Перу не проявляли желания объединяться с кем бы то ни было, Боливар в итоге поддержал предложение Сукре. Определяющее значение имела позиция Буэнос-Айреса — 8 февраля губернатор провинции Сальта генерал Антонио Альварес Ареналес сообщил Сукре, что правительство «портеньос» согласно с тем, чтобы четыре провинции сами определяли свое будущее.

6 августа 1825 г. ассамблея провозгласила народ Верхнего Перу суверенной нацией, назвав новое государство Республикой Боливара.

8 числа собрание приняло решение объявить национальным праздником день рождения Сукре, постановило вывешивать его портреты рядом с изображением Освободителя, установить статуи генерала в провинциальных центрах, присвоить ему звание капитан-генерала, защитника и первого гражданина республики, назвать столицу страны в его честь, а также наградить его золотой медалью, украшенной брильянтами, с надписью «Республика Боливар — победителю и герою Аякучо».

Сам Боливар прибыл в Ла-Пас 18 августа, став первым президентом одноименной республики. В течение четырех месяцев он занимался административными делами, однако в январе следующего года был вынужден в силу ряда обстоятельств навсегда покинуть эту страну, которую аллегорически назвал «своей любимой дочерью». Поскольку боливийцы возложили на Боливара верховную власть до тех пор, пока он находился в стране, после его отъезда она перешла к Сукре.

Маршал вскоре проявил себя не менее талантливым государственным деятелем, создав военное ведомство, министерства финансов и образования. Последнее он считал особенно важным, полагая, по примеру Боливара, что «полное и доступное народное просвещение является краеугольным камнем социального здания». Второй главной заботой было строительство дорог, которые, как он полагал, «дают развитие коммерции и сельскому хозяйству». По его инициативе создан Верховный суд, организована административная система, введено прогрессивное налогообложение, государственное имущество отделено от частной собственности, введен государственный патронат над церковью, проведена секуляризация, отменено послушничество. Большое внимание Сукре уделял военному делу, положив начало созданию первых военных формирований и институтов, которые он считал «вооруженной добродетелью». Представление о его деятельности лучше всего дает разработанный им (в отсутствие основного закона) программный декрет, в котором провозглашалось забвение прошлого и прощение политических взглядов бывших противников; подтверждалось право всех граждан на частную собственность и безопасность; устанавливались с целью поощрения иммиграции рав-

ные права, включая налоговые, для иностранцев; гарантировалась свобода совести и религиозных культов.

Спустя год, выполнив, как он считал, главные задачи, Сукре поставил перед конгрессом вопрос о своем освобождении от должности правителя, однако президент ассамблеи Казими́ро Ола́ньета, сославшись на волю народа, убедил его остаться. Верный чувству долга, он согласился, но поставил крайний срок — август 1828 г., на который был назначен созыв Конституционного конгресса.

Работа почти целиком поглощала все время. Вечера обычно занимали встречи с друзьями и соратниками — «терту́льи». Он был противником импровизаций и непродуманных действий, создав налаженную систему административного управления. «Обещаю вручить эту страну конгрессу в хорошем состоянии и порядке», — писал он Боливару¹². Сукре вел простую и скромную жизнь, отказавшись от охраны, эскорта и других привилегий. Его девизом стало выражение: «Я работаю для народа, поэтому народ имеет право видеть меня и мою работу»¹³. Только после покушения у центральной двери его дома появился часовой.

Понимая, что его деятельность стала препятствием для амбиций многих местных политиков, Сукре все больше думал о том, что пришла пора оставить власть. Осложнились отношения Боливии с Перу, вынашивавшей планы аннексировать свою бывшую территорию и имевшей претензии к Колумбии. Внешние и внутренние враги не сидели сложа руки. В конце 1826 г. восстал колумбийский эскадрон в г. Кочабамба, ушедший в Аргентину. В следующем году произошло восстание колумбийцев в Ла-Пасе, подавленное национальными войсками. 18 апреля 1828 г. начался мятеж в Чукисаке, где находились сам Сукре и правительство.

Президент лично прибыл в казармы в сопровождении военного министра и своих адъютантов. Когда он начал говорить с построенными в каре солдатами, призывая их не быть «убий-

¹² *Arquedas Alcides*. La fundación de la República. La Paz, 1920.

¹³ *Díaz Julio*. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 138.

цами родины», из глубины двора раздался оружейный залп. Одна пуля пробила правую руку Сукре, другая, сбив шляпу, оцарапала голову. Он чудом остался жив. Испуганный конь понес его к президентскому дворцу. Потеряв много крови и будучи почти без сознания, он не смог справиться с лошадей. Ворота конюшни были низкими, и Сукре получил сильный удар в голову при въезде. Очнулся он уже в постели, в окружении врача и местных дам, оказавших ему первую помощь. Через два дня он покинул город, отправившись на выздоровление в загородный домик — «фінку» в долину Ньюкчо. Власть перешла к совету министров. После нескольких тяжелейших военных кампаний и множества сражений, пройденных почти без ранений, он был первый раз серьезно ранен, пролив кровь при исполнении властных полномочий главы государства.

В это время в далеком Кито полковник Висенте Агирре заключил по поручению Сукре и согласно его доверенности брачный договор с Марианой Карселен и Ларреа.

Наконец, 2 августа 1828 г. он направил в собравшийся Конституционный конгресс прошение об отставке и прощальное послание к боливийцам, попросив у законодателей одну награду за службу Боливии — лишить его иммунитета, и пообещав вернуться из Колумбии и предстать перед судом, если против него выдвинут какие-либо обвинения в нарушении законов. Будучи иностранцем и сознавая ответственность перед народом, вручившим ему высшую власть, он полагал необходимым дать своим поведением пример для подражания местному обществу, стараясь привить гражданам те принципы честности и порядочности, которым всегда следовал сам.

Вечером этого же дня, не теряя ни минуты, Сукре отправился по направлению к побережью в порт Кобйха, где поднялся на борт английского фрегата, отплывавшего в Гуаякиль. 30 сентября 1828 г. маршал прибыл в Кито, встретившись с супругой. У него не было денег (они жили на доходы жены), но оставалась мечта — посвятить себя семейной жизни; он верил в то, что может стать хорошим мужем, и даже написал Боливару несколько наивные строки чистого душой человека: «Она даст мне хлеб,

а я отдам ей почести, полученные на войне»¹⁴. Брак не был счастливым.

Они пробыли вместе несколько месяцев, пока Сукре не получил приказ Боливара возглавить войска в южных провинциях для отражения нападения на Колумбию. Между независимыми креольскими республиками произошел первый вооруженный конфликт — в ноябре перуанские части перешли границу и стали концентрироваться в г. Лóха, а 1 февраля 1829 г. президент Перу Хосе ла Мар оккупировал Гуаякиль. Сопротивление перуанцам организовал венесуэльский генерал Хуан Хосе Флóрес. Операции в эквадорской провинции Тárки стали последней военной кампанией Сукре. Еще будучи в Кито, он советовал генералу Флоресу в случае вторжения серьезных сил неприятеля оставить Гуаякиль и создать оборонительный рубеж на равнине Тárки, защищая г. Куэнка, который он видел как удобную базу для последующей кампании.

27 января 1829 г. Сукре прибыл в Куэнку. Перуанская армия под командованием маршала ла Мара и генерала Агустино Гамáрры насчитывала 7,5 тысячи солдат и 4 орудия, колумбийские силы во главе с Сукре значительно меньше — 3,8 тысячи пехотинцев и около 800 всадников. Не желая проливать кровь недавних союзников, Сукре стремился уладить конфликт мирными средствами, однако попытка не увенчалась успехом. Перуанцы атаковали Куэнку, хотя и не смогли взять город. В ответ в середине февраля колумбийцы неожиданно появились у перуанского лагеря в Сарагúро, рассеяв два вражеских батальона и встав в долине реки Тарки между перуанской армией и Куэнкой. В ночь с 26 на 27 февраля передовые части эквадорцев и колумбийцев форсировали водную преграду и рано утром вступили в бой. Штыковая атака решила исход сражения. Перуанцы потеряли 2,5 тысячи человек. Оставшиеся войска взбунтовались в местечке Макара́, сместив ла Мара. После этого Сукре прекратил преследование и предложил вступить в переговоры. Уже 28 февраля в городке

¹⁴ *Díaz Julio*. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 15.

Хирон стороны подписали мирный договор. Военная кампания завершилась за 30 дней, перуанцы эвакуировали занятые ими территории.

В середине 1829 г. Сукре вернулся в Кито, где 10 июля у него родилась дочь Тереза. Однако он недолго наслаждался семейным уютом. Великая Колумбия распадалась, планы пожизненного президентства Освободителя не получили поддержки, противоречия между Венесуэлой и Новой Гранадой зашли слишком далеко. В этой связи Боливар, с горечью признавший бесплодность усилий по сохранению страны («я пахал море»), стал склоняться к образованию конфедерации, для чего объявил о созыве национального собрания, сразу получившего название «Восхитительный конгресс». Начало работы было запланировано на январь 1830 г. Сукре был избран представителем от южных провинций. Напрасно Мариана, предчувствуя недоброе, умоляла мужа отказать от поездки, убеждая, что там могут обойтись без него. Он успокаивал ее, говоря, что на этот раз едет не воевать, а помогать Боливару. В декабре Сукре отправился в путь, а 21 января депутат от Кито был избран президентом открывшегося в Боготе конгресса.

Венесуэла во главе с генералом Хосе Антонио Пáэсом демонстрировала решимость окончательно отделиться от Великой Колумбии. Конгресс направил на венесуэльскую границу уполномоченных во главе с Сукре, пытаясь договориться. Сукре предложил компромиссную формулу — никто из военачальников периода 1820-х гг. не мог стать президентом страны или главой ее департаментов, включая его самого и Боливара. Но это не устраивало Пáэса, обвинившего Освободителя в стремлении навязать республике монархию. 27 февраля Венесуэла заявила о выходе из состава Великой Колумбии. Огорченный упрямством и неуступчивостью Пáэса и поддержавшего его Мариньо, Сукре вернулся в Боготу, где Боливар подтвердил свою отставку с поста президента, чтобы не быть причиной новых раздоров (учредительный конгресс в Венесуэле потребовал изгнать его из пределов республики), и объявил о желании уехать из страны. Освободитель покинул столицу, не попрощавшись. Возможно, он предчувствовал расставание на-

всегда. Больше ничего не удерживало Суcre в Боготе, стремившегося поскорее увидеть жену и дочь.

В мае 1830 г. генерал Флорес провозгласил Республику Эквадор. До возвращения Суcre ему было поручено исполнять функции главы государства. Президент Колумбии генерал Доминго Кайсéдо советовал Суcre отправиться в Гуаякиль морем, предупреждая об опасностях сухопутного маршрута через Попаян и Пасто, где у патриотов были многочисленные враги еще со времен усмирения Боливаром восстания роялистов. Однако Суcre решил по-другому. Он хотел быть дома к 13 июня (дню Святого Антония).

В конце мая Антонио Хосе прибыл в Попаян. От Кито его отделяло всего 115 лиг. 3 июня он был в местечке Вента-Кемада, откуда начинался горный массив Берруэкос. Рано утром Суcre с двумя сопровождающими (среди них депутат конгресса Гарсия Трельес) и погонщиками отправились в путь, намереваясь пересечь ущелье до наступления жары. Кавалькада поднималась по узкой горной тропе, окруженной густым лесом. Около 8 часов утра все услышали звук выстрела и крик падавшего с мула Суcre. Когда погонщики приблизились к нему, он был уже мертв — пуля попала прямо в сердце. Вдали они увидели четыре силуэта удалявшихся всадников. Тело было захоронено 5 июня в населенном пункте Ла Капилья.

По наиболее распространенной версии, маршал пал от руки наемного убийцы Аполинаро Морильо. Это был заговор во главе с генералом Хосе Мария Обáндо, бывшим роялистом, сотрудничавшим с перуанцами во время захвата ими Гуаякиля, а затем перешедшим на сторону либералов, которые видели в Суcre возможного преемника Боливара. Суcre стал жертвой политических интриг столичной элиты.

* * *

Спустя шесть месяцев его вдова вышла замуж за генерала Исидоро Баррига, своего бывшего возлюбленного. Дочь Суcre, его единственная наследница, трагически погибла в ноябре 1831 г. в возрасте двух с половиной лет, когда она, по свидетельству оче-

видцев, выскользнула из рук отчима и упала с балкона. Колумбийский историк Элиас Пéрес Сóса писал и приводил доказательства того, что у Сукре в Боливии остался сын от очаровательной сеньориты Марии Мануэлы Рóхас, которая была помолвлена с доном Оланьетой. Последний якобы стал после этого заклятым врагом президента Боливии и даже стоял за покушением, совершенным 18 апреля 1828 г. Утверждалось, что сына звали Педро Сéсар Сукре, он был женат и оставил четырех детей. Однако так ли было на самом деле, вряд ли станет когда-нибудь достоверно известно.

Спустя какое-то время останки Сукре были перевезены в склеп семьи Карселен в храме Сан Франсиско в столице, где находились до 1833 г., а затем доставлены в монастырь Кáрмен Бáхо. В 1900 г. их отыскали и с почестями перезахоронили в кафедральном соборе Кито.

Так закончился славный путь патриота, солдата-философа, талантливого организатора и государственного деятеля Антонио Хосе де Сукре, соратника Боливара, Великого маршала Аякучо, которому на момент гибели исполнилось всего 35 лет. Как отмечал один из биографов Сукре, полковник боливийской армии Хулио Дíас: «Возможно, фигура самого Освободителя не достигла бы таких высот без бескорыстной и самоотверженной помощи маршала Сукре»¹⁵.

Его память чтят все государства Южной Америки, но особенно он популярен в странах «Боливарианского альянса для народов Америк» (блока АЛБА): Венесуэле, Боливии и Эквадоре. Именем Сукре названы город в Боливии (бывшая Чукисака), штат в Венесуэле, а также национальная денежная единица в Эквадоре.

¹⁵ *Díaz Julio*. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25. P. 165.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Archivo Pueyrredón. Museo Mitre. Tomo II.
2. *Arquedas Alcides*. La fundación de la República. La Paz, 1920.
3. *Basadre Jorge*. La iniciación de la República: contribución al estudio de la evolución política y social del Perú. Lima, Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 2002.
4. *Belgrano Manuel*. Belgrano. Buenos Aires, 1927.
5. *Bolívar Simon*. Resumen Sucinto de la Vida del General Sucre. escrito en Lima, 1825 // A. Malta. Los generales de Bolívar. México, 1965.
6. *Bragoni Beatriz*. José Miguel Carrera. Un revolucionario chileno en el Río de la Plata. Ed. Edhasa. Buenos Aires, Argentina, 2012.
7. *Díaz Julio*. Sucre Organizador y Conductor de Ejércitos. Publicaciones Militares. La Paz, Bolivia, 1950. Vol. 25.
8. *García Luis Navarro*. José Artigas. Ed. Historia 16. Madrid, 1987.
9. *Gondora Luis Roque*. Las ideas económicas de Manuel Belgrano. Buenos Aires, 1927.
10. *Gondora Luis Roque*. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. Ed. Peuser. Buenos Aires, 1938.
11. Homenaje al General Carlos María de Alvear en el 2 Centenario de su nacimiento. Imp. Gráfica Carollo. Buenos Aires, 1990.
12. *Kirkpatrick F. A*. Compendio de Historia Argentina. Cambridge, at the University Press, 1931.

13. *Lapuente Rodríguez Manuel*. Historia de Iberoamérica. Ed. Ramon Sopena. S.A. Barcelona, 1995.
14. *Larrain S. Fernández*. O'Higgins. Santiago de Chile, 1974.
15. *Lopez V. F.* Historia de la República Argentina, su origen, su revolución y su desarrollo político. Buenos Aires: Imprenta y Encuadernación de G. Kraft, 1913.
16. *Díaz-Trechuelo López-Spínola M. L.* Bernardo O'Higgins. Ed. Anaya. Madrid, 2008. P. 101.
17. Manifiesto de José Miguel Carrera. Montevideo, 1818. Colección de Historiadores y Documentos relativos a la Independencia de Chile, editada por E. Matta Vial y G. Feliú Cruz, 1954.
18. *Mitre Bartolomé*. Historia de Belgrano y de la independencia Argentina. Buenos Aires, 1887.
19. *Mitre Bartolomé*. Historia de San Martín y de la emancipación sudamericana. Ed. Peuser. Buenos Aires, 1946.
20. *Oropeza Juan*. Sucre. Ed. Zig-Zag. Santiago de Chile, 1945.
21. *Reta J. C.* Raffo de la. Historia de Juan Martín de Pueyrredón. Ed. Espasa-Galpe Argentina. Buenos Aires; Mexico, 1949.
22. *Salmoral Manuel Lucena*. José Gervasio Artigas. Ed. Anaya. Madrid, 1988.
23. *Sepúlveda Alfredo*. Bernardo. Ed. B Chile S. A. Santiago de Chile, 2007.
24. *Varela L. V.* Historia Constitucional de la República Argentina. Taller de Impresiones Oficiales. Buenos Aires, 1910.
25. Война за независимость Латинской Америки. М.: Наука, 2011.
26. История Перу с древнейших времен до конца XIX века. М.: Наука, 2000.
27. Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М.: Наука, 2012.

Лезгинцев Юрий Михайлович

СОРАТНИКИ И СОПЕРНИКИ

Историко-биографические очерки
эпохи борьбы за независимость испанских
колоний в Южной Америке

В авторской редакции

Художник *А. Ю. Никулин*

Выпускающий редактор *А. В. Владимирская*

Корректор *А. В. Латунова*

Компьютерная верстка *Т. В. Хромцевой*

Подписано в печать 11.07.2017.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 15,5. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ № 4002.

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1.
Тел.: 8 (495) 280-05-25; 8 (968) 420-33-35.
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ЛЕЗГИНЦЕВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился 1 декабря 1956 г. в г. Ленинграде. Выпускник факультета международных экономических отношений МГИМО МИД СССР, который окончил в 1979 г. Специалист по Латинской Америке, доктор экономических наук. Член Союза писателей России.

Увлечение историей и экономикой региона получило развитие во время работы в длительных заграничных командировках в Аргентине, Панаме, Перу, Венесуэле, Чили, на которые пришлось в общей сложности около 20 лет. За указанное время автор смог побывать во многих уголках необъятного латиноамериканского мира, познакомиться с большим количеством людей, попытаться разобраться в пестрой палитре креольских характеров, изучить отношение к жизни, психологические и поведенческие особенности населения этих прекрасных и интереснейших стран.

Итогом многообразия собранных впечатлений стала серия книг, посвященных ключевому этапу формирования южноамериканских народов — периоду их борьбы за независимость в начале XIX века, заложившему основы национального самосознания.

Последняя из них под названием «Соратники и соперники» представляет собой историко-биографические очерки целой плеяды видных деятелей той эпохи, оставивших неизгладимый след в истории созданных их усилиями новых государств. Без преувеличения можно сказать, что пример и мысли этих людей продолжают оказывать существенное влияние на современные политические процессы, во многом определяют стратегические решения по дальнейшему развитию латиноамериканских обществ.

ISBN 978-5-7133-1583-2

9 785713 315832 >

Международные отношения